

Вестник

**Сибирского института
бизнеса и информационных
технологий**

ISSN 2225-8264

Научный журнал

Основан в 2011 г.

Выходит четыре раза в год

2025

Том 14, № 1

Учредитель

Автономная некоммерческая образовательная организация
высшего образования
«Сибирский институт бизнеса
и информационных технологий»

Главный редактор

М. Г. Родионов, кандидат экономических наук

Редакционная коллегия:

С. В. Матюшенко, доктор педагогических наук
Е. Г. Брежнева, доктор педагогических наук
М. В. Дербуш, кандидат педагогических наук
П. Е. Багновская, кандидат педагогических наук
А. И. Ковалёв, доктор экономических наук
А. Е. Миллер, доктор экономических наук
М. А. Миллер, доктор экономических наук
Г. З. Мансуров, доктор юридических наук
Н. В. Иванюта, доктор юридических наук
Н. Ю. Челышева, кандидат юридических наук

Ответственный редактор

Е. Ю. Воробьева, кандидат философских наук

© АНОО ВО «Сибирский институт бизнеса
и информационных технологий», 2025

По научным специальностям 5.8.2 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)» (педагогические науки), 5.2.3 «Региональная и отраслевая экономика» (экономические науки) журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес редакции и издателя:
644116, Омская область, г. Омск,
ул. 24-я Северная, д. 196, корпус 1.
Тел./факс 8 (3812) 62-59-89
Сайт: www.sibit.sano.ru
E-mail: vestnik_sibita@sano.ru

Статьи публикуются в авторской редакции. За достоверность фактического материала и научную ценность статей ответственность несут авторы и рецензенты. Точки зрения авторов и редакционной коллегии могут не совпадать.
16+

Регистрационная запись
ПИ № ФС 77-77768 от 29.01.2020 г.
внесена в реестр зарегистрированных
СМИ Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(РОСКОМНАДЗОР).

Подписной индекс в каталоге
агентства «РОСПЕЧАТЬ» 71176.
Цена свободная.

Подписано в печать 20.03.2025 г.

Дата выхода в свет
25 марта 2025 года.

Формат 84×108/8. Печ. л. 7.25.
Тираж 500 экз. Заказ 170.

Отпечатано в издательстве ОмГТУ
Адрес издательства:
644050, Омская область,
г. Омск, пр. Мира, 11

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ (ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ) (ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

- Е. Г. Брежнева** – доктор педагогических наук, доцент (г. Мариуполь, РФ).
В. А. Далингер – доктор педагогических наук, профессор (г. Омск, РФ).
С. И. Десненко – доктор педагогических наук, профессор (г. Чита, РФ).
Е. А. Дьякова – доктор педагогических наук, профессор (г. Армавир, РФ).
П. П. Дьячук – доктор педагогических наук, доцент (г. Красноярск, РФ).
Л. И. Пономарева – доктор педагогических наук, профессор (г. Шадринск, РФ).
М. И. Рагулина – доктор педагогических наук, профессор (г. Омск, РФ).
О. Г. Смолянинова – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО
(г. Красноярск, РФ).
О. В. Тарасова – доктор педагогических наук, профессор (г. Орел, РФ).
С. Р. Удалов – доктор педагогических наук, профессор (г. Омск, РФ).

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА (ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ)

- А. В. Барчуков** – доктор экономических наук (г. Хабаровск, РФ).
А. Г. Бурда – доктор экономических наук, профессор (г. Краснодар, РФ).
Е. В. Исаева – доктор экономических наук, профессор (г. Омск, РФ).
А. И. Ковалёв – доктор экономических наук, профессор (г. Омск, РФ).
О. В. Максимчук – доктор экономических наук, профессор (г. Волгоград, РФ).
О. В. Михалев – доктор экономических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, РФ).
Л. А. Омелянович – доктор экономических наук, профессор (г. Донецк, РФ).
Е. В. Пилипенко – доктор экономических наук, профессор (г. Нижний Новгород, РФ).
Г. Е. Покровский – кандидат экономических наук, доцент (г. Омск, РФ).
Р. Г. Смелик – доктор экономических наук, профессор (г. Калининград, РФ).

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

- Н. В. Иванюта** – доктор юридических наук, доцент (г. Мариуполь, РФ).
Г. З. Мансуров – доктор юридических наук, доцент (г. Екатеринбург, РФ).
А. Н. Ниязова – доктор юридических наук, профессор (г. Алматы, Республика Казахстан).
Т. С. Таранова – доктор юридических наук, профессор (г. Минск, Республика Беларусь).
Ч. А. Туратбекова – доктор юридических наук (г. Бишкек, Киргизская Республика).
Е. А. Ходырева – доктор юридических наук, доцент (г. Ижевск, РФ).

СОДЕРЖАНИЕ

Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2025. Т. 14. № 1

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ.....	5
----------------------------------	----------

Гулева М. А. Развитие сотрудничества России и Китая в гуманитарной сфере.....	6
--	----------

Раздел I. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ (ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ) (ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Винокурова Е. И. Приемы начального этапа обучения китайских студентов русскому языку в неязыковой среде (российско-китайский опыт педагогического взаимодействия в МГУ-ППИ в Шэньчжэне).....	12
---	-----------

Губина А. А. Опыт усвоения локатива носителями китайского языка (элементарный уровень владения), в результате применения речевых упражнений, построенных на основе аутентичной игры.....	18
---	-----------

Латушкина В. А. Дополненная реальность как инструмент повышения мотивации в изучении информатики курсантами, обучающимися в образовательных учреждениях системы МВД России.....	24
--	-----------

Матюшенко С. В., Князева О. О. Онбординг как методика вовлечения обучающихся в образовательный онлайн-процесс.....	28
---	-----------

Рагулина М. И., Удалов С. Р., Федорова Г. А. Организация подготовки педагогов к использованию цифровых инструментов на основе регулятивно-деятельностного подхода.....	34
---	-----------

Юн Л. Г., Дубаков Л. В., Дубакова А. А. Лингводидактические возможности использования кинофильмов в аспекте преподавания русского языка как иностранного китайским учащимся в условиях неязыковой среды.....	39
---	-----------

Раздел II. РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА (ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Вирина И. В. Безработица молодежи на рынке труда Китая.....	46
--	-----------

Киварина М. В., Баторшина Г. Д. Совершенствование цифровых компетенций персонала как фактор технологического развития предприятий в регионах.....	51
--	-----------

Леденева В. Ю. Образовательные мосты между Россией и Китаем: вовлечение китайских студентов в российскую образовательную систему через стратегии рекрутинга.....	57
---	-----------

Matsko V. V., Rodionov M. G. APPROACHES TO ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF MARKETING AND ADVERTISING ACTIVITIES IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS.....	63
--	-----------

Миллер А. Е. Сценарный подход к управлению рисками в контексте экономической безопасности организации.....	68
---	-----------

Сухоруков А. И., Го Шухун, Ерошкин С. Ю. Управление российско-китайскими инвестиционно-строительными проектами в специализированных цифровых системах.....	78
---	-----------

Uspenskaya E. G. SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN MACHINE-TOOL INDUSTRY AS A FACTOR IN ENSURING THE TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF THE COUNTRY.....	85
--	-----------

Хуан Инцзе, Ергунова О. Т., Сомов А. Г. Аграрное партнерство России и Китая: стратегии, вызовы и перспективы регионального развития.....	90
---	-----------

Шаламов Г. А., Чжао Хунмэй, Шэн Лун Особенности реализации стратегии импортозамещения в рамках экономической безопасности Китая.....	98
---	-----------

Раздел III. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Васильева А. В. Права потребителя при трансграничных онлайн-покупках (на примере электронной торговой площадки «ALIBABA.COM» («ALiEXPRESS.COM»))...	108
--	------------

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА БИЗНЕСА И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ».....	114
--	------------

В 2024-2025 годах, объявленных Годом культуры России и Китая, были предложены и реализованы проекты, связанные с 75-летием установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Китайской народной республикой и призванные содействовать углублению отношений двух стран. Министерство иностранных дел России констатирует, что намеченный курс на сближение носит долгосрочный характер, отвечает задачам укрепления добрососедских отношений и обеспечивает устойчивое развитие. Близки и подходы обеих стран к принципиальным вопросам современного миропорядка и ключевым международным проблемам.

Наука всегда была территорией свободы, где мысли и идеи циркулируют без ограничений и становятся движущей силой дальнейшего социального развития. В этом пространстве ученые имеют уникальную возможность задавать вопросы, обозначать проблемы и предлагать пути их решения. Вызовы времени, связанные с нарастающей тенденцией деглобализации на мировой арене, породили парадоксальную реакцию наращивания тесного сотрудничества стран в тех областях, которые служат общим интересам. В сфере экономики, как и в информационно-образовательной среде, взаимодействие государств на основе взаимоуважения лишь укрепляет их национальный суверенитет.

В этот выпуск журнала включены статьи китайских и российских ученых, освещающие различные аспекты взаимодействия России и Китая в области экономических инноваций, управления и педагогики. Исследования авторов включают разработку новых методик обучения, что особенно важно для подготовки будущих специалистов: специфические приемы изучения русского языка китайскими студентами, как и отработка новых методов обучения студентами российскими, могут быть использованы повсеместно. Не менее важен как взаимообмен технологиями и инновациями, внедренными в региональную и отраслевую экономику, так и анализ результатов их применения.

Предваряет выпуск обзорная статья, посвященная взаимодействию России и Китая на всех официальных уровнях гуманитарного сотрудничества, что позволяет принимать стратегически важные решения для развития стран и обогащает обе стороны эффективными приемами совершенствования образования.

Редакция выражает надежду, что этот выпуск, являющийся результатом совместной работы российских и китайских ученых, вызовет интерес научной общественности и приведет к расширению контактов и укреплению связей в научной среде двух стран.

*Главный редактор Вестника Сибирского института бизнеса и информационных технологий, кандидат экономических наук, доцент
Максим Георгиевич Родионов*

РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ

Гулева М. А.¹

Научная статья

УДК: 378

DOI: 10.24412/2225-8264-
10.24412/2225-8264-2025-
1-949

Ключевые слова: Россия,
Китай, образование, гумани-
тарное сотрудничество

Keywords: Russia, China,
education, humanitarian
cooperation

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие России и Китая в образовательной сфере в последние годы. Гуманитарное сотрудничество всегда было одной из важнейших областей в двусторонних отношениях наших двух стран. В 21 веке контакты и обмены в сегменте высшего образования вышли на новый этап развития, кроме того, Россия и Китай начали активно наращивать взаимодействие на уровне школьного и профессионального образования. Страны расширяют горизонты сотрудничества, взаимодействуя не только на межгосударственном уровне, но и на международных площадках, как, например, БРИКС, ШОС и в рамках инициативы «Один пояс, один путь», находят все новые форматы сотрудничества, такие как, создание альянсов между учебными заведениями, совместное открытие школ и колледжей, активные обмены и консультации в подготовке кадров. Все это в перспективе должно еще больше укрепить фундамент социально-экономического сотрудничества между государствами и принести практическую пользу для народов наших стран.

¹Гулева Мария Алек-
сандровна — кандидат
экономических наук, доцент
кафедры медиалингвистики
факультета журналистики,
Московский государствен-
ный университет
им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва, ул. Мохо-
вая, 9, стр.1)
E-mail: guleva.m@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9226-
6011

DEVELOPMENT OF COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN THE HUMANITARIAN SPHERE

Maria A. Guleva

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article examines the interaction between Russia and China in the educational sphere in recent years. Humanitarian cooperation has always been one of the most important areas in the bilateral relations of our two countries. In the 21st century, contacts and exchanges in the segment of higher education have reached a new stage of development, in addition, Russia and China have begun to actively increase interaction at the level of school and vocational education. The countries are expanding the horizons of cooperation, interacting not only at the interstate level, but also on international platforms, such as BRICS, SCO and within the framework of the «One Belt, One Road» initiative, finding new formats of cooperation, such as the creation of alliances between educational institutions, joint opening of schools and colleges, active exchanges and consultations in personnel training. In the future, all this should further strengthen the foundation of socio-economic cooperation between the countries and bring more practical benefits to the peoples of our countries.

Поступила в редакцию:
6.02.2025

Важной вехой в истории российско-китайских отношений стал 2024 год. Страны отметили 75-летие установления дипломатических отношений и 25-летие создания Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству. За последние 75 лет образовательные обмены между Россией и Китаем сыграли важную роль в укреплении взаимопонимания и дружбы между народами наших стран. Российско-китайское сотрудничество в сфере образования непрерывно углубляется, способствуя тем самым сотрудничеству и обмену в других областях.

В декабре 1992 года правительства Китая и России подписали «Соглашение о культурном сотрудничестве между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Российской Федерации». Этот документ стал первым шагом в налаживании сотрудничества в гуманитарной сфере, в том числе и в сегменте образования. Страны приняли решение обмениваться экспертами и учеными, предоставлять стипендии, подписывать соглашения о взаимном признании степеней и квалификаций, устанавливать прямые связи между высшими учебными заведениями, обмениваться учебными материалами, изучать языки друг друга и т. д.

В ноябре 2000 года в рамках механизма регулярных встреч премьер-министров России и Китая правительства двух стран учредили Комитет китайско-российского сотрудничества в области образования, культуры, здравоохранения и спорта. В состав комитета входят представители четырех ведомств: министерств образования, культуры, спорта и здравоохранения. Подкомитет по сотрудничеству провел в декабре того же года первое заседание Китайско-российского комитета по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта, где был подписан «Протокол первого заседания». В 2001 году Подкомитет по сотрудничеству в сфере образования провел свое первое заседание. С тех пор для подведения итогов культурных и образовательных обменов за год в обеих странах ежегодно проводятся встречи между представителями соответствующих ведомств России и Китая. Сферы обменов и сотрудничества между двумя странами продолжают расширяться. В июле 2007 года, комитет был переименован в Российско-Китайскую комиссию по гуманитарному сотрудничеству, который продолжает свою работу и по сей день.

Деятельность комиссии нацелена на обеспечение институциональных гарантий реализации российско-китайского сотрудничества в сфере образования. В ноябре 2006 года было подписано «Соглашение о сотрудничестве в сфере образования между Министерством науки и образования Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики», где подробно оговаривается содержание сотрудничества между сторонами в сегменте обучения.

Обмены иностранными студентами и кадрами являются важной частью образовательных и культурных контактов. В 1995 году РФ и КНР подписали Соглашение о взаимном признании академических квалификаций и дипломов между странами. Подписание этого соглашения создало благоприятные условия для обмена иностранными студентами между Россией и Китаем.

Национальный совет по стипендиям Китая участвует в «Совместной программе обучения российско-китайских талантов в области искусства». Кроме этого, существует также «Программа профессиональной подготовки талантов в России», адресованная студентам, магистрантам и докторантам, «Программа поддержки выдающихся выпускников, прошедших обучение в России» и др.

Российский проект «Экспорт образования» направлен на привлечение большего количества китайских студентов для обучения в России. Многие российские университеты ведут работу по привлечению китайских студентов на учебу. Некоторые официальные сайты известных университетов, таких как Московский государственный университет и Санкт-Петербургский государственный университет, перевели часть представленной на сайте информации на китайский язык. Санкт-Петербургский государственный университет и Санкт-Петербургский политехнический университет имеют представительства в Харбине и Шанхае.

Благодаря различным политическим мерам число китайских студентов, обучающихся в России, увеличивается с каждым годом. Согласно российской статистике, в 2000-2001 учебном году число китайских студентов, обучающихся в России, составило 6100 человек. В настоящее время это число достигло 48 тыс. По численности иностранных студентов Китай занимает второе место после Казахстана. Растет и присутствие российских студентов в Китае. Если в 1997 году численность российских студентов, обучающихся в Китае, составляла 557 человек, то уже через 10 лет в 2007 году цифра увеличилась до 7260. В настоящее время в Китае проходят обучение уже 16 тыс. российских студентов.

В рамках сотрудничества между странами был налажен механизм проведения языковых стажировок для учащихся России и Китая. В ноябре 2005 года правительства двух стран подписали «Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Российской Федерации об изучении китайского языка в Российской Федерации и изучении русского языка в Китайской Народной Республике», которое предусматривает, что обе стороны будут делать все возможное для продвижения и улучшения использования языка другой страны в преподавании в своих странах, и предлагает конкретные пути сотрудничества, такие как направление друг к другу языковых экспертов для обучения русскому и китайскому языкам, иностранных студентов для обучения в учебных заведениях страны-партнера, обмен учебными материалами, поддержка работы российского и китайского культурных центров, проведение языковых соревнований и др. Это соглашение стало основой для развития российско-китайского сотрудничества в области преподавания языков.

Учреждение тематических годов, таких как «Национальный год» и «Год языка», а также запуски конкурсов «Китайский мост» и «Русский стиль» также значительно способствовали преподаванию китайского языка в Российской Федерации и преподаванию русского языка в Китае. В 2007 году в рамках «Года Китая» в России было открыто 7 Институтов Конфуция. По

состоянию на 2024 год в России действует 18 Институтов Конфуция и 5 Классов Конфуция. Россия создала в Китае 35 русских культурных центров. Увеличилось количество школ и численность студентов, изучающих русский и китайский языки. В настоящее время в Китае 153 университета предлагают для изучения специальность «Русский язык» еще и около 150 университетов реализуют преподавание русского языка в рамках курсов, открытых для внешних слушателей.

На уровне базового образования, в 83 средних и 6 начальных китайских школах открыты курсы русского языка. В России курсы китайского языка предлагают 230 средних общеобразовательных школ, где китайский язык изучают 26 тыс. учащихся, из них 12 тыс. — ученики начальных школ.

С 2019 года китайский язык, в качестве пятого возможного на выбор иностранного языка, вошел в Единый государственный экзамен.

Российско-китайский механизм культурных обменов значительно способствовал сотрудничеству между университетами двух стран. В настоящее время страны совместно создали 11 университетских альянсов, а также два региональных университетских альянса: Ассоциацию университетов Северо-Восточного Китая, Дальнего Востока и Сибири России, а также Ассоциация вузов Приволжского федерального округа РФ и провинций верхнего и среднего течений реки Янцзы КНР [1; 2].

Кроме того, в 2024 г. на базе Московского государственного лингвистического университета и Хэйлунцзянского университета был создан Альянс китайско-российских университетов языкового образования, целью которого было названо создание платформы для российско-китайского сотрудничества в области языкового образования, совместного использования ресурсов, подготовки высококвалифицированных специалистов в области языкового образования, углубления гуманитарных обменов и укрепления дружбы между народами двух стран [3].

Создание подобных Альянсов создало благоприятную основу для взаимодействия между российскими и китайскими высшими учебными заведениями, сферы сотрудничества продолжают расширяться, а содержание становится богаче.

По данным российской стороны, в настоящее время 150 российских университетов установили партнерские отношения примерно с 600 китайскими учебными заведениями, было подписано более 950 соглашений о сотрудничестве. Только в Москве ВУЗы имеют отношения на уровне партнеров с более чем 200 китайскими университетами, основные направления сотрудничества представлены такими сферами, как: химические технологии, информатика, финансы, деловое администрирование, управление экономикой сельского и лесного хозяйства и т. д.

Создание Ассоциации вузов Приволжского федерального округа РФ и провинций верхнего и среднего течений реки Янцзы КНР стало примечательным примером налаживания отношений между сторонами [4]. Альянс был создан в июне 2017 года и развивается довольно устойчиво. В настоящее время в его со-

став входят более 80 российских и китайских учебных заведений. Сотрудничество университетов в рамках ассоциации представляет собой новую модель, позволяющую интегрировать российские и китайские научно-технические и гуманитарные университеты.

В июле 2023 года Муданьцзянский педагогический университет и Уральский федеральный университет подписали соглашение о сотрудничестве между двумя учебными заведениями. Осенью того же года была намечена тема совместных исследований двух университетов в области сельского образования. В марте 2024 года делегация из Уральского федерального университета (УрФУ) прибыла в Муданьцзянский педагогический университет для обсуждения дальнейших форматов взаимодействия сторон.

Было подписано соглашение о создании виртуальной кафедры по исследованию проблем сельского образования РФ и КНР. Новая модель сотрудничества в образовании должна позволить сочетать в себе лучшие практики традиционного образования, а также новые возможности интернет-технологий, преодолевающих географические и временные ограничения, и позволяющих российским и китайским преподавателям и учащимся проводить научные исследования в любое время и в любом месте. Созданная университетами двух стран Российско-китайская исследовательская группа будет фокусироваться на сельском образовании, в том числе на таких направлениях, как: «сельское образование и сравнительное исследование образования в стране и за рубежом», «исследование образования сельских учителей» и «исследование психического здоровья сельских учащихся», а также проводить регулярные обмены мнениями и результатами для эффективного содействия исследовательскому процессу.

На данный момент УрФУ реализует 15 совместных образовательных программ с университетами Китая. Китайско-российский институт УрФУ отвечает за организацию этих программ, помогая китайским студентам адаптироваться к учебе и знакомиться с российской культурой и традициями.

Отдельного внимания заслуживает проект УрФУ и Северо-Китайского университета водных ресурсов и гидроэнергетики — Уральский институт, функционирующий в рамках Сетевого университета БРИКС, получил высокую оценку Министерства образования КНР. В 2023 году на заседании Сетевого университета БРИКС в Южной Африке проект был признан лучшей образовательной инициативой.

Ведется работа по созданию Лоян-Уральского университета. Соглашение о сотрудничестве уже подписано между городским народным правительством г. Лоян, Хэнаньским университетом науки и техники и УрФУ.

Кроме того, УрФУ планирует работу с Гуанчжоуским институтом технологий и бизнеса, в рамках которой в 2025 г. 160 студентов из Китая начнут обучение по совместным программам, в том числе: управление финансами, технологии программного обеспечения, учет и анализ в управлении бизнесом и информационно-управляющими системами и т. д. [5].

Представительным проектом сотрудничества рос-

сийских и китайских вузов стал Совместный университет МГУ-ППИ — проект правительства г. Шэньчжэнь, Пекинского политехнического института и Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Это первое подобное высшее учебное заведение, созданное совместно РФ и КНР. В мае 2014 года в рамках официального визита президента РФ Владимира Путина в КНР был подписан Меморандум о взаимопонимании между министерствами образования двух стран о сотрудничестве в реализации инициативы. В сентябре 2017 года в вузе прошли первые занятия. Постоянный кампус площадью в 35 га был открыт в 2019 году. Одним из элементов комплекса является корпус, повторяющий облик Главного здания МГУ в Москве. Предполагается, что число студентов совместного российско-китайского университета МГУ-ППИ (Шэньчжэнь, Китай) к 2025 году возрастет до 5 тыс. человек.

Московский государственный университет и Пекинский университет подписали меморандум о создании совместного Российско-китайского института фундаментальных исследований. Институт создается в России и в Китае как платформа двустороннего сотрудничества в области фундаментальных наук — математики, физики, химии, наук о жизни, наук о Земле, и нацелен на взаимодействие в сфере научных исследований, усиления академических обменов, создание совместных инноваций и др. [6].

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ) также проводит большую работу по развитию двусторонних связей в образовательной и научно-исследовательской областях, активизации академических и культурных обменов с китайскими партнерами, привлечению китайских студентов на обучение в Политех. В 2016 г. был открыт Совместный инженерный институт Цзянсу-ского педагогического университета (ЦПУ) и СПбПУ, предлагающий обучение по программам бакалавриата и магистратуры по таким направлениям, как: конструкторско-технологическое обеспечение машиностроительных производств, промышленный дизайн, инфокоммуникационные технологии, системы связи, электроника и нанoeлектроника [7].

В настоящее время в рамках механизма гуманитарных обменов сотрудничество между учебными заведениями России и Китая значительно расширилось. Постепенно появляются все новые сферы взаимодействия, содержание сотрудничества становится все более насыщенным и многоуровневым [8].

Сеченовский Университет активно развивает сеть партнерств с другими государствами, укрепляя свои позиции как глобальный центр медицинского образования и науки. ВУЗ открыл свое представительство в китайском городе Ханчжоу, которое будет служить центром продвижения российского медицинского образования. Основными задачами представительства станут развитие научного и образовательного партнерства, поиск технологических решений для внедрения передовых медицинских технологий, расширение возможностей для академических и научных обменов между странами [9]. Создание представительства стало возможным благодаря совместным усилиям самого

Сеченовского Университета, международной компании Unibase и китайской корпорации XiPei.

Сотрудничество стран активно реализуется не только в сфере академического высшего образования, но также начинает все больше охватывать сегмент профессионального обучения. С каждым годом растет интерес сторон к обмену и сотрудничеству как на уровне властей, так и самих профессиональных учебных заведений [10].

Для продолжения кооперации сторон в этом сегменте обучения странами был создан Российско-китайский альянс профессионального образования, в рамках которого проводятся тематические собрания и семинары. Так, в мероприятии, проходившем в августе 2024 г. под руководством Департамента образования провинции Хэйлунцзян, Харбинского муниципального народного правительства и при поддержке Харбинского профессионально-технический колледжа, Российско-китайской торговой палаты и Министерство образования Хабаровского края РФ, приняли участие более 200 человек из более чем 130 подразделений России и Китая, свыше 7 тыс. Человек присутствовали на мероприятии онлайн [11].

На сегодняшний день в Российско-китайский альянс профессионального образования входят 153 учреждения, в том числе 5 российских университетов, 83 высших профессиональных колледжа, 48 средних профессиональных колледжей и 15 российских компаний и образовательных научно-исследовательских учреждений, помимо этого еще 40 зарубежных учреждений заинтересованы в участии в данном проекте. Целью Альянса является усиление совместного развития российско-китайского профессионального образования, реализация взаимодополняющих преимуществ образования между Россией и Китаем, расширение сотрудничества в области образования в рамках инициативы «Один пояс, один путь», продвижение масштабных совместных проектов и развитие профессионального образования, открытого для внешнего мира.

Альянс способен осуществлять сотрудничество между российскими и китайскими образовательными учреждениями и международными предприятиями и компаниями. Подобная кооперация будет способствовать международному развитию профессионального образования, подготовке кадров и проведению научных исследований.

Создание новых механизмов сотрудничества является прагматической мерой, направленной на углубление всестороннего стратегического партнерства и координации между Россией и Китаем и нацелено на то, чтобы повысить имидж профессионального образования и поделить опытом реализации моделей обучения каждой из стран. Решение вопросов трудоустройства и обеспечения необходимых социальных гарантий также является важным направлением работы сторон.

Россия и Китай пробуют новые форматы сотрудничества в сфере образования не только в рамках сегментов высшего, профессионального обучения и дополнительного образования, но и на этапе базового школьного образования. Это направление взаимодействия пока довольно ново, однако уже сегодня есть

некоторые интересные примеры подобной кооперации сторон.

В последние несколько лет Китай начал активно открывать зарубежом начальные и средние школы, предназначенные для обучения детей китайских эмигрантов, а также местных учащихся. В 2023 г. в Москве также появилось подобное учебное заведение: Русско-Китайская международная школа, открывшая свои двери для учеников 1-11 классов в 2024 году.

Школа стала первым проектом, поддержанным Министерствами образования РФ и КНР, а также Посольством КНР в РФ. Среди партнеров школы заявлены несколько российских и китайских университетов, а также Пекинская компания инноваций в образовании и культуре «Сегодня» (Beijing Today innovation culture Co. Ltd), которая является официальным учредителем этого учебного заведения.

На базе Русско-Китайской международной школы будут обучаться не только российские школьники, изучающие китайский язык, но и китайские ученики, изучающие русский. Школа делает упор на гибкий учебный график и персонализированный подход в процессе обучения, в рамках которого наполняемость классов по 12-15 человек позволяет выстроить индивидуальную траекторию обучения для каждого ученика [12].

Для сбалансированного изучения китайского языка набираются билингвальные классы для постоянного общения между учащимися — носителями русского и китайского языков. К тому же применяется методика двух учителей: одновременно на уроке могут присутствовать преподаватель китайского языка (носитель русского языка) и носитель китайского языка.

Помимо основной школьной программы, учебное заведение проводит различные дополнительные занятия для детей и взрослых, в том числе по китайскому и русскому языкам.

Выпускники школы будут подготовлены не только по образовательной программе Российской Федера-

ции (написанной на основе ФГОС), но и по программе старшей школы Китайской Народной Республики. В рамках учебного процесса используются преимущественно российские учебные материалы и методики, а также специальные разработки, совместно подготовленные российскими и китайскими специалистами. После окончания учебного заведения дети будут обладать двумя аттестатами: по образовательной программе Российской Федерации и программе старшей школы Китая. Это поможет обеспечить конкурентоспособность учащихся на международной образовательной арене.

Взаимодействие сторон продолжает углубляться в различных областях и на всех уровнях, в том числе в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и на других международных площадках, в обеих странах существует высокий спрос на специалистов, владеющих обоими языками. Это обуславливает необходимость дальнейшего расширения образовательных обменов между Россией и Китаем.

Для более эффективного сотрудничества важно оптимизировать специальности, которые могли бы стать полезными для каждой из сторон.

Китайская сторона высказывалась о возможности создания российско-китайского аналитического центра по образовательным обменам и поддержки проведения углубленных исследований в этой области. В настоящее время систематизированных данных о ситуации с обучением и обменами учащихся обеих стран, качеству и уровню образования, крайне мало. Проведение совместных исследований помогло бы повышению эффективности сотрудничества сторон в образовательном сегменте [13].

Россия и Китай намерены продолжать расширять масштабы двустороннего сотрудничества в сфере образования, оптимизировать профессиональную и академическую подготовку учащихся, что в перспективе будет способствовать социально-экономическому развитию обеих стран.

Список источников

1. Представители 92-х университетов Северо-Востока Китая и России встретились в Харбине // Вести Приморья. 03.10.2023. URL: <https://amp.vestiprim.ru/news/141485-predstaviteli-92-h-universitetov-severo-vostoka-kitaja-i-rossii-vstretilis-v-harbine.html> (дата обращения: 29.01.2025).
2. VII Форум Ассоциации вузов «Волга-Янцзы» // Платформа о российско-китайском сотрудничестве в сфере образования, науки и инноваций. 05.12.2024. URL: <https://ruschinalliance.unecon.ru/novosti-associaciy/vii-forum-associacii-vuzov-volga-yanczy/> (дата обращения: 29.01.2025).
3. Альянс китайско-российских университетов языкового образования открыт // Официальный сайт МГЛУ. 20.05.2024. URL: https://www.linguanet.ru/ob-universitete/news/?ELEMENT_ID=26886 (дата обращения: 29.01.2025).
4. VII Форум Ассоциации вузов «Волга-Янцзы» // Платформа о российско-китайском сотрудничестве в сфере образования, науки и инноваций. 05.12.2024. URL: <https://ruschinalliance.unecon.ru/novosti-associaciy/vii-forum-associacii-vuzov-volga-yanczy/> (дата обращения: 29.01.2025).
5. 22 апреля состоялся визит делегации Муданьцзянского педагогического университета в Уральский федеральный университет // Официальный сайт УрФУ. 26.04.2024. URL: <https://urgi.urfu.ru/ru/news/51034/> (дата обращения: 29.01.2025).
6. Создан совместный Российско-китайский институт фундаментальных исследований // Российская газета. 17.05.2024. URL: <https://rg.ru/2024/05/17/sozdan-sovmestnyj-rossijsko-kitajskij-institut-fundamentalnyh-issledovanij.html> (дата обращения: 29.01.2025).

7. Политех и Цзянсуский педагогический университет открыли Совместный инженерный институт // Политех. 22.09.2016. URL: https://www.spbstu.ru/media/news/international_activities/jiangsu-polytechnic-joint-engineering-institute/ (дата обращения: 29.01.2025).
8. 中俄教育交流合作: 规模与项目 [Китайско-российские образовательные обмены и сотрудничество: масштабы и проекты] // 汉语热点录. 06.12.2021. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1718412000850665210&wfr=spider&for=pc&searchword=中俄教育合作> (дата обращения: 29.01.2025).
9. Сеченовский университет открыл представительство в Китае // Vademecum. 20.01.2025. URL: <https://vademec.ru/news/2025/01/20/sechenovskiy-universitet-otkryl-predstavitelstvo-v-kitae/> (дата обращения: 29.01.2025).
10. Россия и Китай активно развивают сотрудничество в области науки, высшего образования и молодежной политики // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования. 23.05.2024. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/83209/> (дата обращения: 29.01.2025).
11. 深化互学互鉴与合作! 中俄职业教育联盟成立. [Углубление взаимного обучения и сотрудничества! Создание Российско-китайского союза профессионального образования] // 央视网. 03.08.2023. URL: https://hlj.cnr.cn/jdt/20230803/t20230803_526361447.shtml (дата обращения: 29.01.2025).
12. Официальный сайт Русско-Китайской международной школы // URL: <https://pkm-school.ru/> (дата обращения: 14.01.2025).
13. 中俄乡村教育合作新模式探索与实践 [Исследование и практика нового режима китайско-российского сотрудничества в области сельского образования] // 黑龙江报. 06.12.2021. URL: https://cj.sina.cn/article/norm_detail?url=http%3A%2F%2Ffinance.sina.cn%2F2024-05-31%2Fdetail-inaxahma9838884.d.html&autocallup=no&isfromsina=yes (дата обращения: 29.01.2025).

References

1. Representatives of 92 universities of Northeast China and Russia met in Harbin // Vesti Primorye. 10/03/2023. URL: <https://amp.vestiprim.ru/news/141485-predstaviteli-92-h-universitetov-severo-vostoka-kitaja-i-rossii-vstretilis-v-harbine.html>.
2. VII Forum of the Volga-Yangtze Association of Universities // Platform on Russian-Chinese cooperation in education, science and innovation. 12/05/2024. URL: <https://ruschinalliance.unecon.ru/novosti-associaciy/vii-forum-associacii-vuzov-volga-yanczy/>.
3. The Alliance of Chinese-Russian Universities for Language Education is Open // Official Website of MSLU. 20.05.2024. URL: https://www.linguanet.ru/ob-universitete/news/?ELEMENT_ID=26886.
4. VII Forum of the Volga-Yangtze Association of Universities // Platform on Russian-Chinese Cooperation in Education, Science and Innovation. 05.12.2024. URL: <https://ruschinalliance.unecon.ru/novosti-associaciy/vii-forum-associacii-vuzov-volga-yanczy/>.
5. On April 22, a delegation from Mudanjiang Normal University visited Ural Federal University // Official website of UrFU. 26.04.2024. URL: <https://urgi.urfu.ru/ru/news/51034/>.
6. A joint Russian-Chinese Institute for Fundamental Research has been created // Rossiyskaya Gazeta. 17.05.2024. URL: <https://rg.ru/2024/05/17/sozdan-sovmestnyj-rossijsko-kitajskij-institut-fundamentalnyh-issledovanij.html>.
7. Polytechnic University and Jiangsu Normal University opened a Joint Engineering Institute // Polytechnic University. 22.09.2016. URL: https://www.spbstu.ru/media/news/international_activities/jiangsu-polytechnic-joint-engineering-institute/.
8. 中俄教育交流合作: 规模与项目 [Chinese-Russian Educational Exchanges and Cooperation: Scale and Projects] // China News. 06.12.2021. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1718412000850665210&wfr=spider&for=pc&searchword=Chinese-Russian Educational Exchanges and Cooperation>.
9. Sechenov University Opens Representative Office in China // Vademecum. 20.01.2025. URL: <https://vademec.ru/news/2025/01/20/sechenovskiy-universitet-otkryl-predstavitelstvo-v-kitae/>.
10. Russia and China are actively developing cooperation in the field of science, higher education and youth policy. // Official website of the Ministry of Science and Higher Education. 23.05.2024. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/83209/>.
11. 深化互学互鉴与合作! 中俄职业教育联盟成立 [Deepening mutual learning and cooperation! Establishment of the Russian-Chinese Union of Professional Education] // Russian-Chinese Press. 03.08.2023. URL: https://hlj.cnr.cn/jdt/20230803/t20230803_526361447.shtml.
12. Official website of the Russian-Chinese International School // URL: <https://pkm-school.ru/>.
13. 中俄乡村教育合作新模式探索与实践 [Research and Practice of the New Mode of Sino-Russian Cooperation in Rural Education] // China News. December 6, 2021. URL: https://cj.sina.cn/article/norm_detail?url=http%3A%2F%2Ffinance.sina.cn%2F2024-05-31%2Fdetail-inaxahma9838884.d.html&autocallup=no&isfromsina=yes.

Раздел I. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ (ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ) (ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 811.161.1 © Е. И. Ви-
нокурова

DOI: 10.24412/2225-8264-
10.24412/2225-8264-2025-
1-946

Ключевые слова: русский язык как иностранный, образование, коммуникативные компетенции, лингвострановедческая компетенция, неязыковая среда.

Keywords: Russian as a foreign language, education, communicative competencies, linguistic and cultural competence, non-linguistic environment.

ПРИЕМЫ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ (РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ ОПЫТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В МГУ-ППИ В ШЭНЬЖЭНЕ)

Винокурова Е. И.¹

Аннотация. В статье рассматриваются приемы начального этапа обучения китайских студентов русскому языку в неязыковой среде на основе педагогического опыта взаимодействия российского и китайского преподавателей. В условиях спроса в Китае на специалистов со знанием русского языка, тема статьи очень актуальна на современном этапе. Целью исследования является анализ приемов обучения китайских студентов русскому языку на начальном этапе обучения в неязыковой среде на основе опыта взаимодействия китайского и российского преподавателей МГУ-ППИ в Шэньжэне.

Для достижения цели были поставлены задачи: выявить специфику преподавания русского языка в китайской аудитории, особенности организации учебного процесса китайским и российским преподавателями, проанализировать методы преподавания китайского и русского преподавателей русского языка как иностранного в обучении китайских студентов.

В качестве основных методов исследования были использованы описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный. Был произведен сравнительно-сопоставительный анализ основных приемов начального этапа обучения китайских студентов русскому языку в неязыковой среде на основе опыта педагогического взаимодействия российского и китайского преподавателей. Полученные результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе, а также для дальнейшей разработки проблемы.

¹Винокурова Елена Игоревна — старший преподаватель Центра русского языка, Университет МГУ-ППИ в Шэньжэне (Китай, Провинция Гуандун, г. Шэньжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1)
E-mail: econom.cmo@yandex.ru

TECHNIQUES FOR THE INITIAL STAGE OF TEACHING RUSSIAN TO CHINESE STUDENTS IN A NON-LANGUAGE ENVIRONMENT (RUSSIAN-CHINESE PEDAGOGICAL INTERACTION EXPERIENCE AT MSU-BIT IN SHENZHEN)

Elena I. Vinokurova

Senior teacher, MSU-BIT University in Shenzhen, China

Abstract. This article explores the techniques employed in the initial stage of teaching Russian to Chinese students in a non-linguistic environment, drawing on the pedagogical experience of collaboration between Russian and Chinese instructors. Given the increasing demand in China for specialists proficient in Russian, the topic of this study is particularly relevant in the current academic and professional landscape.

The objective of this research is to analyze the methods used in teaching Russian to Chinese students at the beginner level in a non-linguistic environment, based on the collaborative teaching experience of Russian and Chinese instructors at MSU-BIT in Shenzhen.

To achieve this goal, the study aims to identify the specific characteristics of teaching Russian in a Chinese educational setting, examine the organizational aspects of the learning process implemented by both Chinese and Russian instructors, and analyze their respective pedagogical approaches to teaching Russian as a foreign language.

The research methodology employs a descriptive-analytical approach combined with a comparative analysis. A comparative study of key instructional techniques used in the initial stage of Russian language acquisition by Chinese students in a non-linguistic environment was conducted, based on the pedagogical collaboration between Russian and Chinese instructors. The findings of this study can be applied in the educational process and contribute to further research on this subject.

Поступила в редакцию:
3.02.2025

ВВЕДЕНИЕ

Россия и Китай являются мировыми державами и партнерами. Наши страны расширяют торгово-экономическое взаимодействие друг с другом, укрепляют партнерские отношения в разных сферах: в научной сфере, в сфере культуры, образования. Растет спрос на квалифицированных преподавателей русского языка как иностранного, на специалистов со знанием русского языка.

Данное обстоятельство обуславливает актуальность данной статьи в вопросах качественной подготовки китайских студентов по русскому языку и овладения компетенциями, в том числе в профессиональной сфере на русском языке, чтобы стать конкурентоспособными специалистами на рынке труда.

В 2014 году был подписан Указ о создании МГУ-ППИ в Шэньчжэне. Учредителями этого университета стали Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова и Пекинский политехнический институт [7].

Образовательный проект, реализуемый в МГУ-ППИ, уникален. Уникальность образовательного проекта заключается в том, что, во-первых, у студентов есть возможность получения двух дипломов: МГУ имени М. В. Ломоносова и ППИ или одного диплома — ППИ. Во-вторых, программа двух дипломов предполагает, что языком обучения является русский язык, в-третьих, в группах работают два преподавателя русского языка: российский преподаватель и китайский преподаватель.

Основой обучения в совместном университете являются образовательные стандарты, принятые в МГУ. МГУ имени М.В.Ломоносова осуществляет подготовку студентов на основе Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования [8].

Особенностью обучения в МГУ-ППИ является то, что в университете нет подготовительного факультета, а обучение китайских студентов русскому языку происходит в условиях неязыковой среды.

Китайские студенты начинают изучать русский язык в сентябре. Через тринадцать недель обучения русскому языку китайские студенты начинают изучать «Введение в специальность», а со второго полугодия студентам 1 курса начинают читать лекции по предметам.

В связи с этим перед профессорско-преподавательским составом ставятся задачи: обеспечить в сжатые сроки уровень языковой подготовки, достаточный для успешного участия китайских студентов в учебном процессе на русском языке.

Целью исследования является анализ подходов китайского и российского преподавателей в обучении китайских студентов русскому языку на начальном этапе обучения в условиях неязыковой среды.

Для достижения цели автором были поставлены задачи:

- 1) выявить специфику преподавания русского языка в китайской аудитории;
- 2) рассмотреть особенности организации учебного процесса китайским и российским преподавателями;

- 3) проанализировать методы преподавания китайского и российского преподавателей русского языка как иностранного в обучении китайских студентов на начальном этапе обучения в условиях неязыковой среды;

- 4) выявить преимущества методик преподавания китайского и российского преподавателей.

Автор использовал описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный методы.

Теоретико-методологической основой исследования послужили работы российских и китайских исследователей по: методологии обучения иностранных студентов РКИ (А. А. Акишина, Т. М. Балыхина, А. Н. Богомолов, Л. Ф. Гербик, О. Е. Каган, Г. А. Китайгородская, В.Г. Костомаров, Л. С. Крючкова, С. И. Лебединский, А.А. Миролюбов, О.Д. Митрофанова, С. П. Розанова, С.А. Хавроница, М.П. Чеснокова, А.Н. Щукини др.); исследованию методов и приемов обучения иностранцев грамматике русского языка (Л. А. Бурмагина, А. В. Величко, З. Н. Ивлева, Л. В. Московкин, В. И. Остапенко и др.); проблемам обучения русскому языку как иностранному, которые нашли отражение в работах китайских исследователей (Ван Лися, Вэнь Яо, Енг Чжао, Фэн Ши Сюань, Ян Хуэй и др.); исследованию в области организации и способам использования интерактивных методов обучения (Л. Н. Вавилова, Ю. П. Ветров, Ю. В. Гушин, Н. Н. Дзуличанская, Ю. Н. Емельянов и др.); изучению проблем мотивации студентов (Л. С. Выготский, Е. П. Ильин, А. Н. Леонтьев, М. Г. Ярошевский и др.).

Мы согласны с исследователями в том, что есть специфика преподавания русского языка в китайской аудитории [9]. Она связана с разными подходами ведения занятий между китайским и российским преподавателями [10], с трудностями, возникающими при изучении русского языка китайскими студентами, вытекающими из менталитета студентов, и различиями языковых систем русского и китайского языков [3].

Новизна исследования состоит в том, что был произведен сравнительно-сопоставительный анализ основных приемов начального этапа обучения китайских студентов русскому языку в неязыковой среде на основе опыта взаимодействия китайского и российского преподавателей в МГУ-ППИ в Шэньчжэне. Полученные результаты могут быть использованы в учебном процессе, а также для дальнейшей разработки данной актуальной проблемы.

Организация обучения (из опыта взаимодействия российского и китайского преподавателей русского языка в совместной группе)

В МГУ-ППИ в группе китайских студентов первого года обучения работают два преподавателя русского языка как иностранного, поэтому с первых дней обучения необходимо выстроить четкое взаимодействие преподавателей.

Приемы начального этапа обучения китайских студентов русскому языку китайским и российским преподавателями были исследованы в двух направлениях: 1) организация обучения и 2) методы обучения китайских студентов.

Присутствие двух преподавателей русского языка в одной группе предполагает четкую организацию учебного процесса и координацию их взаимодействия. Для взаимодействия двух преподавателей были созданы: 1) общий чат двух преподавателей и студентов группы, 2) индивидуальные чаты китайского преподавателя и студентов группы, российского преподавателя и студентов группы, 3) общий чат китайского и российского преподавателей.

Разные чаты преподавателей и студентов были созданы с целью решения разных задач. Первый чат был создан для обсуждения общих вопросов, объявлений. Второй чат — для индивидуальной работы преподавателя со студентами группы. Например, китайский преподаватель отправлял китайским студентам свои презентации по грамматике и задания на китайском языке. Российский преподаватель отвечал на вопросы студентов, отправлял студентам презентации, аудио, записанные по текущему уроку (фонетические упражнения, аудио диалогов, тестов), видеоматериалы (учебные, страноведческие по России) и др. Российский преподаватель осуществлял обратную связь с группой: исправлял ошибки в домашних заданиях, прослушивал записанные студентами аудио на русском языке, исправлял фонетические ошибки и др. Третий чат был создан с целью: 1) обсуждения китайским и российским преподавателями изучения лексико-грамматического материала в группе, эффективных/неэффективных методик и приемов во время изучения темы, домашних заданий; 2) координации темпа изучения урока, 3) планирования изучения лексики и грамматики на предстоящем занятии; 4) обмена презентациями, методическими разработками, отчетами после проведения занятия о трудностях/успехах в изучении тем и т.д. Такая четкая организация взаимодействия была очень эффективной. Результаты экзамена по русскому языку показали, что 94% студентов овладели содержанием курса «Русский язык» уровня А2.

Методика преподавания китайским и российским преподавателями русского языка как иностранного на начальном этапе обучения китайских студентов

Согласно педагогическому словарю, метод обучения иностранным языкам — это совокупность способов, приемов обучения, направленных на овладение иностранным языком, всем видам речевой деятельности. Метод — это базисная категория методики, в самом общем значении — способ достижения цели, определенным образом упорядоченная деятельность [1, с. 135].

Методы обучения иностранного языка определяют конкретными целями, задачами, условиями обучения. Существуют грамматико-переводной, коммуникативный, сознательно-сопоставимый, активизации и другие методы.

При выборе методов обучения в китайской аудитории необходимо учитывать разные аспекты: 1) отсутствие языковой среды, 2) различия в языковых системах и образовательных традициях, 3) различия между русским и китайским языками как в фонетике, так и

в грамматике, письме, 3) этнопсихологические особенности китайских студентов и др.

На начальном этапе изучения русского языка китайские студенты сталкиваются с трудностями в фонетике, грамматике, во всех видах речевой деятельности. Эти сложности обусловлены большими различиями между русским и китайским языками. Поэтому взаимодействие русскоязычных и китайских преподавателей является очень важным компонентом обучения студентов на начальном этапе обучения, влияющим на успешность усвоения материала студентами.

Можно согласиться с мнением исследователей, что китайские преподаватели применяют традиционный метод обучения русскому языку [5; 9; 10]. Такой метод обучения характеризуется как обучение, центрированное на учителе, который использует грамматико-переводной метод обучения. При таком подходе студент — пассивный объект обучения. Китайский преподаватель объясняет основную русскую грамматику китайским студентам на китайском языке. Цель — помочь китайским студентам преодолеть трудности понимания русской грамматики. Основные виды деятельности китайского преподавателя по обучению китайских студентов русскому языку: заучивание новых слов (лексика), диктанты (перевод словосочетаний и предложений с русского на китайский язык), решение лексико-грамматических тестов с выбором ответов (контроль лексики, грамматики).

Традиционный метод обучения позволяет китайским студентам легче адаптироваться к новой среде, привыкнуть к новым формам обучения. Однако студенты не слышат и не практикуют русскую речь, не имеют возможности отработать лексико-грамматический материал на занятиях на русском языке, они слышат только речь китайского преподавателя.

Содержание обучения российского преподавателя намного шире направлено на коммуникативно-ориентированность в обучении студентов всем видам речевой деятельности.

Русскоговорящий преподаватель придерживается методики обучения, ориентированной на студентов, т.е. центрированной на ученике. Студент — активный объект обучения, а учебный процесс носит продуктивный характер. Данная методика переносит акцент в обучении с учителя на учащегося с учетом лично-ориентированного подхода к каждому студенту. Российские преподаватели используют различные методы, направленные на активизацию речевой деятельности китайских студентов на начальном этапе обучения в условиях неязыковой среды (метод активизации возможностей личности, метод погружения, интенсивный, аудиовизуальный, коммуникативный методы и др.). Цель — научить китайских студентов успешно решать коммуникативные задачи речевыми средствами русского языка.

В словаре методических терминов под коммуникативной компетенцией понимается способность решать средствами иностранного языка актуальные для учащихся задачи общения в бытовой, учебной, производственной и культурной жизни; умение учащегося поль-

зоваться фактами языка и речи для реализации целей общения [1, с. 98].

Включение лингвострановедческого компонента является неотъемлемой частью процесса обучения русскому языку как иностранному и необходимо для знакомства с культурно-исторической средой страны изучаемого языка и формирования лингвострановедческой компетенции у иностранных студентов. Поэтому на занятиях российский преподаватель использует видеоматериалы, презентации по географии, истории, культуре России. Эти знания способствуют повышению мотивации китайских студентов в изучении русского языка. Мотивация — это понимание обучаемым целей и ожидаемых результатов обучения [6].

Мы разделяем точку зрения исследователей Н. Г. Большаковой, О. В. Низкошапкиной, что «иероглифическое письмо заложило основы особой символической направленности китайского мышления. В символике иероглифа читающий воспринимает не понятие, а некий синкретичный образ» [2, с. 36]. Учитывая этнокультурные, коммуникативно-познавательные, этнопсихологические особенности китайских студентов, российский преподаватель должен активно использовать на занятии метод наглядности: рисунки, схемы, графики, мини-видео, презентации и др.

Взаимодействие китайского и русского преподавателей позволяет использовать преимущества обоих подходов в преподавании русского языка как иностранного китайским студентам в условиях неязыковой среды.

Преимущество китайского преподавателя, как носителя китайского языка, заключается в том, что преподаватель объясняет русскую грамматику на китайском языке через аналогии с китайским языком. Это помогает студентам лучше понять грамматику русского языка, в том числе и перевод словосочетаний и предложений с русского языка на китайский, чтобы понять различия в выражении на китайском и русском языках.

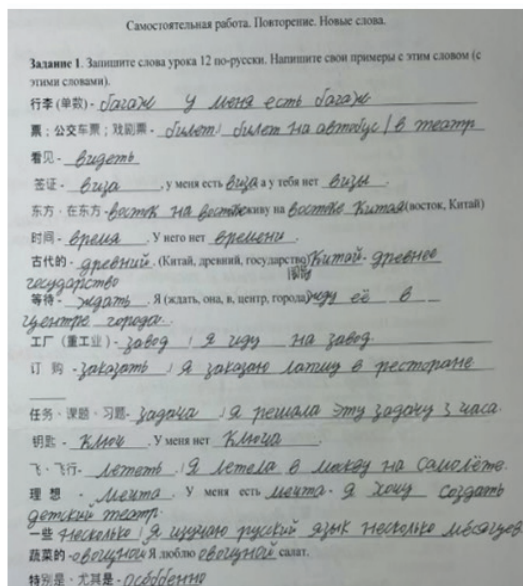
Преимуществом российского преподавателя является то, что он носитель культуры и русского языка, изучаемого китайскими студентами. Русскоговорящий преподаватель обучает китайских студентов фонетике

(правильному произношению), интонациям в русском языке, всем видам речевой деятельности (чтению, письму, аудированию, говорению). Можно согласиться с мнением исследователей, что в процессе преподавания русского языка российские преподаватели отдают предпочтение практическим методам обучения. Содержание работы российского преподавателя включает и внеаудиторные виды деятельности: ведение кружков, подготовку студентов к участию в конкурсах, конференциях и т.д. То есть российский преподаватель продолжает обучение китайских студентов русскому языку и во внеаудиторное время.

Общение на языке является конечной целью изучения русского языка [4]. Для достижения этой цели российский преподаватель использует современные методы обучения: диалоги/полилоги, ролевые игры, разучивание песен на русском языке, описание картинки речевыми способами, проведение урока в форме «перевернутого класса», ситуативные задания, создание видео студентами на различные темы с комментариями «Мой день», «Почему я учусь в МГУ-ППИ», «Моя семья», «Мои друзья», создание тематических презентаций с выступлениями в группе и др.

Китайский и российский преподаватели используют разные подходы в обучении. Например, написание диктантов — необходимый и очень важный вид деятельности в учебном процессе. Китайский преподаватель задает 10-15 новых русских слов. На следующем занятии проводится диктант: преподаватель диктует новые слова по-русски, а студенты записывают услышанные слова по-китайски.

Российский преподаватель акцентирует внимание не столько на заучивании слов студентами, сколько на понимании значения новых слов. Российский преподаватель диктует новые слова, студенты записывают эти слова на русском языке и составляют с ними словосочетания или предложения. Цель — акцент внимания на развитии фонематического слуха, на правильном написании услышанных слов (проверка аудирования), правильном использовании новых слов в выражениях (проверка коммуникативной компетенции), грамматике. Эффективным является и другой тип диктанта —

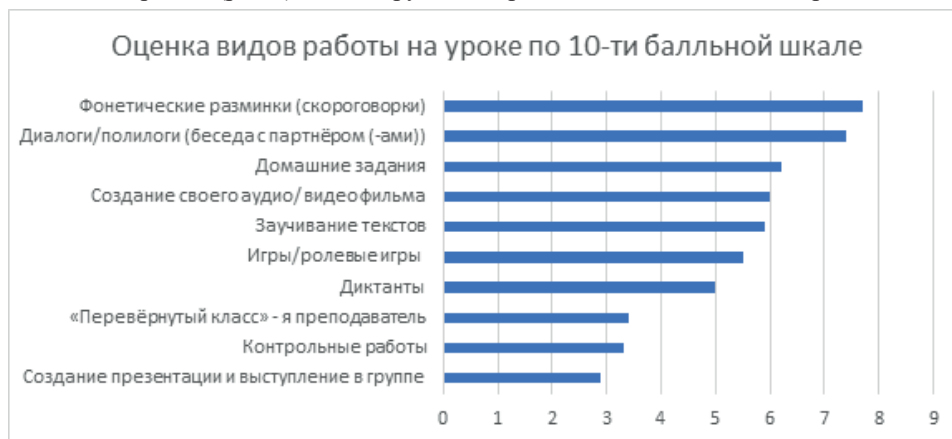
1. 害怕 -
2. 狼 -
3. 会面, 见面 -
4. 相遇, 遇见 -
5. 选择, 挑选, 选举 -
6. 赢, 获胜 -
7. 忧郁的 -
8. 送, 赠送 -
9. 长的 -
10. 等待 -
11. 短的
12. 短的
13. 森林
14. 星期, 周
15. 喜欢

Рис. 1. Типы заданий по изучению новых слов и выражений

перевод слов, словосочетаний с китайского языка на русский язык. Такие диктанты помогают формировать компетенции китайских студентов в письме. На практике активно используются оба типа диктанта, так как имеют разные задачи.

Учитывая лично-ориентированный подход в обучении, повышение эффективности преподавания, а также улучшение методики преподавания русского языка в группе, преподаватель осуществляет обратную связь со студентами. Например, студентам было предложено оценить наиболее эффективные, с их точки зрения, задания по русскому языку по 10-балльной шкале. Был составлен ранжированный список из 10 видов занятий, наиболее часто используемых на семинарах. Результат опроса в группе можно увидеть на гистограмме (рис.2).

Рис. 2. Средняя оценка китайских студентов наиболее эффективных заданий на занятиях по русскому языку

Таким образом, фонетические разминки и диалоги (говорение) получили наибольшее количество баллов, а создание презентаций и публичное выступление в группе — наименьшее. На наш взгляд, презентации студенты выполняли с большим удовольствием, но навыки публичных выступлений пока не выработаны на данном этапе обучения.

Есть разные подходы китайского и российского преподавателей к оценке результата обучения студентов. Китайский преподаватель оценивает работу студентов по сумме баллов, полученных за диктанты, проверочных тестов. Российский преподаватель учитывает общую успеваемость студентов как среднюю по всем видам работ: активность на уроке, пропуски занятий, результаты тестов, выполнение домашних заданий, контрольных работ студентами и т.д. На наш взгляд, такой комплексный учет мотивирует студентов быть активными на уроке, постоянно выполнять домашние задания, посещать занятия и, таким образом, получить систематизированные знания.

Выводы

В результате исследования мы пришли к выводу, что преподавание русского языка китайским студентам

в условиях неязыковой среды представляет собой комплексную задачу, которая требует специфических подходов и использования различных методов обучения.

Обучение китайских студентов в МГУ-ППИ имеет свои особенности. Они заключаются в том, что обучение в университете происходит на русском языке в условиях неязыковой среды, в университете нет подготовительного факультета.

Эти обстоятельства влияют на методы обучения китайских студентов русскому языку.

Китайский преподаватель придерживается традиционных методов обучения, центрированных на учителе. Им используется грамматико-переводной метод обучения: перевод и заучивание русских слов, обучение русской грамматике. Российский преподаватель

использует различные методы, направленные на активизацию речевой деятельности китайских студентов на начальном этапе обучения в условиях неязыковой среды (метод активизации возможностей личности, метод погружения, интенсивный, аудиовизуальный, коммуникативный методы и др.). Им используются такие приемы обучения, как ответы на вопросы, пересказ текста, описание картинки и другие приемы обучения в виде речевых действий.

Активное взаимодействие двух преподавателей способствует эффективной организации учебного процесса: китайский преподаватель отвечает за теоретическую подготовку, а российский преподаватель-носитель языка обеспечивает как теоретическую, так и практическую работу, включая развитие разговорных навыков и понимание устной речи.

В процессе обучения китайских студентов русскому языку китайский и российский преподаватели могут комбинировать разные приемы, чтобы добиться лучшего результата. Взаимодействие российского и китайского преподавателей является важным компонентом образовательного процесса, который сочетает в себе сильные стороны разных методик.

Список источников

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009.
2. Большакова Н. Г. Этноориентированная методика обучения китайских учащихся самостоятельному чтению // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 4.
3. Волков К. В., Гурулева Т. Л. Сопоставительный анализ типологических характеристик китайского и рус-

ского языков [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-tipologicheskikh-harakteristik-kitayskogo-i-russkogo-yazykov> (дата обращения: 27.02.2025).

4. Китайгородская Г. А. Интенсивное обучение иностранным языкам: теория и практика. М.: Высшая школа: Научно-образовательный центр «Школа Китайгородской», 2009. 277 с.

5. Куратченко М. А., Севастьянова С. К., Зими́на Л. О. Обучение русскому языку как иностранному в КНР: историко-культурный и методологический аспекты // Вестник педагогических инноваций. 2022. № 2 (66).

6. Крылова М. Н. Способы мотивации учебной деятельности студентов вуза // Перспективы науки и образования. 2013. № 3. С. 134–137.

7. МГУ-ППИ в Шэньчжэне [Электронный ресурс] // URL: <https://smbu.ru/istorija/> (дата обращения: 27.02.2025).

8. ФГОС ВО от 12 августа 2020 г. № 970. [Электронный ресурс] // URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 27.02.2025).

9. Цзя Цянь, Ло Сяоя. Методика обучения РКИ в китайских вузах при сотрудничестве китайских и русских преподавателей // Тяньцзиньский педагогический университет, г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика // Вестник СВФУ. 2023. № 3 (31). С. 57–64.

10. Ян Хуэй, Петрова С. М. Особенности обучения русскому языку в современной китайской аудитории: проблемы и пути решения // Вестник СВФУ. 2021. № 3 (23). С. 38–44.

References

1. Azimov E. G., Shchukin A. N. A New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Language Teaching). Moscow: IKAR, 2009.

2. Bolshakova N. G. An Ethno-Oriented Methodology for Teaching Chinese Students Independent Reading. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost' = RUDN Bulletin, Series: Education Issues: Languages and Specialties*. 2015; 4. (In Russ.).

3. Volkov K. V., Guruleva T. L. A Comparative Analysis of Typological Characteristics of Chinese and Russian Languages. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-tipologicheskikh-harakteristik-kitayskogo-i-russkogo-yazykov>.

4. Kitaygorodskaya G. A. Intensive Teaching of Foreign Languages: Theory and Practice. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Vysshaya shkola, Nauchno-obrazovatel'nyy tsentr «Shkola Kitaygorodskoy», 2009, p. 277.

5. Kuratchenko M. A., Sevastyanova S. K., Zimina L. O. Teaching Russian as a Foreign Language in China: Historical, Cultural, and Methodological Aspects. *Vestnik pedagogicheskikh innovatsij = Bulletin of Pedagogical Innovations*. 2022; 2 (66). (In Russ.).

6. Krylova M. N. Methods of Motivating University Students' Learning Activities. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Prospects of Science and Education*. 2013; 3: 134-137. (In Russ.).

7. MSU-BIT in Shenzhen. Available at: <https://smbu.ru/istorija/> (accessed: 21.02.2025).

8. Federal State Educational Standard of Higher Education, August 12, 2020, No. 970. Available at: <https://fgos.ru/> (accessed: 21.02.2025).

9. Jia Qian, Luo Xiaoxia. Methodology for teaching Russian as a Foreign in Chinese universities with the cooperation of Chinese and Russian teachers. Tianjin Normal University, Tianjin, People's Republic of China. *Vestnik SVFU = Bulletin of North-Eastern Federal University*. 2023; 3 (31): 57-64. (In Russ.).

10. Yang Hui, Petrova S. M. Features of Teaching Russian in a Modern Chinese Audience: Problems and Solutions. *Vestnik SVFU = Bulletin of North-Eastern Federal University*. 2021; 3 (23): 38-44. (In Russ.).

Научная статья

УДК 5.8.2 © А. А. Губина

DOI: 10.24412/2225-8264-10.24412/2225-8264-2025-1-936

Ключевые слова: РКИ, методика преподавания РКИ, геймификация в обучении РКИ, аутентичная игровая методика, речевые упражнения, падежное управление, локатив, предложный падеж, начальный уровень владения языком

Keywords: RFL, methodology of RFL teaching, gamification in RFL education, authentic game methodology, speech exercises, Russian case management, locative case, prepositional case, novice level

ОПЫТ УСВОЕНИЯ ЛОКАТИВА НОСИТЕЛЯМИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА (ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ) В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРИМЕНЕНИЯ РЕЧЕВЫХ УПРАЖНЕНИЙ, ПОСТРОЕННЫХ НА ОСНОВЕ АУТЕНТИЧНОЙ ИГРЫ

Губина А. А.¹

Аннотация. Настоящая статья посвящена сравнительному анализу эффективности применения аутентичных игровых методик и стандартных речевых упражнений в процессе обучения иностранных студентов русскому языку на начальном этапе освоения падежной системы. Эмпирической базой исследования послужил педагогический эксперимент, проведенный среди китайских студентов первого курса Северо-китайского университета водных ресурсов и электроэнергетики (г. Чжэнчжоу, провинция Хенань), возраст которых варьировался от 17 до 21 года. Все участники эксперимента начали изучение русского языка с нуля.

Основное внимание в работе уделено исследованию влияния различных подходов к изучению предложного падежа в локативном значении, как первого этапа освоения падежной системы, согласно методическому комплексу «Дорога в Россию. Учебник русского языка». Предметом анализа выступают, с одной стороны, разработанные с учетом принципов аутентичности игровые техники, с другой — традиционные речевые упражнения, рекомендованные в учебнике.

Ключевая цель исследования — определить, существует ли статистически значимая разница в усвоении грамматической структуры русского языка при использовании игровых и традиционных методик. Иными словами, мы стремимся установить, обладают ли аутентичные игры, в силу присущих им характеристик, более высоким потенциалом для формирования грамматических навыков (в частности, навыков использования локатива), чем стандартные речевые упражнения.

¹Губина Анна Александровна — ассистент преподавателя русского языка как иностранного, Университет МГУ-ППИ в Шеньчжэне (Китай, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1)
E-mail: gubina.anna2021@gmail.com
ORCID: 0009-0007-6581-9059

EXPERIENCE OF LEARNING THE LOCATIVE BY NATIVE CHINESE SPEAKERS (ELEMENTARY LEVEL OF PROFICIENCY) AS A RESULT OF USING SPEECH EXERCISES BASED ON AN AUTHENTIC GAME

Anna A. Gubina

Assistant Professor of Russian as a Foreign Language, MSU-PPI University in Shenzhen, China

Abstract. This paper investigates the comparative effectiveness of authentic game-based learning and traditional speech exercises in teaching novice foreign language learners about the Russian case system.

The research is based on an empirical study conducted with first-year Chinese students at the North China University of Water Resources and Electric Power (Zhengzhou, Henan Province), all of whom were beginners in the Russian language.

The main focus of the study is the impact of different teaching approaches on the acquisition of the prepositional case in its locative meaning — the first step in learning the Russian case system according to the «Doroga v Rossiyu» textbook [1]. The analysis focuses on authentic game-based techniques specifically designed for this purpose, and compares their effectiveness with traditional speech exercises from the textbook.

The primary research aim is to determine if there is a statistically significant difference in learning outcomes for Russian grammar when using either a game-based or traditional approach. In other words, the study seeks to ascertain whether authentic games, due to their inherent characteristics, have a stronger potential to facilitate grammar skills acquisition (specifically the use of the locative case) than traditional speech exercises.

Поступила в редакцию:
24.01.2025

ВВЕДЕНИЕ

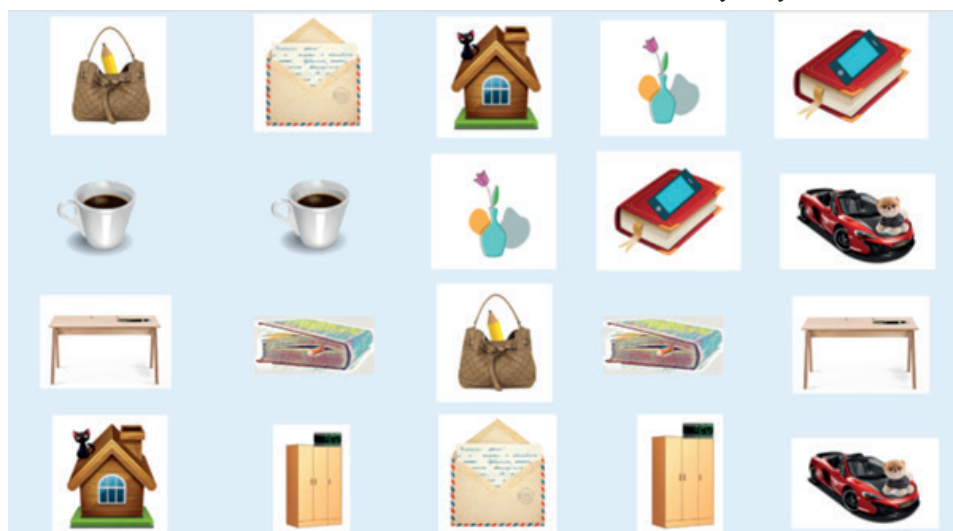
В последние годы наблюдается устойчивый рост интереса к применению игровых методик в преподавании иностранных языков. Привлекательность использования игр на языковых занятиях очевидна, однако вопрос об их подлинной эффективности, особенно в контексте обучения грамматике, остается открытым. Возникает необходимость критически оценить, в какой степени игровые методы обеспечивают достижение желаемых учебных результатов по сравнению с традиционными речевыми упражнениями.

Анализ существующих исследований показывает, что, несмотря на растущую популярность геймификации в образовании, наблюдается дефицит работ, посвященных изучению ее влияния на усвоение грамматических структур. Как правило, игровые методики рассматриваются в контексте обучения лексике [2] и развития коммуникативных навыков [3]. Работы, посвященные исследованию применения игр для обучения грамматике, в основном, сосредоточены на англоязычной аудитории и часто проводятся среди детей [4]. Кроме того, в ряде случаев оценка эффективности геймификации базируется на субъективных оценках, полученных в ходе опросов студентов и преподавателей [4, 5], что не позволяет получить объективные данные об образовательных результатах. Отсутствие систематических исследований эффективности игровых методов в преподавании грамматики русского языка как иностранного (РКИ), особенно в отношении падежной системы, обуславливает актуальность и научную новизну настоящего исследования.

Важным аспектом научной новизны работы является разработка и применение авторских игровых методик, основанных на аутентичных механизмах.

Целью данной работы является сравнительное изучение эффективности применения аутентичных игр и традиционных речевых упражнений в процессе обучения русскому языку на начальном этапе освоения локатива. Иными словами, мы ставим перед собой задачу определить, насколько целесообразно и эффективно использование игровых методов в качестве альтернативы традиционным упражнениям при формировании грамматических навыков на начальном уровне владения языком (А0-А1).

Рис. 1. Игра «Мемори»
(трудность — выбор предлога)

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Аутентичной следует считать игру, в которой участники добровольно принимают участие, руководствуясь мотивом получения удовольствия, а не стремлением к достижению каких-либо конкретных образовательных целей. Если дидактическая игра является обучающей и создана специально для получения или закрепления новых знаний, то аутентичная уже существует и воспринимается играющими, скорее, как игра ради игры, а не как та, целью которой является необходимость что-то повторить или запомнить. [6]. Механики игры (набор правил и способов, которые позволяют игре реализоваться) часто уже знакомы игрокам, поэтому и весь игровой процесс проходит естественнее.

Для отработки выбора предлогов *в* и *на* при изучении локатива была выбрана игровая механика «Мемори». Данная игра, известная как классическая карточная головоломка, была адаптирована с целью акцентировать внимание на локативном значении предложного падежа. Традиционно игра заключается в поиске парных карточек, однако в данном варианте мы отошли от индивидуального формата, организовав соревнование между двумя командами, сформированными случайным образом. Это решение было принято с целью усиления мотивации и создания более динамичной учебной обстановки, так как соревновательный элемент зачастую повышает вовлеченность студентов.

Вместо классических карт с картинками, нами были использованы 20 изображений, демонстрируемых на экране. Лексический материал, представленный на картинках (рис. 1), был намеренно выбран с учетом словарного запаса студентов, пройденного ранее на занятиях. На картинках были, к примеру, изображены: *часы на шкафу, карандаш в сумке, телефон на книге* и др.

После одномоментного ознакомления с изображениями они были закрыты квадратами различных цветов, что также было продиктовано необходимостью повторить пройденную лексику, на этот раз — названия цветов. Студентам предлагалось поочередно называть номер линии и цвет закрывающего квадрата, после чего преподаватель открывал соответствующее изображение. Студентам, в свою очередь, необходимо было описать положение объекта, используя изучаемый падеж.

Например, *кофе в чашке*, или *книга на столе*. Если открытые изображения совпадали, команда продолжала играть; если нет, ход переходил к другой команде. Побеждала команда, собравшая наибольшее количество пар.

В процессе игры были выявлены некоторые затруднения у студентов. В частности, некоторые студенты, не помня единственное число слова *цветы*, говорили: *цветы в вазе* или *роза в вазе*, пытаясь использовать знакомые слова для описания изображения, не всегда корректно. При описании картинки с собакой на машине, студенты, не вспомнив слова *собака*, использовали слова типа *игрушка* или *медведь*, делая ошибочные предположения о сути изображения, демонстрируя тем самым, как недостаточное знание лексики может мешать правильному использованию грамматики. Некоторым студентам оказалось сложно сформулировать, где находится письмо из-за незнания слова *конверт*. На основе этих наблюдений был сделан вывод о необходимости предварительной проверки уровня владения лексикой перед использованием игры. Также стал очевиден недостаток четкости в интерпретации изображения (как было в случае с собакой на машине), который выявил необходимость дальнейшей доработки материалов. Несмотря на то, что идея использования цветных квадратов была достаточно оригинальной, студенты столкнулись с трудностями в различении некоторых оттенков на экране, что также следует учесть при дальнейшем применении игры.

Для отработки выбора падежных окончаний существительных в локативе была адаптирована игра «Кто я?», известная также как «Игра со стикерами на лбу». Выбор данной игры был обусловлен ее способностью мотивировать студентов к активному речевому взаимодействию и созданию естественных коммуникативных ситуаций. В качестве подготовительного этапа, для студентов были подобраны глаголы (жить, работать, спать, отдыхать, учиться, обедать), которые уже были усвоены на предыдущих занятиях, и даны в необходимой для игры форме: *Я живу...*, *Я работаю...*. Подобный прием был реализован для того, чтобы сконцентрировать внимание студентов на отработке именно падежных окончаний, а не на спряжении глаголов, которое могло бы усложнить задачу и отвлечь от цели игры. В качестве дополнительного элемента, был введен бонусный вопрос, связанный не с местом, а с другими характеристиками персонажа, например, *Я*

желтый?, *Я человек?*, что позволяло расширить рамки коммуникации и вовлечь студентов в игровой процесс.

Для демонстрации правил игры был выбран персонаж Пикачу, широко известный в азиатской культуре, что способствовало более быстрому усвоению правил и создало положительный эмоциональный фон. В качестве игровых карточек было выбрано 11 персонажей (табл. 1), баланс которых, с одной стороны, предполагал их узнаваемость среди студентов, а с другой, был специально продуман для обеспечения разнообразия локаций. В частности, для каждого из мест было подобрано минимум по два персонажа, что побуждало студентов задавать наводящие вопросы с целью определения своего героя. Игра проводилась в парах: после определения своего персонажа, игроки получали новые карточки. В результате, за отведенное время наиболее сильные пары успевали сыграть по три раунда, более слабые — по два.

Анализ игрового процесса выявил ряд особенностей. Во-первых, было обнаружено, что некоторые студенты не знакомы с персонажами Гарри Поттера и Гермионы или не знают мест их обитания/проживания. Аналогичная проблема возникла и с коалой. Также были зафиксированы сложности с произношением слов *Гермиона* и *инопланетянин*. Выявилось, что локация Америка не совсем корректна, поскольку в речи студентов *Барак Обама* работал в США, что не требует выбора между окончаниями *-е* и *-и*. Кроме того, глаголы *спать* и *отдыхать* оказались слишком близкими по значению, что приводило к их частому взаимозамещению. На основе этих наблюдений был сделан вывод о необходимости более тщательной подготовки к игре, особенно с точки зрения подбора персонажей и локаций, с учетом культурного контекста студентов. В то же время, идея использования незнакомых персонажей создала эффект новизны, который мотивировал студентов на активное участие.

В качестве заключительного этапа, интегрирующего отработку как выбора предлогов *в/на*, так и падежных окончаний существительных, была выбрана адаптированная версия классической настольной игры «*Змеи и лестницы*», в нашем случае получившая название «*Где Анна?*». Выбор именно этой игры обусловлен ее способностью объединить сразу несколько грамматических задач в рамках одного задания, а также внести элемент сюжета и загадки в учебный процесс.

Игровой процесс был построен не на стандартных

Таблица 1

Баланс персонажей и локаций в игре «Кто я?»

Предполагаемый признак	в лесу	в Китае	в Австралии	в Великобритании	в Лондоне	в Англии	в Хогвартсе	в космосе	в Америке	в России
Персонаж 1	панда	панда	коала	Гарри Поттер	Гарри Поттер	Гарри Поттер	Гарри Поттер	космонавт	космонавт	Путин
Персонаж 2	коала	Си Цзиньпин	кенгуру	Гермиона	Гермиона	Гермиона	Гермиона	инопланетянин	Барак Обама	медведь
Персонаж 3	медведь									

Рис.2. Змеи и лестницы «Где Анна?» (трудность: выбор предлога и окончания)

правилах, а на основе легенды о пропаже Анны. В начале игры студентам предлагалась интрига: *Анны нет дома, она не отвечает на телефон, но дверь в квартиру открыта*. Студенты выступали в роли сыщиков, которые, передвигаясь по игровому полю, собирали улики и, тем самым, постепенно выясняли местонахождение Анны. Использование данной фабулы было направлено на создание более увлекательного контекста и на усиление мотивации к изучению предложного падежа (рис. 2).

Игра проводилась в парах, причем каждый из участников получил распечатанную версию игрового поля (рис. 2). Для определения количества ходов был использован онлайн кубик в мессенджере WeChat. Попадая на то или иное поле, студент должен был построить предложение по схеме: *Анна не + место*. Все существительные, используемые в игре, были сбалансированы по выбору предлогов (*в/на*) и по падежным окончаниям (*-е/-и*). Слайд, демонстрирующий символы и соответствующие им существительные-локации в именительном падеже, помогал студентам вспомнить род существительного и выбрать необходимое окончание. Интрига сохранялась до самого конца игры, когда студентам наконец открывалась клетка №30 и выяснялось, что Анна находилась в поликлинике, потому что заболела.

Анализ результатов игры выявил ряд проблем. Во-первых, у некоторых студентов возникли трудности с распознаванием символов, особенно у тех, кто сидел далеко от экрана (стоило учесть многочисленность китайских учебных групп и, возможно, распечатать подсказку с символами для каждой пары студентов). Кроме того, в связи с тем, что студенты играли в парах с распечатанными полями, одни из них заканчивали игру раньше, чем другие, что несколько снижало интерактивность и вело к ожиданию. Также было выявлено, что ожидаемые трудности при выборе окончания *-и* в существительных на *-ий, -ия, -ие* и существительных третьего склонения действительно имели место, в связи с тем, что данное окончание не так частотно, как *-е*. Несмотря на это, подобранная легенда и оригинальная реализация игры в целом способствовали повышению мотивации студентов к применению грамматических знаний.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРИМЕНТА

Для обработки полученных данных был применен U-критерий Манна-Уитни, как статистический метод, позволяющий провести сравнительный анализ двух независимых выборок (экспериментальной и контрольной групп) по признаку количественной оценки усвоения грамматического материала. Для обеих групп нами были разработаны тесты, проверяющие усвоение каждой из отрабатываемых трудностей непосредственно после предъявления и отработки темы на материале речевых упражнений в контрольной и сразу после предъявления темы и проведения игры в экспериментальной группе и через некоторое время (2 недели) в обеих группах. Расчеты, проведенные с использованием данного критерия, позволили определить, в каких случаях использование игровых методик обучения статистически достоверно превосходило традиционные речевые упражнения, а в каких различия не были существенными (рис. 3-8). При этом важно отметить, что статистическая достоверность не всегда означает высокую практическую значимость, особенно в контексте обучения иностранному языку, где важна не только точность, но и беглость, а также естественность речи.

Получившиеся «Оси значимости» при расчете U-критерия Манна-Уитни:

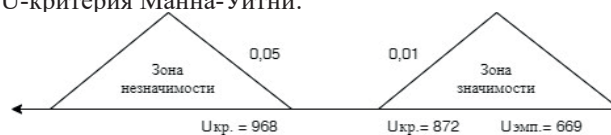

Рис. 3 Локатив, трудность: выбор предлога, непосредственный эффект

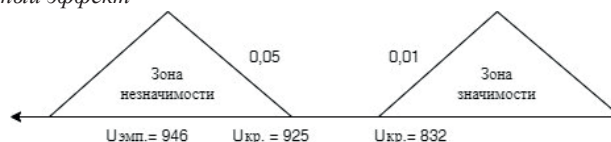

Рис. 4 Локатив, трудность: выбор окончания, непосредственный эффект

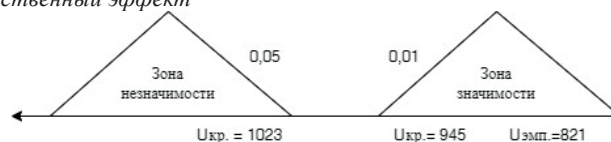

Рис. 5 Локатив, трудность: выбор предлога и окончания, непосредственный эффект

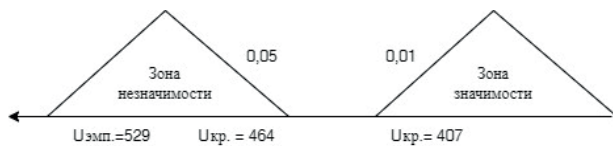

Рис. 6 Локатив, трудность: выбор предложения, отложенный эффект

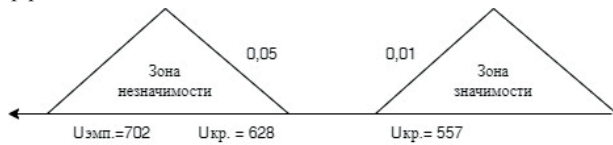

Рис. 7 Локатив, трудность: выбор окончания, отложенный эффект

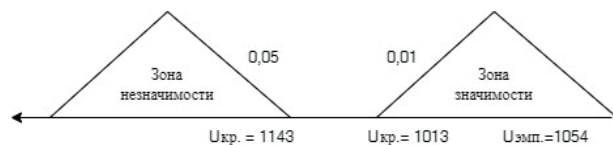

Рис. 8 Локатив, трудность: выбор предложения и окончания, отложенный эффект

Обобщая результаты исследования, можно отметить, что, несмотря на первоначальные предположения о высокой эффективности игрового подхода, он не продемонстрировал значительного преимущества над традиционными методами в долгосрочной перспективе. Тем не менее, анализ показывает, что использование аутентичных игр, как правило, дает более выраженный положительный эффект в краткосрочной перспективе (непосредственный эффект). Это, по всей вероятности, связано с эмоциональной вовлеченностью студентов и мотивационным потенциалом игры, что подтверждается исследованиями в области психологии обучения. В частности, элемент новизны и соревновательный аспект, присущие многим играм, могут способствовать более активному запоминанию грамматических форм и правил на начальном этапе, тогда как эффект новизны со временем угасает. Эмоциональный отклик и чувство удовлетворения, которые возникают в процессе игры, способствуют более интенсивному запоминанию информации, однако этот эффект, по-видимому, снижается по прошествии времени (отложенный эффект), что может говорить о необходимости закрепления изученного материала в течение более длительного времени с использованием других типов упражнений.

Полученные результаты могут быть обусловлены как внешними, так и внутренними факторами, влияющими на процесс обучения. К внешним факторам следует отнести нестабильность состава учебных групп (нерегулярное посещение занятий), что неизбежно влияет на результаты, так как студенты могут пропускать важные этапы обучения и не иметь возможности регулярно практиковаться. Также на результаты повлияли особенности реализации отдельных игровых методик (игры в парах, командные игры), так как, например, командный формат, в котором игралось «Мемори», мог способствовать более активному участию одних студентов, в то время как другие оставались менее вовлеченными в процесс. Внутренними факторами, безусловно, являются индивидуальные различия в мотивации и уровне языковой подготовки студентов,

что, в свою очередь, может влиять на их отношение к игровым заданиям и на конечные результаты, а также на скорость их обучения. Представленные в статье игровые методики являются экспериментальными и, как было выявлено в ходе исследования, не лишены определенных недочетов. Особого внимания требуют доработка материалов, в особенности лексической части игр, а также более тщательный контроль за ходом игры, что поможет обеспечить более равномерное вовлечение всех участников.

Тем не менее, полученные данные указывают на перспективность использования игрового подхода в краткосрочной перспективе. Данный подход может служить эффективным инструментом для мотивации студентов и первоначального закрепления грамматических знаний, при условии, что результаты будут закреплены посредством дополнительных упражнений, направленных на систематизацию и углубление изученного материала. Также, дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на изучение влияния различных типов игр на усвоение грамматического материала, что позволит разработать более эффективные методические рекомендации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что, несмотря на многообещающий потенциал игровых методик в преподавании русского языка как иностранного, результаты эксперимента не выявили их безусловного преимущества над традиционными речевыми упражнениями в долгосрочной перспективе. Вместе с тем, анализ данных свидетельствует о том, что аутентичные игровые техники способны обеспечивать более высокий уровень усвоения грамматического материала на начальном этапе обучения, что, вероятно, связано с их способностью вовлекать студентов в учебный процесс, создавать положительный эмоциональный отклик и тем самым активизировать их когнитивные процессы.

Проведенное исследование выявило ряд факторов, влияющих на эффективность применяемых методов. В частности, нестабильность состава учебных групп, индивидуальные различия в мотивации и уровне языковой подготовки студентов, а также специфика реализации отдельных игровых методик, такие как тип игры (командная/парная) и специфика игрового задания, оказывали определенное влияние на полученные результаты, что требует более тщательного учета этих факторов в дальнейших исследованиях. Тем не менее, данный эксперимент позволил выявить ряд перспективных направлений для дальнейших исследований, а также прояснить ряд методологических вопросов.

В заключение, важно отметить, что предложенные в настоящей работе авторские игровые методики носят экспериментальный характер и требуют дальнейшей доработки, в том числе с учетом полученных результатов. Это включает в себя не только совершенствование самих игровых механик, но и адаптацию их к различным форматам обучения (онлайн/офлайн, индивидуальные/групповые занятия), а также к разным уровням языковой подготовки студентов. В дальнейшем пред-

ставляется целесообразным разработать аналогичные игровые модели для изучения других падежей русского языка, что позволит получить более полное представление о роли и эффективности игрового подхода при обучении грамматике РКИ, а также выработать методические рекомендации для их применения в учебном процессе, ориентированные на конкретные учебные

цели и специфику аудитории. Результаты проведенного исследования могут быть использованы при разработке учебных материалов и методических пособий, направленных на повышение эффективности обучения грамматике русского языка как иностранного, а также стать отправной точкой для дальнейших исследований в области геймификации образовательного процесса.

Список источников

1. Антонова В. Е., Нахабина М. М., Сафронова М. В., Толстых А. А. Дорога в Россию: учебник русского языка. СПб: Златоуст; М.: ЦМО МГУ, 2003.
2. Huyen N., Nga K. Learning Vocabulary through Games. The Effectiveness of Learning Vocabulary through Games // *Asian EFL Journal*. 2003. № 5 (4). P. 1–15.
3. Wang, Y. Using Communicative Games in Teaching and Learning English in Taiwanese Primary Schools // *Journal of Engineering and Education*. 2010. № 7(1). P. 126–142.
4. Yolageldili G., Arikan A. Effectiveness of Using Games in Teaching Grammar to Young Learners // *Elementary Education Online*, 2011, № 10 (1). p. 219–229.
5. Galeeva G., Martynova E., Peretochkina S., Marsheva T. The role of games in the teaching of foreign languages. ICERI 2016 Proceedings, 2016. P. 1822–1829.
6. Leontyeva A., Schnittke E. The use of Authentic Games in Teaching L2 Russian Grammar, in: *Dynamic Teaching of Russian: Gamification of Learning*. Routledge, 2023. DOI: Ch. 5. P. 81–107.

References

1. Antonova V. E., Nakhabina M. M., Safronova M. V., Tolstykh A. A. *Doroga v Rossiyu: textbook of the Russian language*. St. Petersburg: Zlatoust; Moscow: TSMO Moscow State University, 2003.
2. Huyen N. Nga K. Learning Vocabulary through Games. The Effectiveness of Learning Vocabulary through Games. *Asian EFL Journal*. 2003; 5(4): 1-15.
3. Wang Y. Using Communicative Games in Teaching and Learning English in Taiwanese Primary Schools. *Journal of Engineering and Education*. 2010; 7(1): 126-142.
4. Yolageldili G., Arikan A. Effectiveness of Using Games in Teaching Grammar to Young Learners. *Elementary Education Online*. 2011; 10 (1): 219-229.
5. Galeeva G., Martynova E., Peretochkina S. & Marsheva T. The role of games in the teaching of foreign languages. ICERI2016 Proceedings, 2016. P. 1822-1829.
6. Leontyeva A., Schnittke E. The use of Authentic Games in Teaching L2 Russian Grammar, in: *Dynamic Teaching of Russian: Gamification of Learning*. Routledge, 2023. DOI: Ch. 5. P. 81-107.

Научная статья

УДК 378.6 © В. А. Латушкина

DOI: 10.24412/2225-8264-10.24412/2225-8264-2025-1-922

ДОПОЛНЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ИНФОРМАТИКИ КУРСАНТАМИ, ОБУЧАЮЩИМИСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

Латушкина В. А.¹

Ключевые слова: дополненная реальность, курсанты, обучение информатике, мотивация обучающихся, цифровые технологии, интерактивное обучение

Keywords: Augmented reality, cadets, informatics education, student motivation, digital technologies, interactive learning

Аннотация. В статье рассматривается влияние технологий дополненной реальности на мотивацию курсантов, обучающихся в образовательных учреждениях системы МВД России, при обучении информатике. Технологии дополненной реальности помогают адаптировать сложный теоретический материал к практическим задачам, что способствует более глубокому усвоению знаний и повышению уровня вовлеченности. Анализ исследований в области применения дополненной реальности в образовательной среде показывает, что ее преимущества включают наглядность, интерактивность и персонализацию. Проведенное исследование включает разработку учебных материалов с использованием дополненной реальности, а также оценку их влияния на мотивацию курсантов. Результаты эксперимента демонстрируют, что дополненная реальность стимулирует активное участие обучающихся, улучшает их успеваемость и формирует устойчивый интерес к предмету. Выводы подчеркивают важность интеграции современных технологий в образовательный процесс для повышения качества профессиональной подготовки курсантов, обучающихся в образовательных учреждениях системы МВД России. Практическая значимость работы заключается в возможности масштабного внедрения AR-технологий для модернизации обучения в специализированных учреждениях.

¹Латушкина Валерия Александровна — преподаватель кафедры информационных технологий в деятельности органов внутренних дел, Омская академия МВД России (Россия, г. Омск, пр. Комарова д. 7)
E-mail: latushkinalera@gmail.com
ORCID: 0009-0008-0689-8081

AUGMENTED REALITY AS A TOOL FOR INCREASING MOTIVATION IN STUDYING COMPUTER SCIENCE BY CADETS STUDYING IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

Valeria A. Latushkina

Lecturer, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article examines the impact of augmented reality (AR) technologies on the motivation of cadets studying in educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs system during their training in informatics. Augmented reality technologies help adapt complex theoretical material to practical tasks, facilitating deeper knowledge acquisition and increasing engagement levels. An analysis of studies on the application of augmented reality in the educational environment highlights its advantages, including visualization, interactivity, and personalization. The conducted research includes the development of educational materials using augmented reality and an assessment of its impact on cadets' motivation. The experimental results demonstrate that augmented reality stimulates active participation of learners, improves their academic performance, and fosters sustained interest in the subject. The findings emphasize the importance of integrating modern technologies into the educational process to enhance the quality of professional training for cadets studying in educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs system. The practical significance of the work lies in the potential for large-scale implementation of AR technologies to modernize training in specialized institutions.

Поступила в редакцию:
14.01.2025

В современном образовательном процессе активно внедряются цифровые технологии, позволяющие повысить эффективность и доступность обучения. Одной из наиболее перспективных технологий является дополненная реальность (AR, Augmented Reality), которая открывает новые возможности для визуализации учебного материала и повышения вовлеченности обучающихся. Это особенно актуально в профессиональной подготовке курсантов, обучающихся в образовательных учреждениях системы МВД России.

Курсанты, как представители специализированной образовательной среды, нередко сталкиваются с трудностями в восприятии материала по информатике, что может приводить к снижению интереса и мотивации. Это обусловлено как спецификой дисциплины, так и недостаточной адаптацией методов преподавания к требованиям времени. В связи с этим внедрение технологий дополненной реальности представляется эффективным решением для стимулирования познавательного интереса и повышения мотивации курсантов.

Целью данного исследования является изучение влияния использования дополненной реальности в обучении информатике на уровень мотивации курсантов, обучающихся в образовательных учреждениях системы МВД России. Для достижения этой цели проведен анализ существующих исследований и практик применения AR-технологий в образовательной сфере, разработаны и внедрены учебные материалы по информатике с использованием дополненной реальности, а также оценено влияние AR на мотивацию и успеваемость курсантов.

Дополненная реальность (AR) представляет собой технологию, которая объединяет реальные объекты с виртуальными элементами в одном пространстве, обеспечивая пользователям возможность взаимодействовать с виртуальным контентом в реальном времени. В образовательной среде AR-технологии находят применение для создания интерактивных учебных материалов, симуляторов и визуализации сложных процессов.

Исследования показывают, что использование AR в образовании способствует улучшению усвоения материала за счет активации визуальной и моторной памяти. Например, визуализация сложных процессов или алгоритмов через дополненную реальность позволяет учащимся глубже понять их логику и взаимосвязи. Эти выводы подтверждаются работами таких исследователей, как Биллингхерст [1], который изучал применение AR в обучении и его влияние на восприятие информации, и Азума [2], который предложил базовые концепты для применения AR в образовании.

Кроме того, AR стимулирует познавательную активность, развивает навыки критического мышления и повышает уровень взаимодействия между преподавателем и студентами. Ву исследовал влияние AR на взаимодействие студентов с учебным контентом, отмечая, что технологические средства могут значительно повысить уровень вовлеченности учащихся в процесс. AR также позволяет создавать учебные среды, имитирующие реальную профессиональную деятельность, что особенно полезно для прикладных дисциплин [3].

Ряд российских исследователей уделяет внимание

использованию технологий, таких как AR, в образовательном процессе. Так, работы Исаевой исследуют возможности применения интерактивных технологий в обучении, в том числе для создания моделей и симуляций профессиональных ситуаций [4]. Т. В. Данилова и М. Ю. Бурыкина в своих исследованиях рассматривают технологии в подготовке специалистов для работы с информационными системами и в обучении сложным техническим дисциплинам [5]. В свою очередь, Г. В. Семенова акцентирует внимание на потенциале AR в повышении мотивации и вовлеченности студентов в учебный процесс [6], что особенно важно в рамках профессиональной подготовки в системе МВД.

Образовательный процесс в системе МВД России имеет свои специфические требования, связанные с необходимостью формирования у курсантов профессиональных навыков и дисциплины. Курсанты сталкиваются с большим объемом теоретической информации, которую необходимо усвоить и применить в практических условиях. Информатика, будучи одной из ключевых дисциплин, закладывает основу для работы с информационными системами, анализа данных и обеспечения информационной безопасности. Однако традиционные методы преподавания информатики зачастую оказываются недостаточно эффективными для данной аудитории. Это связано с отсутствием практико-ориентированных задач и низкой визуализацией абстрактных концепций. Например, изучение таких тем, как алгоритмы шифрования или сетевые протоколы, требует применения сложных абстракций, которые трудно воспринимать без наглядных примеров.

Важно отметить, что специфические условия образовательного процесса требуют соблюдения особого режима дисциплины и четкости в подаче материала. Это делает необходимым использование технологий, которые не только повышают мотивацию курсантов, но и способствуют развитию у них самостоятельности, ответственности и способности принимать решения в условиях неопределенности. AR может стать таким инструментом, так как позволяет внедрять интерактивные сценарии обучения, включающие элементы моделирования профессиональных ситуаций.

Мотивация обучающихся играет решающую роль в успешности образовательного процесса. Исследования Вонга показывают, что внедрение дополненной реальности способствует значительному повышению вовлеченности студентов в учебный процесс [7]. Эти выводы подтверждаются работой Лампропулоса и его коллег, которые установили, что использование интерактивных технологий стимулирует познавательную активность благодаря увеличению эмоциональной вовлеченности [8].

Для курсантов мотивация имеет особую значимость, так как она напрямую связана с их профессиональной подготовкой. Например, Бем, Дитц, Прейндл и Пернул отметили, что использование AR для моделирования кибератак способствует лучшему пониманию принципов информационной безопасности и развивает критическое мышление [9]. Такой подход делает обучение не только увлекательным, но и практически полезным.

Результаты исследования Хана, Джонсона и Офффа подчеркивают, что AR способствует формированию устойчивого интереса к учебной деятельности за счет имитации реальных профессиональных ситуаций [10].

Таким образом, использование дополненной реальности в обучении информатике позволяет решать сразу несколько задач: повысить мотивацию курсантов, улучшить качество усвоения материала и адаптировать образовательный процесс к современным требованиям.

В исследовании приняли участие 50 курсантов 1 курса Омской академии МВД России. Возраст участников варьировался от 18 до 20 лет, и все они имели базовые навыки работы с компьютерными технологиями, однако ранее не имели опыта использования дополненной реальности (AR) в образовательных процессах. Исследование было направлено на оценку эффективности внедрения AR-технологий в учебный процесс, и для этого использовались различные методы. В качестве основного инструмента для сбора данных было выбрано анкетирование. Курсанты заполнили анкеты до и после прохождения курса, который включал использование AR. Вопросы анкеты касались таких аспектов, как мотивация, интерес к предмету, а также самооценка уровня усвоения материала. Одновременно с этим проводилось наблюдение за поведением курсантов во время занятий. Внимание уделялось их вовлеченности и активности в процессе обучения, а также взаимодействию с образовательными технологиями. Завершающим этапом исследования стало итоговое тестирование, целью которого было оценить знания и умения, которые курсанты приобрели в ходе занятий с применением AR-технологий.

Исследование проводилось в три этапа. На подготовительном этапе были разработаны учебные материалы по информатике с использованием AR-технологий. Основной этап включал проведение занятий, в ходе которых курсанты выполняли задания, изучали теоретический материал и принимали участие в симуляциях, использующих AR. Завершающий аналитический этап заключался в анализе данных, собранных в ходе анкетирования, наблюдений и тестирования, а также в сравнении результатов до и после внедрения AR-технологий. Для реализации AR в учебном процессе использовались мобильные устройства, на которых было установлено специализированное программное обеспечение. Приложение обеспечивало визуализацию алгоритмов, отображая видео-инструкции по выполнению практических заданий, а также включало симуляторы и интерактивные упражнения, направленные на развитие практических навыков курсантов.

Результаты анкетирования показали значительное повышение уровня мотивации курсантов после внедрения AR-технологий. До начала исследования только 40% респондентов выражали высокий интерес к изучению информатики, однако после прохождения курса с использованием AR этот показатель увеличился до 78%. Курсанты отметили, что визуализация сложных концепций с помощью AR сделала процесс обучения более понятным и увлекательным. Итоговое

тестирование показало улучшение успеваемости: средний балл повысился с 70 до 85 из 100 возможных, что особенно заметно в задачах, требующих визуализации алгоритмов и работы с информационными структурами. Это свидетельствует о том, что AR-технологии способствуют лучшему усвоению сложных тем. В обратной связи участники исследования положительно оценили использование AR в образовательном процессе, выделив среди основных преимуществ интерактивность, которая повышает интерес к обучению, наглядность и практическую ориентированность заданий, которые были тесно связаны с будущей профессиональной деятельностью. В то же время, некоторые курсанты отметили технические сложности, связанные с использованием оборудования, а также необходимость предварительного обучения для работы с AR-приложениями.

Сравнение группы курсантов, обучавшихся с использованием AR, с контрольной группой, использовавшей традиционные методы, показало явные преимущества первых. Помимо повышения мотивации и успеваемости, у курсантов из экспериментальной группы наблюдалось улучшение навыков самостоятельной работы и критического мышления. В ходе анализа результатов тестирования и наблюдений за активностью курсантов, было выявлено, что использование AR-технологий способствует более глубокому осмыслению учебного материала, так как курсанты сталкивались с необходимостью самостоятельного поиска решений в интерактивных заданиях и симуляциях. В отличие от традиционных методов, где материал подавался в основном в линейной и пассивной форме, AR стимулировала учащихся к активному вовлечению в процесс, требующему от них анализа, выбора и оценки различных вариантов решения. Более того, задания с элементами AR поощряли развитие навыков критического мышления, так как курсантам приходилось оценивать последствия своих действий в виртуальной среде и делать осознанный выбор, что развивало их способность к анализу и принятию обоснованных решений. Все эти факторы, в сочетании с повышением самостоятельности в обучении, позволили значительно улучшить как когнитивные, так и практические навыки курсантов. Таким образом, использование дополненной реальности в обучении информатике доказало свою эффективность и целесообразность в контексте подготовки курсантов МВД.

Результаты проведенного исследования подтвердили гипотезу о том, что использование дополненной реальности в обучении информатике способствует повышению мотивации курсантов, обучающихся в образовательных учреждениях системы МВД России. Внедрение AR-технологий в образовательный процесс позволило сделать обучение более интерактивным, наглядным и ориентированным на практическое применение знаний. Исследование показало, что использование AR в обучении информатике значительно повышает интерес курсантов к изучаемой дисциплине, а применение интерактивных технологий положительно влияет на уровень успеваемости и качество усвоения сложных тем. Курсанты высоко оценили возможность

практического применения полученных знаний, что особенно важно в контексте их профессиональной подготовки. Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности их применения для разработки новых образовательных программ, ориентированных на использование AR в обучении курсантов. В будущем исследования могут быть продол-

жены в направлении изучения долгосрочного влияния AR на профессиональное развитие курсантов, а также разработки дополнительных методов интеграции AR в образовательный процесс. Оптимизация технических аспектов использования AR также представляет собой перспективное направление для дальнейшей работы.

Список источников

1. Billinghurst M., Duenser A. Augmented reality in the classroom // *Computer*. 2012. Т. 45. №. 7. С. 56–63.
2. Azuma R. T. A Survey of Augmented Reality // *Presence: Teleoperators and Virtual Environments*. MIT press, 1997.
3. Wu H. K. et al. Current status, opportunities and challenges of augmented reality in education // *Computers & education*. 2013. Т. 62. С. 41–49.
4. Исаева Т. Е., Малишевская Н. А. Реализация компетентностного подхода в профессиональной подготовке обучающихся технических вузов через использование электронных симуляторов // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2021. №. 2 (101). С. 132–146.
5. Данилова Т. В., Бурыкина М. Ю., Крамарева И. Е. Использование виртуальной и дополненной реальности в высшем образовании // *Управление образованием: теория и практика*. 2024. Т. 14. №. 1-2. С. 133–142.
6. Семенова Г. В. Как повысить мотивацию к изучению иностранного языка: технология дополненной реальности на мобильных устройствах // *Известия тульского государственного университета. Педагогика*. 2020. №. 3. С. 57–62.
7. Wang Y. Effects of augmented reality game-based learning on students' engagement // *International Journal of Science Education, Part B*. 2022. Т. 12. №. 3. С. 254–270.
8. Lampropoulos G. et al. Augmented reality and gamification in education: A systematic literature review of research, applications, and empirical studies // *Applied sciences*. 2022. Т. 12. №. 13. С. 6809. Kaplan, D., et al. (2021). Real-time interaction with learning materials and its effect on student participation in professional training.
9. Böhm F. et al. Augmented reality and the digital twin: State-of-the-art and perspectives for cybersecurity // *Journal of Cybersecurity and Privacy*. 2021. Т. 1. №. 3. С. 519–538.
10. Khan T., Johnston K., Ophoff J. The impact of an augmented reality application on learning motivation of students // *Advances in Human-Computer Interaction*. 2019. Т. 2019. №. 1. С. 7208494.

References

1. Billinghurst M., Duenser A. Augmented reality in the classroom. *Computer*. 2012; 45, 7: 56-63.
2. Azuma R. T. A Survey of Augmented Reality. *Presence: Teleoperators and Virtual Environments*. MIT press, 1997.
3. Wu H. K. et al. Current status, opportunities and challenges of augmented reality in education. *Computers & education*. 2013; 62: 41-49.
4. Isaeva T. E., Malishevskaya N. A. Implementation of a Competency-Based Approach in the Professional Training of Students in Technical Universities through the Use of Electronic Simulators. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Cherepovets State University*. 2021; 2 (101): 132-146 (In Russ).
5. Danilova T. V., Burykina M. Yu., Kramareva I. E. The Use of Virtual and Augmented Reality in Higher Education. *Upravlenie obrazovaniem: teoriia i praktika = Education Management: Theory and Practice*. 2024; 14(1-2): 133-142 (In Russ).
6. Semenova G. V. How to Increase Motivation for Learning a Foreign Language: Augmented Reality Technology on Mobile Devices. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika = News of Tula State University. Pedagogy*. 2020; 3: 57-62 (In Russ).
7. Wang Y. Effects of augmented reality game-based learning on students' engagement. *International Journal of Science Education, Part B*. 2022; 12, 3: 254-270.
8. Lampropoulos G. et al. Augmented reality and gamification in education: A systematic literature review of research, applications, and empirical studies. *Applied sciences*. 2022; 12, 13: 6809.
9. Kaplan D., et al. (2021). Real-time interaction with learning materials and its effect on student participation in professional training.
10. Böhm F. et al. Augmented reality and the digital twin: State-of-the-art and perspectives for cybersecurity. *Journal of Cybersecurity and Privacy*. 2021; 1, 3: 519-538.
11. Khan T., Johnston K., Ophoff J. The impact of an augmented reality application on learning motivation of students. *Advances in Human-Computer Interaction*. 2019; 1: 7208494.

Научная статья

УДК 378.14 © С. В. Матюшенко, О. О. Князева

DOI: 10.24412/2225-8264-10.24412/2225-8264-2025-1-898

Ключевые слова: цифровая среда, онлайн-обучение, образовательный онлайн-процесс, вовлечение, вовлеченность в онлайн-обучение, онбординг, погружение

Keywords: digital environment, online learning, online educational process, involvement, involvement in online learning, onboarding, immersion

ОНБОРДИНГ КАК МЕТОДИКА ВОВЛЕЧЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ОНЛАЙН-ПРОЦЕСС

Матюшенко С. В.¹

Князева О. О.²

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы вовлечения обучающихся в образовательный онлайн-процесс. В качестве инновационного инструмента вовлечения исследуется онбординг — комплекс мероприятий, формирующих первое впечатление о виртуальной учебной среде и направленных на успешное начало обучения. Включение онбординга в организационную структуру образовательного онлайн-процесса способствует снижению уровня стресса, росту уровня комфорта, сокращению времени на сопровождение, ускорению процесса достижения результатов, повышению результатов и удовлетворенности. В статье рассмотрены различные подходы к модели вовлеченности, выделены факторы, влияющие на вовлеченность и их категории. Онбординг и адаптация представлены начальными этапами образовательного онлайн-процесса, которые помогают обучаемому успешно погрузиться в новую среду и стать ее частью. Описана трехэтапная стратегия онбординга (погружение, обучение, приспособление), основные правила и принципы юзабилити. Технология онбординга презентуется через структурное описание составляющих ее модулей (социальной адаптации, технической адаптации, учебной адаптации, профессионально-личностной самореализации), задаются форматы адаптационных активностей онбординга.

¹Матюшенко Светлана Владимировна — доктор педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, Омская академия МВД России (Россия), г. Омск, пр. Комарова, д. 7)
E-mail: md.sinichka@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5188-2379

²Князева Оксана Олеговна — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой общего менеджмента, Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (Омский филиал) (Россия, г. Омск, пр. Карла Маркса, д. 18, корп. 10)
E-mail: OKnazeva@synergy.ru
ORCID 0000-0003-2076-158X

Поступила в редакцию: 12.11.2024

ONBOARDING AS A METHOD OF ENGAGING STUDENTS IN THE ONLINE EDUCATIONAL PROCESS

Svetlana V. Matyushenko

Doctor of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Department of Criminal process, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Oksana O. Knyazeva

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General Management, Moscow Financial and Industrial University «Synergy» (Omsk branch)

Abstract. The article considers current issues of involving students in the online educational process. Onboarding is studied as an innovative engagement tool — a set of activities that form the first impression of the virtual learning environment and are aimed at a successful start to learning. Including onboarding in the organizational structure of the online educational process helps to reduce stress, increase comfort, reduce time for support, accelerate the process of achieving results, and improve results and satisfaction. The article considers various approaches to the engagement model, highlights the factors influencing engagement and their categories. Onboarding and adaptation are presented as the initial stages of the online educational process, which help the learner successfully immerse himself in a new environment and become a part of it. A three-stage onboarding strategy (immersion, training, adaptation), basic rules and principles of usability are described. The onboarding technology is presented through a structural description of its constituent modules (social adaptation, technical adaptation, educational adaptation, professional and personal self-realization), and the formats of onboarding adaptation activities are set.

Широкое применение онлайн-технологий связано с современными образовательными и цифровыми трендами. Главная цель внедрения цифровой среды — это повышение качества и результативности обучения.

Основными структурными компонентам ЦОС ОО в соответствии с требованиями ФГОС являются: техническое обеспечение; программные инструменты; обеспечение технической, методической и организационной поддержки; отображение образовательного процесса в информационной среде; компоненты на бумажных носителях.

Онлайн-обучение (e-learning) представляет собой современный способ получения знаний и навыков с использованием компьютера или другого интернет-устройства в реальном времени. Онлайн-обучение является логическим продолжением дистанционного обучения с акцентом на активное взаимодействие между преподавателем и студентом. Такой формат обучения способствует построению цифровой образовательной среды и глубокому погружению студентов в образовательные онлайн-процессы.

Одной из ключевых причин снижения эффективности учебной деятельности студентов в условиях онлайн-обучения определяем в возникающих сложностях, связанных с их вовлеченностью в образовательный процесс. В новых условиях, подразумевающих дистанционное обучение, многие студенты сталкиваются с определенными барьерами, которые мешают им активно участвовать в учебной деятельности. Это может быть связано как с особенностями самого формата онлайн-образования, так и с личностными факторами, такими как недостаток мотивации, отсутствие самодисциплины или трудности в адаптации к новым технологиям. В результате, несмотря на доступность материалов и лекций, уровень вовлеченности студентов заметно снижается, что, в свою очередь, негативно сказывается на общем качестве усвоения знаний и приобретении необходимых навыков. Принимая во внимание специфику онлайн-формата, важно учесть, что активное участие студента в образовательном он-

лайн-процессе требует новых подходов к его организации, а также разработку методов, способствующих более глубокому вовлечению студентов в образовательную онлайн-среду.

Вовлеченность в учебный процесс (на английском — student engagement или learner engagement) обозначает степень активности студента в освоении образовательной программы. Этот аспект традиционно рассматривается как одно из главных требований к качеству обучения.

Вовлечение подразумевает конкретные действия со стороны организаторов процесса обучения, направленные на повышение уровня участия студентов.

В научной литературе термин «вовлеченность» не имеет единого общепринятого определения. В рамках данного исследования будем понимать вовлеченность как познавательное психическое состояние, которое включает в себя когнитивную, эмоциональную, а также поведенческую готовность проявлять усилия, интенсивно работать и вкладываться в различные виды активности, включаться в образовательный процесс (И. Р. Абитов, П. Н. Устин, Л. В. Артищева) [1, с. 220]. Вовлеченность студентов рассматриваем через их активности к учению и развитию в образовательной деятельности. Это проявляется не только в их интересе к самому процессу обучения, но и к достигнутым результатам.

Вопрос вовлеченности студентов в обучение исследовался в метаанализе, проведенном учеными Пекинского педагогического университета в 2023 году, который выявил, в какой степени различные внешние и внутренние факторы влияют на уровень вовлеченности студентов [4]. Результаты показали, что все факторы можно разделить на две категории: способствующие и препятствующие (рис.1).

Исследователи выявили, что самая сильная положительная связь существует между вовлеченностью и позитивными эмоциями. Хотя эта связь может показаться очевидной, результаты метаанализа подтвердили важность удовлетворенности студентов программой и процессом обучения, а также их ощущение комфорта. Что

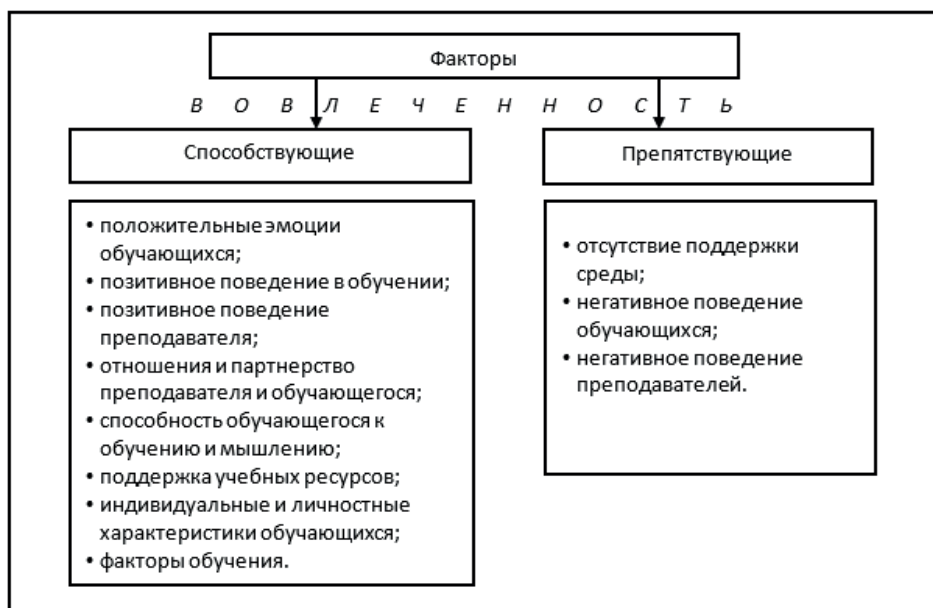

Рис.1. Факторы, влияющие на вовлеченность обучающихся

касается взаимоотношений с преподавателями, то они оказывают умеренное влияние на учебный процесс. Важно учитывать такие факторы, как личные качества преподавателя, его харизматичность и требовательность, а также поддерживающее отношение и готовность установить контакт со студентами. На том же уровне значимости находится позитивное поведение преподавателя, которое включает методы мотивации, поддержку студентов и формы обратной связи, которые он применяет.

Кроме того, индивидуальные особенности каждого студента — такие как семейное положение, возраст, пол, личностные характеристики и способности к обучению — также сказываются на степени вовлеченности, хоть их влияние и менее значимо.

Интересным является подход Community of Inquiry, который рассматривает вовлеченность студентов в контексте теории онлайн-обучения на основе проблемно-ориентированного подхода. Согласно этой теории, студент вовлекается в онлайн-обучение и получает образовательный опыт, когда программа содержит три взаимосвязанных компонента: социальное присутствие, когнитивное присутствие, педагогическое присутствие.

1. Социальное присутствие — это активное взаимодействие между участниками обучения, позволяющее установить связи и понять, что за экранами находятся реальные люди. Это взаимодействие способствует созданию сообщества. Даже общение с чат-ботами может создавать этот эффект.

2. Когнитивное присутствие — активное взаимодействие с содержанием онлайн-курса, которое включает глубокую работу с учебным материалом, взаимодействие со знанием через групповые и парные занятия, а также рефлексии, что позволяет студентам достигать значимых результатов.

3. Педагогическое присутствие отражает роль преподавателя в процессе обучения, помощи студентам и поддержке их в процессе исследования и построения знаний.

Community of Inquiry подчеркивает важность интеграции всех трех компонентов для создания поддерживающей и эффективной образовательной среды.

Следует отметить, что проектирование когнитивного компонента по этой модели близко к концепции зоны ближайшего развития Л. С. Выготского. Учебный материал должен быть достаточно сложным, чтобы побуждать студентов к активной умственной деятельности, но при этом не чрезмерно трудным, чтобы с задачей было невозможно справиться. В этой связи, при создании учебных сообществ следует разрабатывать задания, которые невозможно выполнить индивидуально, но которые доступны для пар или групп.

Факторы, влияющие на уровень вовлеченности студентов, становятся предметом анализа и в теории интеракции, разработанной М. Муром. Он утверждает, что вовлеченность в онлайн-обучение формируется через взаимодействие как между участниками образовательного процесса, так и между студентом и учебными материалами. Исследователь выделяет три ключевые категории взаимодействий:

- общение с преподавателем;
- взаимодействие с другими студентами;
- работа с учебным контентом.

Он подчеркивает важность поддержания всех трех типов взаимодействия на высоком уровне для достижения значимых результатов в онлайн-обучении. Однако исследователь Т. Андерсон, развивая идеи М. Мура, отмечает, что такой подход может требовать значительных ресурсов. В поисках более оптимального решения он выдвинул теорему эквивалентности, согласно которой для успешного онлайн-обучения достаточно, чтобы один из типов взаимодействий был качественным, в то время как остальные могли бы быть минимальными, не оказывая большого негативного влияния на образовательные результаты.

Несмотря на отсутствие единого мнения о приоритете определенного типа взаимодействия, Т. Андерсон и его сторонники акцентируют внимание на важности взаимодействия студента с учебным контентом. Адепты этого подхода считают, что общение между студентами или между студентом и преподавателем, не связанное непосредственно с учебными материалами, больше похоже на случайные беседы, которые не способствуют достижению значимых образовательных результатов.

Итак, рассмотрев актуальные вопросы вовлечения в образовательный онлайн-процесс, модели вовлеченности и факторы, влияющие на учебную вовлеченность, опишем онбординг как инновационную методику вовлечения студентов в образовательный онлайн-процесс.

Онбординг — это процесс погружения обучающегося в образовательную среду, это комплекс мероприятий, направленных на то, чтобы обучающийся как можно быстрее влился в учебный процесс. Это включает в себя знакомство с организационной структурой и процессами онлайн-обучения, создает комфортную и безопасную образовательную среду для обучающихся и настраивает их на обучение. Онбординг — это, по сути, первое впечатление, которое оставляет виртуальная учебная среда на обучающегося. Применение онбординга в образовательных онлайн-процессах позволяет обучающимся быстро и комфортно начать обучение в новых форматах, разобраться в требованиях, условиях, новых инструментах, не тратя время на стресс, организационные вопросы и ориентацию.

При сравнении с понятием «адаптация», мы видим, что это менее широкое понятие. Адаптация — это процесс приспособления к новым условиям, включая не только учебную среду, но и саму учебную деятельность, участников учебного процесса, задачи и т.д. Адаптация — это способность обучающегося быстро приспосабливаться к переменам, происходящим вокруг него. Это означает не только умение выполнять учебные задачи, но и эффективное взаимодействие со всеми участниками образовательного процесса, умение находить общий язык с командой, адаптироваться к новым методам и процедурам.

Отметим, что онбординг и адаптация лишь кажутся схожими понятиями, каждое из них имеет свои собственные особенности. Онбординг — это первый шаг в интеграцию обучающегося в образователь-

ный онлайн-процесс, а адаптация — это процесс постепенного приспособления к работе в новой среде. Важно понимать разницу между этими понятиями, чтобы обеспечить успешное погружение обучающегося в образовательный онлайн-процесс и его адаптацию.

Опишем трехэтапную стратегию онбординга.

1. Погружение (онбординг) — знакомство с учебной средой, участниками образовательного процесса и организационно-педагогическими условиями.

Представим краткую структурированную концепцию методической разработки на тему «Цифровая образовательная среда. Погружение». В этот комплекс входят теоретические материалы, практические задания с детальными сценариями, материалы-помощники, а также онлайн-игра «Эффективные коммуникации в цифровой среде» и обобщающая презентация, которая знакомит участников с ключевыми аспектами темы.

Данная методическая разработка подойдет как для мастер-классов, так и для серии занятий, направленных на развитие у обучающихся глобальных компетенций. В рамках занятий будут рассмотрены такие важные аспекты, как правила онлайн-коммуникации, подготовка к коммуникации и установление контакта, защита личной информации, правильное хранение паролей, защита от фишинга, последствия цифрового следа, методы оценки и контроля своего присутствия в Интернете, инструкции по защите персональных данных, игры, моделирующие онлайн-взаимодействие, стратегии для защиты данных и приложения, повышающие безопасность в сети.

2. Обучение (индукция) — начало обучения и погружение в учебные онлайн-процессы.

Остановимся на основных правилах и принципах юзабилити. В контексте образования юзабилити (удобство использования) фокусируется на взаимодействии обучающегося с компьютером и системами электронного образования, чтобы определить, как вовлечь учащихся в процесс обучения и мотивировать их на постоянное и беспрепятственное взаимодействие с системами образования. Это показатель легкости и удобства взаимодействия с интерфейсом сайта. Цель сформулированных правил — создать благоприятную среду погружения, чтобы обучающему на сайте было удобно, понятно, спокойно.

Информирование о состоянии системы. Обучающиеся должны всегда понимать текущее состояние страницы и предстоящие шаги. Особенно для новичков важно, чтобы они были уверены, что делают все правильно. При качественном юзабилити интерфейса каждый шаг обучающегося отображается на экране. Обратная связь должна быть своевременной, понятной и содержательной, чтобы пользователи знали, что их действия зарегистрированы системой.

Важно общаться на языке пользователя. Все коммуникации должны быть понятны не только визуально, но и вербально.

Необходимо предоставлять пользователям свободу и возможность контроля. Обучающиеся делают ошибки (ввод неверных данных, нажатие не той кнопки), и правильно, когда в системе предусмотрен

«аварийный выход», позволяющий вернуться назад и исправить ошибку.

Следует соблюдать стандарты. Необходимо помнить о стандартах однотипных систем, которых стоит придерживаться. Отклонения могут запутать пользователя. Пользователи привыкают к интерфейсу и способны интуитивно разобраться в навигации.

Облегчать распознавание, а не запоминание. Чем больше организационной информации, которая помогает обучающемуся разобраться с задачей, доступно одновременно, тем выше вероятность, что он останется в комфортной рабочей атмосфере сайта. Необходимо избегать перегрузки пользователя мыслительными процессами. Взаимодействие должно происходить на интуитивном уровне.

Обеспечить гибкость и высокую эффективность. Интерфейс следует разрабатывать так, чтобы он был комфортным как для новичков, так и для опытных пользователей. Например, функция автозаполнения на мобильных устройствах может значительно облегчить использование для тех, кто уже знаком с системой, не отвлекая при этом тех, кто предпочитает вводить данные вручную.

Создавать лаконичный и интуитивно понятный дизайн. Интерфейс должен быть минималистичным, чтобы не отвлекать студента от выполнения основной задачи — поиска информации или совершения действий. Лаконичность не означает простоту; важнее всего — исключить все лишнее, что может перегружать интерфейс и вызывать дискомфорт.

Помогать в выявлении и устранении ошибок. Если происходит сбой, пользователь должен быть своевременно уведомлен об этом. С точки зрения удобства использования, важно, чтобы сообщения об ошибках были ясными и легко воспринимаемыми. Например, в случае незаполненных обязательных полей, они могут выделяться красным цветом.

Предоставлять подсказки и направлять пользователей. Сайт с высоким уровнем удобства не должен оставлять новых пользователей без помощи в навигации по интерфейсу. Информация и подсказки должны быть краткими и понятными, предлагая четкие инструкции по действиям. Ошибки при работе системы неизбежны, но важно объяснить пользователю, почему они произошли и что делать дальше.

3. Приспособление (адаптация) — развитие до уровня самостоятельного и опытного участника образовательного процесса.

Основное различие между процессами онбординга и адаптации заключается в целях и задачах. Онбординг ориентирован на максимально быстрое, безопасное и комфортное вовлечение обучающегося в учебную онлайн-среду и правильного опыта первого взаимодействия с ней. Адаптация, в свою очередь, направлена на создание благоприятной среды для интеграции обучающегося в онлайн-обучение и привыкание к требованиям и культуре дистанционного обучения.

В основу технологии онбординга включены следующие модули:

1. Модуль «Социальная адаптация».

Этот модуль направлен на знакомство студентов

с преподавателями, кураторами и однокурсниками. Здесь они получают информацию о расписании, правилах взаимодействия и поведении в учебной среде, включая общение в чатах и онлайн-группах. Основная цель — создать четкое представление о процессе обучения и обозначить, к кому можно обращаться за помощью с различными вопросами.

2. Модуль «Техническая адаптация».

Этот модуль помогает студентам освоить образовательную онлайн-платформу и личные кабинеты. В рамках модуля студенты узнают о необходимых технических устройствах, программах для установки на гаджетах, а также о правилах подачи домашних заданий, включая форматы файлов и подходящие размеры. Кроме того, рассматриваются распространённые технические проблемы и способы их решения.

3. Модуль «Учебная адаптация».

Данный модуль помогает студентам определить свои индивидуальные учебные цели и сфокусироваться на развитии ключевых навыков. Студенты учатся самостоятельно находить и обрабатывать информацию. Модуль включает различные активности, такие как квизы, самостоятельные задания, воркшопы и сторителлинги.

4. Модуль «Профессионально-личностная самореализация».

Этот модуль предоставляет студентам возможность погрузиться в изучаемый навык более глубоко. Здесь обсуждаются вопросы выбора будущей профессии, способы монетизации навыков и создание индивидуального плана развития после завершения курса.

Возможные форматы адаптационных активностей онбординга представлены на рисунке 2.

Внедрение онбординга в образовательный процесс способствует:

- снижению уровня стресса (за счет понимания четких правил и особенностей образовательного процесса);

- росту уровня комфорта (за счет ориентации во всех материалах и окружении образовательного процесса);

- снижению времени на сопровождение (за счет четких инструкций, вводного инструктажа и адаптационных артефактов);

- ускорению процесса достижения результатов (за счет отсутствия необходимости задавать организационные вопросы в процессе учебы);

- росту результатов и удовлетворенности (за счет снижения уровня стресса, роста уровня комфорта и скорости достижения результатов).

Трудно переоценить важность достижения высокого уровня вовлеченности обучаемых, поскольку фактически это необходимое предварительное условие того, чтобы обучение считалось результативным и успешным. Студенты, не вовлеченные в учебный процесс, с гораздо меньшей вероятностью сформируют комплексные знания по рассматриваемой теме и полностью раскроют свой потенциал, когда дело дойдет до экзаменов или проектной деятельности.

Вовлеченности студентов можно достигнуть только тогда, когда они эмоционально вкладываются в собственное обучение и проявляют к нему активный

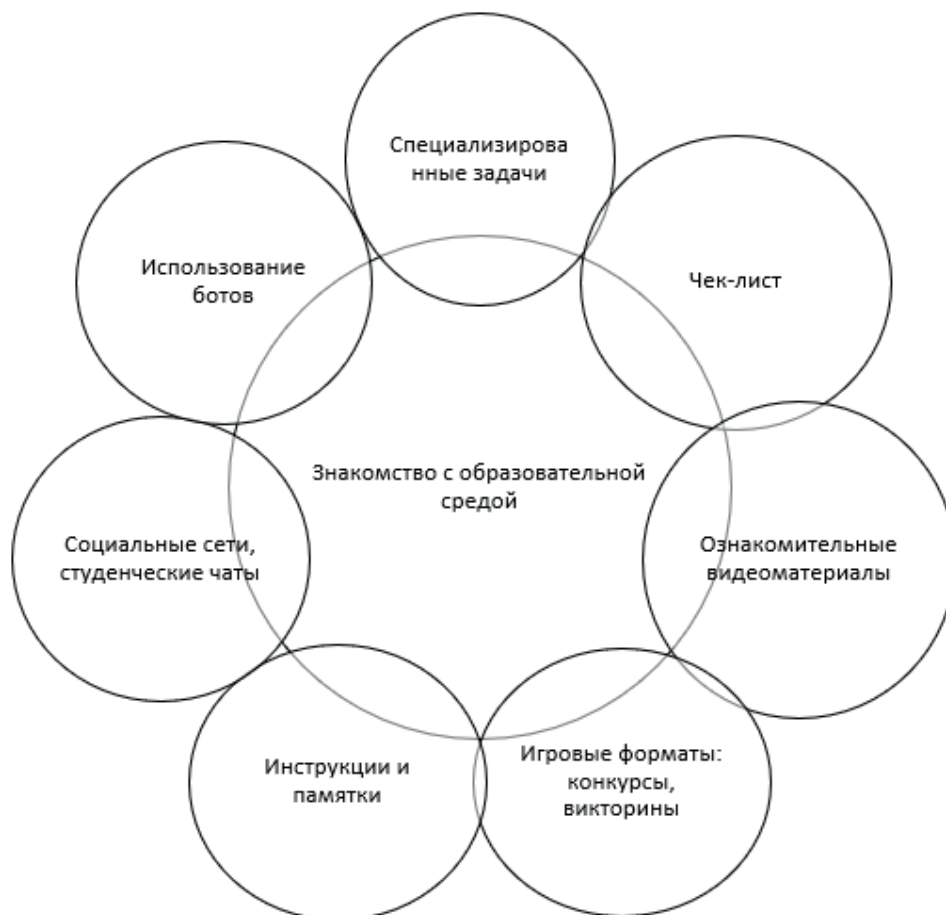

Рис.2. Форматы адаптационных активностей онбординга

интерес, что требует от преподавателей использования правильных стратегий по вовлечению. Включение инновационных инструментов вовлечения в онлайн-обучение, в частности онбординга, способствует не только

повышению уровня вовлеченности в онлайн-обучение, но и правильному погружению в образовательный онлайн-процесс, повышая его качество и результативность.

Список источников

1. Абитов И. Р., Устин П. Н., Артищева Л.В. Вовлеченность в учебную деятельность как познавательное психическое состояние: опыт исследования. Казанский педагогический журнал. 2022. № 3 (152). С. 218–225.
2. Fredricks J., P. Blumenfeld, Paris A. School Engagement: Potential of the Concept, State of the Evidence // Review of Educational Research. 2004. Vol. 74. № 1. Pp. 59–109.
3. Киселева Н. В. Социально-психологические характеристики вовлеченности в непрерывное образование: дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2019. 179 с.
4. Ли Дж., Сюэ Э. Динамическое взаимодействие между поведением учащихся в процессе обучения и учебной средой: метаанализ вовлеченности учащихся и влияющих на нее факторов // Поведенческие науки. 2023. № 13 (1). С. 59. URL: <https://doi.org/10.3390/bs13010059> (дата обращения: 05.11.2024).

References

1. Abitov I. R., Ustin P. N., Artishcheva L.V. Engagement in educational activities as a cognitive mental state: research experience. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*. 2022; 3 (152): 218-225. (In Russ.).
2. Fredricks J. Blumenfeld P., Paris A. School Engagement: Potential of the Concept, State of the Evidence. *Review of Educational Research*. 2004; Vol. 74, 1: 59-109.
3. Kiseleva N.V. Social and psychological characteristics of involvement in lifelong education: dis. ... cand. of Psychology. Moscow, 2019. 179 p.
4. Li J., Xue E. Dynamic interaction between students' learning behavior and the learning environment: A meta-analysis of student engagement and its influencing factors. *Povedencheskie nauki = Behavioral Sciences*. 2023; 13 (1): 59. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.3390/bs13010059>.

Научная статья

УДК: 37.018.4:004

© М. И. Рагулина,
С. Р. Удалов, Г. А. Федорова

DOI: 10.24412/2225-8264-
10.24412/2225-8264-2025-
1-896

Ключевые слова: регулятивно-деятельностный подход, цифровые инструменты, технологии и платформы, подготовка будущих педагогов, регуляция педагогической деятельности, знания, рефлексия

Keywords: regulatory-activity approach, digital tools, technologies and platforms, training of future teachers, regulation of pedagogical activity, knowledge, reflection

¹Рагулина Марина Ивановна — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой информатики и методики обучения информатике, Омский государственный педагогический университет (Россия, г. Омск, наб. Тухачевского, 14)
E-mail: ragulina@omgpu.ru
ORCID: 0000-0003-0313-9721

²Удалов Сергей Робертович — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры информатики и методики обучения информатике, Омский государственный педагогический университет (Россия, г. Омск, наб. Тухачевского, 14)
E-mail: udalov@omgpu.ru
ORCID: 0000-0001-7223-5958

³Федорова Галина Аркадьевна — доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры информатики и методики обучения информатике, Омский государственный педагогический университет (Россия, г. Омск, наб. Тухачевского, 14)
E-mail: fedorova-ga@omgpu.ru
ORCID: 0000-0003-4151-4684

Поступила в редакцию:
7.11.2024

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГОВ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ НА ОСНОВЕ РЕГУЛЯТИВНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА

Рагулина М. И.¹

Удалов С. Р.²

Федорова Г. А.³

Аннотация. В статье обосновывается использование регулятивно-деятельностного подхода в качестве психолого-педагогической основы подготовки педагогов к использованию цифровых инструментов, технологий и платформ в профессиональной деятельности. Целью работы является описание условий для развития способностей будущего педагога к использованию этих инструментов, технологий и платформ на разных уровнях регуляции своей педагогической деятельности. К используемым методам относятся психолого-педагогический анализ литературы, материалов исследований и документов, посвященных подготовке современного учителя, а также моделирование структуры и содержания подготовки к использованию цифровых инструментов, технологий и платформ в педагогической деятельности. Результатом работы является описание процесса подготовки педагогов к использованию цифровых инструментов, технологий и платформ как трехэтапного движения будущего педагога по индивидуальной образовательной траектории и саморегуляции им этого движения. Полученные результаты могут быть применены для разработки методической системы подготовки педагогов к использованию цифровых инструментов, технологий и платформ в профессиональной деятельности. Авторы статьи пришли к выводу, что использование регулятивно-деятельностного подхода позволяет строить процесс подготовки педагогов к использованию цифровых инструментов, технологий и платформ в профессиональной деятельности так, чтобы направить его на формирование у студентов профессиональной компетенции и последовательно вывести их на операционный, тактический и стратегический уровень регуляции педагогической деятельности.

ORGANIZATION OF TRAINING OF TEACHERS FOR THE USE OF DIGITAL TOOLS BASED ON THE REGULATORY- ACTIVITY APPROACH

Marina I. Ragulina

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Omsk State Pedagogical University

Sergey R. Udalov

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Omsk State Pedagogical University

Galina A. Fedorova

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Omsk State Pedagogical University

Abstract. The article substantiates the use of the regulatory-activity approach as a psychological and pedagogical basis for preparing teachers to use digital tools, technologies and platforms in their professional activities. The purpose of the work is to describe the conditions for developing the abilities of a future teacher to use these tools, technologies and platforms at different levels of regulation of their pedagogical activities. The methods used include psychological and pedagogical analysis of literature, research materials and documents devoted to the training of a modern teacher; as well as modeling the structure and content of training for the use of digital tools, technologies and platforms in pedagogical activity. The result of the work is a description of the process of training teachers to use digital tools, technologies and platforms as a three-stage movement of a future teacher along an individual educational trajectory and self-regulation of this movement. The obtained results can be applied to develop a methodological system for training teachers to use digital tools, technologies and platforms in their professional activities. The authors of the article came to the conclusion that the use of a regulatory-activity approach allows building the process of training teachers to use digital tools, technologies and platforms in their professional activities in such a way as to direct it towards developing students' professional competence and consistently bringing them to the operational, tactical and strategic levels of regulating pedagogical activities.

ВВЕДЕНИЕ

В статье обосновывается использование регулятивно-деятельностного подхода в качестве психолого-педагогической основы подготовки педагогов к использованию цифровых инструментов, технологий и платформ в профессиональной деятельности. Целью работы является описание условий для развития способностей будущего педагога к использованию этих инструментов, технологий и платформ на разных уровнях регуляции своей педагогической деятельности.

Методика исследования

К используемым методам относятся психолого-педагогический анализ литературы, материалов исследований и документов, посвященных подготовке современного учителя, а также моделирование структуры и содержания подготовки к использованию цифровых инструментов, технологий и платформ в педагогической деятельности.

Результаты исследования

Готовность педагогов осознанно и продуктивно использовать в своей профессиональной деятельности цифровые инструменты, технологии и платформы остается значимым требованием современной отечественной школы. Для решения этой задачи необходима организация специальной подготовки в вузах, в процессе которой будущие педагоги непрерывно и комплексно осваивали бы возможности цифровой образовательной среды и цифровой техносферы современной школы [1]. Если раньше в учебные планы были включены такие дисциплины как «Информатика», «Информационные и коммуникационные технологии в образовании», «Аудиовизуальные средства обучения» и др., то сегодня мы видим только дисциплину «Технологии цифрового образования». Этого явно недостаточно. Так как современный педагог должен использовать все возможности, которые дает ему цифровизация, при планировании, организации, мотивации, координации и контроле образовательного процесса [2].

К тому же, следует учитывать при организации специальной подготовки будущих педагогов, что она должна быть связана с формированием универсальной, общепрофессиональной и профессиональной компетентности. Ведь все эти уровни компетентности необходимы для решения педагогом профессиональных задач, носящих проектировочный, организационный и коммуникативный характер, где и должны использоваться цифровые инструменты, технологии и платформы [3]. И конечно, подготовка к их использованию не должна сводиться только к формированию ИКТ-компетентности педагога, но способствовать становлению у него интегративной педагогической компетентности.

Таким образом, для разработки концепции подготовки будущих педагогов необходимо определить ее психолого-педагогические основы, рассмотрев различные психологические теории учения [4]. В деятельностной теории учения преобладающее значение имеет формирование познавательной деятельности. При этом определяется особое соотношение знаний и умений. Знания усваиваются и сохраняются через дей-

ствия обучаемого. Таким образом, в процессе обучения ставится задача сформировать у обучающихся такие виды деятельности, которые включают в себя систему знаний и обеспечивают их применение.

Процесс усвоения знаний обучающимся, переход их во внутренний план и, собственно, сам процесс учения связан с интериоризацией, формированием внутренних структур человеческой психики через усвоение внешней деятельности. При этом важны внутренние установки обучающегося, его желание и активность.

Для проектирования процесса подготовки педагогов к использованию цифровых инструментов, технологий и платформ в профессиональной деятельности мы воспользуемся идеями А. С. Шарова, изложенными в его психологической теории о логике движения обучающегося при изучении какого-либо предмета [5; 6; 7; 8].

Во-первых, в этой теории определяется сущность и природа знаний. А. С. Шаров рассматривает их как правила регулирования деятельности человека. Знания передаются обучающемуся для того, чтобы он научился регулировать свою деятельность, а затем и мог объяснить, как она организуется.

Во-вторых, А. С. Шаров указывает на необходимость рефлексии, как регулятора выполняемой деятельности обучающихся. Чтобы знания были усвоены, их необходимо отрефлексировать, то есть выделить. Рефлексия важный инструмент улучшения мышления, превращения его в критическое. В процессе рефлексии формируется критическое мышление, улучшается самостоятельное мышление обучающегося. Таким образом, рефлексия необходима для формирования системы знаний у обучающегося. Она способствует регуляции, делая деятельность правильно организованной и целесообразной.

В-третьих, А. С. Шаров показывает, что в учении вырабатывается система смыслов, которая дает возможность понимания. Знания имеют деятельностный характер, что дает возможность обучающемуся осуществлять определенную деятельность, регулировать процесс ее протекания, формируют его компетентность.

Таким образом, опираясь на научную теорию А. С. Шарова, мы будем рассматривать процесс подготовки педагогов к использованию цифровых инструментов, технологий и платформ в профессиональной деятельности в рамках регулятивно-деятельностного подхода. Это позволяет нам включить в этот процесс такие компоненты как смыслообразование, активность и рефлексия [9]. Логика этого процесса основана на движении обучающегося по индивидуальной образовательной траектории и саморегуляции этого движения. Самостоятельное движение обучающегося по образовательной траектории может осуществляться на трех уровнях регуляции — операционном, тактическом и стратегическом [10]. Операционный уровень самостоятельности характеризуется способностью выбирать конкретные действия и операции. На тактическом уровне надо уметь самостоятельно ставить цели и достигать их. Стратегический уровень самостоятельности позволяет видеть перспективу деятельности.

Еще одним важным моментом является логика перехода от обучения к практической деятельности. Согласно этой логике в процессе подготовки к использованию цифровых инструментов, технологий и платформ в профессиональной деятельности будущим педагогам необходимо последовательно освоить базовые формы деятельности. К которым мы относим познавательную, моделирующую и проектную. Это обосновывается использованием идей семиотики в образовании, когда содержание, цели, средства, методы обучения связываются со структурой и функционированием знаковых систем, а процесс обучения представляется как передача знаковой информации от преподавателя к учащемуся, являясь, таким образом, особым видом коммуникативно-семиотического процесса. А у знаковой информации есть различные значения (синтаксическое, семантическое, прагматическое), которые могут быть использованы в базовых формах деятельности.

Что же надо учитывать при проектировании процесса подготовки педагогов?

Вся подготовка связывается с формированием регулятивных умений и навыков (смыслообразования, активности или рефлексии). И каждый этап включает в себя формирование всех этих компонентов, но на одном из них будущий педагог должен сделать акцент. А другие компоненты не будут так ярко проявлены. Таким образом в процессе подготовки и в познавательной, и в моделирующей, и в проектной деятельности будут формироваться смыслообразование, активность и рефлексия, но один из этих компонентов регуляции должен стать ведущим.

Процесс подготовки на разных этапах будет зависеть от того, какая деятельность осваивается будущим педагогом — познавательная, моделирующая или проектная. А индивидуальная образовательная траектория задается соответствующим компонентом регуляции. Начало движения по индивидуальной траектории связано с таким компонентом регуляции как смыслообразованием. На данном этапе будущий педагог самостоятельно приобретает знания о цифровых инструментах и платформах, технологиях и моделях их применения в образовательной деятельности. Далее движение будущего педагога по своей индивидуальной образовательной траектории задается еще одним компонентом регуляции — активностью. Здесь осуществляется проработка усвоенных знаний, моделей и проектов. Конец же движения определяется еще одним компонентом регуляции — рефлексией. И тут формируются механизмы понимания и объяснения способов решения профессиональных задач с применением цифровых инструментов, технологий и платформ. Но это только общая схема движения обучаемого по его образовательному маршруту. Есть еще и элемент индивидуализации образовательной траектории, который связан с осваиваемой деятельностью — познавательной, моделирующей или проектной.

Индивидуальная познавательная деятельность будущего педагога начинается с процесса усвоения базовой знаковой системы изучаемой предметной области. Главная задача этого этапа методики обучения — сформировать условия для усвоения и отработки системы

понятий, как содержательной части знаний и их значение в общей системе подготовки будущих педагогов к использованию цифровых инструментов и платформ в профессиональной деятельности. Распределенная во времени познавательная деятельность будущего педагога основана на таких приемах усвоения знаний, как обобщение и систематизация. Процесс восприятия и запоминания включает такие действия как группировка программных инструментов в зависимости от функционала, выделение структуры, классификация инструментов и сервисов, схематизация и создание инфографики. При этом используются приемы интеллектуальной деятельностью с использованием информационных технологий, в конкретном выполнении действий с информационными объектами (таблицами, схемами, списками и т.п.).

Этот этап посвящен освоению содержания изучаемого материала в виде своеобразной гипертекстовой структуры, предполагающей регулятивную деятельность с ней (набор понятий различной степени обобщения и отношения между ними). Эта структура может быть проработана и дополнена качественно и количественно различными примерами профессионального использования цифровых инструментов, технологий и платформ, учебными задачами, информационными моделями. Изучаемые понятия и действия с ними закрепляются в различных активностях будущего педагога, таких как запоминание, повторение, создание глоссариев, составление интеллектуальных карт и др. Целью и результатом данного этапа на индивидуальной образовательной траектории является усвоение системы понятий и связей между ними.

Для того, чтобы знания стали частью внутреннего опыта, обучающемуся необходимо их проанализировать, осмыслить и поработать. В процессе такой деятельности организуется ценностно-смысловая система.

Далее необходимо научить раскрывать сущность этой системы. Объясняя организацию системы понятий, обучающийся делает усвоенные знания действенными и функционирующими. Он может объяснить различные процессы и явления в осваиваемой области, понимает и интерпретирует их.

Для подготовки будущего педагога применять полученные знания целесообразно применять методический прием «моделирование». От моделей знаний происходит переход к моделям деятельности. Сначала эти модели носят теоретический характер. Но они предназначены для изучения определённых аспектов профессиональной деятельности и позволяют научить этой деятельности путем ее моделирования или воспроизведения. Путем моделирования обучающиеся отрабатывают специфические навыки и ощущают последствия принятия решений.

Моделирующая деятельность начинается с получения или самостоятельного создания теоретической модели. В этом процессе более глубоко усваиваются знания как правила регулирования деятельности. Модель деятельности становится инструментом и результатом мышления обучающегося.

На втором этапе моделирования решаются конкрет-

ные учебные задачи различного уровня обобщения, т.е. происходит воспроизведение моделей профессиональной деятельности с использованием цифровых инструментов, технологий и платформ. В процессе решения таких задач, обучающийся использует сформированные ранее знания и осознает их значение для практической деятельности.

На третьем этапе происходит рефлексивное обобщение опыта деятельности. Создается система моделей решения профессиональных задач, а также намечаются проекты деятельности с использованием цифровых инструментов, технологий и платформ.

Последним этапом подготовки становится этап проектирования. В процессе проектной деятельности идет реализация освоенных на предыдущем этапе моделей, когда в конкретных педагогических ситуациях формируются регулятивные умения и навыки обучающегося по применению цифровых инструментов, технологий и платформ. При этом актуализируется вся система теоретических и практических знаний, оформленных в виде регулятивных схем практической деятельности. Обучающимся предлагается либо поработать с готовым проектом, либо создать новый проект. В процессе воспроизведения с готового проекта будущий педагог анализирует его цели и задачи, выявляет идеи, алгоритмы реализации, оценивает оптимальность выбранных средств и возможность реализации данного проекта без корректировки. Процесс разработки нового проекта включает выявление проблемы, которая должна быть решена, формулирование идеи, разработку алгоритма осуществления проекта. В основу методики работы с проектами могут быть положены игровые или исследовательские подходы.

Далее проект апробируется, происходит проверка его эффективности. Проверка может происходить не в реальном педагогическом процессе, а с помощью

«рефлексивного проигрывания». Тут оценивается реализуемость и целесообразность проекта, а также он оформляется и защищается.

На заключительном этапе проект реализуется. Важно, чтобы на этом этапе у будущего педагога развивалось понимание того, что он делает, формировался опыт и умение предвидеть результаты своей деятельности. На этой основе формируется готовность решать задачи профессиональные педагогические задачи.

И еще раз следует подчеркнуть, что освоение базовых форм деятельности — познавательной, моделирующей и проектной должно происходить в процессе самостоятельного движения обучающегося по образовательной траектории. Преподаватель в этом случае является модератором и тьютором, а студент регулирует свою активность и организует свою деятельность.

Выводы

Исходя из всего сказанного, можно утверждать, что подготовка педагогов к использованию цифровых инструментов, технологий и платформ в профессиональной деятельности должна строиться так, чтобы операционный уровень регуляции формировался в познавательной деятельности, тактический — в моделирующей деятельности, а стратегический — в проектной.

Таким образом, использование деятельностного и регулятивного подходов, психологической теории самостоятельности учащегося в учении позволяет проектировать процесс подготовки педагогов к использованию цифровых инструментов, технологий и платформ в профессиональной деятельности, направленный на формирование профессиональной компетенции и последовательный вывод на операционный, тактический и стратегический уровень регуляции педагогической деятельности.

Список источников

1. Удалов С. Р. Влияние цифровой трансформации образования на подготовку педагогов к реализации гибридного обучения // *Современные проблемы науки и образования*. 2022. № 6–1. С. 81.
2. Удалов С. Р. Профессиональная педагогическая деятельность как область применения цифровых инструментов, технологий и платформ // *Информатизация образования: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции памяти академика РАО М. П. Лапчика*. Омск, Изд-во ОмГПУ, 2023. С. 37–40.
3. Удалов С. Р. Взаимосвязь подготовки педагога к использованию цифровых инструментов, технологий и платформ с формированием профессиональной компетентности для реализации гибридного обучения // *Информатизация образования: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции памяти академика РАО М. П. Лапчика*. Омск, Изд-во ОмГПУ, 2022. С. 81–86.
4. Талызина Н. Ф. Педагогическая психология: учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 1998. 288 с.
5. Шаров А. С. Линия развития и совершенствования методики обучения предмету // *Математика и информатика: наука и образование: Межвузовский сборник научных трудов: Ежегодник*. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. Вып. 2. С. 186–192.
6. Шаров А. С. Логика движения студента в предмете // *Многоуровневое высшее образование*. Омск: изд-во Омского пединститута, 1993. С. 194–196.
7. Шаров А. С. Психология образования и развития человека: учебное пособие. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 150 с.
8. Шаров А. С. Рефлексивные механизмы протраивания и связывания границ «Я» // *Университеты как регионообразующие комплексы*. В 5 ч. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. Ч. 4. С. 276–280.
9. Шаров А. С. О-граниченный человек: значимость, активность, рефлексия: монография. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. 358 с.
10. Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология научного исследования. М.: Либроком, 2010. 280 с.

References

1. Udalov S. R. The influence of the digital transformation of education on the preparation of teachers for the implementation of hybrid learning. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2022; 6-1: 81. (In Russ.).
2. Udalov S. R. Professional pedagogical activity as a field of application of digital tools, technologies and platforms. *Informatization of education: theory and practice. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference in memory of Academician of the Russian Academy of Education M. P. Lapchik*. Omsk: Omsk State Pedagogical University Publishing House, 2023. P. 37-40.
3. Udalov S. R. The relationship between teacher training to use digital tools, technologies and platforms with the formation of professional competence for the implementation of hybrid learning. *Informatization of education: theory and practice. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference in memory of Academician of the Russian Academy of Education M. P. Lapchik*. Omsk: Omsk State Pedagogical University Publishing House, 2022. P. 81-86.
4. Talyzina N. F. *Pedagogical psychology: Textbook. aid for students avg. ped. textbook establishments*. Moscow: Publishing Center «Academy», 1998. 288 p.
5. Sharov A. S. Line of development and improvement of methods of teaching the subject. *Mathematics and computer science: science and education: Interuniversity collection of scientific works: Yearbook*. Omsk: Omsk State Pedagogical University Publishing House, 2002. P. 186-192.
6. Sharov A. S. The logic of student movement in the subject. *Multilevel higher education*. Omsk: publishing house of the Omsk Pedagogical Institute, 1993. 194-196.
7. Sharov A. S. *Psychology of education and human development: A textbook for students of pedagogical universities*. Omsk: Omsk State Pedagogical University Publishing House, 1996. 150 p.
8. Sharov A. S. Reflexive mechanisms for constructing and linking the boundaries of the «I». *Universities as region-forming complexes. At 5 parts*. Omsk: Omsk State University Publishing House, 2004. 4. P. 276-280.
9. Sharov A. S. *O-limited person: significance, activity, reflection: Monograph*. Omsk: Omsk State Pedagogical University Publishing House, 2000. 358 p.
10. Novikov A. M., Novikov D. A. *Methodology of scientific research*. Moscow: Librocom, 2010. 280 p.

Научная статья

УДК [37.016:811.161.1]:81

© Л. Г. Юн, Л. В. Дубаков,
А. А. Дубакова

DOI: 10.24412/2225-8264-

10.24412/2225-8264-2025-
1-944

Ключевые слова: кино-фильм, преподавание русского языка как иностранного, этнопсихологические особенности, китайские учащиеся, неязыковая среда, «искусственно созданная языковая среда»

Keywords: film, teaching Russian as a foreign language, ethnopsychological features, Chinese students, non-linguistic environment, «artificially created language environment»

Юн Людмила Гиеновна
— кандидат педагогических наук, старший преподаватель Центра русского языка Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне (Китай, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1)
E-mail: lyun@mail.ru

Дубаков Леонид Викторович
— кандидат филологических наук, доцент Центра русского языка Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне (Китай, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1)
E-mail: dubakov_leonid@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1172-7435

Дубакова Анна Аркадьевна
— преподаватель
E-mail: dubakova_anna@mail.ru
ORCID: 0009-0006-3378-2805

Поступила в редакцию:
31.01.2025

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КИНОФИЛЬМОВ В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО КИТАЙСКИМ УЧАЩИМСЯ В УСЛОВИЯХ НЕЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ

Юн Л. Г.¹

Дубаков Л. В.²

Дубакова А. А.³

Аннотация. В данной статье авторский коллектив, опираясь на опыт преподавания в Китае, рассматривает лингводидактические возможности использования кинофильмов в аспекте преподавания русского языка как иностранного китайским учащимся в условиях неязыковой среды с учётом их этнопсихологических особенностей на основе этнометодики. В статье дано краткое описание обучения общему владению русским языком магистрантов филологов и нефилологов совместного российско-китайского Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне. Научная новизна данной статьи состоит в том, что в ней представлен комплекс упражнений, разработанный для формирования навыков и умений во всех видах речевой деятельности в рамках преподавания различных аспектов русского языка как иностранного (предметы «Практический русский язык», «Русское кино», «Сопоставительная лексикология в аспекте преподавания РКИ», «Газета. СМИ», «Экскурсоведение»). Также в представленной работе впервые даётся понятие «искусственно созданная языковая среда» в условиях неязыковой среды, эта искусственная среда оказалась возможной благодаря уникальному проекту Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне

LINGVODIDACTIC POSSIBILITIES OF USING FILMS IN THE ASPECT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TO CHINESE STUDENTS IN A NON- LINGUISTIC ENVIRONMENT

Lyudmila G. Yun

Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant professor of the Russian Language Center of the Shenzhen MSU-BIT University

Leonid V. Dubakov

Candidate of Philological Sciences (Ph.D. of Philology), Associate Professor of the Russian Language Center of the Shenzhen MSU-BIT University

Anna A. Dubakova

teacher

Abstract. In this article, the authors, based on their experience of teaching in China, consider the linguodidactic possibilities of using films in the context of teaching Russian as a foreign language to Chinese students in a non-linguistic environment, taking into account their ethnopsychological characteristics. The article provides a brief description of the training of general proficiency in Russian for master's students in philology and non-philology at the joint Russian-Chinese Shenzhen MSU-BIT University. The scientific novelty of this article is that it presents a set of exercises designed to develop skills and abilities in all types of speech activity within the framework of teaching various aspects of Russian as a foreign language (academic subjects «Practical Russian Language», «Russian Cinema», «Comparative Lexicology in the Aspect of Teaching Russian as a Foreign Language», «Newspaper. Media», «Excursion Guide»). Also, the presented work for the first time gives the concept of «artificially created language environment» in the conditions of a non-linguistic environment, this artificial environment became possible thanks to a unique project of the Shenzhen MSU-BIT University

Обучение русскому языку как иностранному в условиях неязыковой среды в Китае остается по-прежнему актуальной проблемой, несмотря на многочисленные методические разработки российских и китайских русистов. В данной статье авторский коллектив представляет опыт преподавания РКИ магистрантам-филологам и нефилологам 1 курса совместного российско-китайского Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне. В работе рассматриваются лингводидактические возможности использования кинофильмов в аспекте преподавания РКИ китайским учащимся в условиях неязыковой среды.

За последние двадцать лет многие русисты обращаются к вопросу об использовании кинофильмов в процессе преподавания РКИ. Это такие исследователи, как Е. Б. Фрайфельд (2006) [1], Ю. Г. Карпеченкова (2012) [2], Е. Ю. Николенко, О. Б. Иванова (2013) [3], Т. Б. Кашпирева (2015, 2017) [4]; Е. В. Федяева, В. В. Бесценная (2015) [5]; М. А. Березняцкая, О. А. Свешникова (2018) [6]; О. В. Хурмуз (2018) [7]; О. Л. Аброимова, Л. В. Воронова (2019) [8]; А. В. Денисенко, Л. П. Яркина, М. А. Березняцкая, Е. К. Аль-Афанди, Т. П. Понякина (2017) [9]; Е. И. Гринкевич, С. К. Буховец (2019) [10]; Н. В. Кабяк (2022) [11]; Ли Боюй (2023) [12], и др. Объект исследований перечисленных ученых — обучение иностранных учащихся общему владению русским языком, формирование лингвокультурологической компетенции посредством просмотра советских и российских фильмов.

Проект бакалаврской программы двойных дипломов МГУ им. М. В. Ломоносова и Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, а также магистерской программы одного диплома МГУ является уникальным в первую очередь по той причине, что предоставляет китайским учащимся возможность учиться в разных языковых средах: в условиях неязыковой среды в Китае и в условиях языковой среды в процессе включенного обучения в МГУ.

Как справедливо отмечает И. А. Орехова: «обучающий потенциал языковой среды во многом зависит от того, где проходит обучение иностранных учащихся — в языковой среде или вне системы функционирования изучаемого иностранного языка» [13, с. 96]. И. Орехова выделяет следующие разновидности языковой среды: «языковая среда страны — языковой метрополии, нетитульная языковая среда, языковая среда диаспоры, патриархальная языковая среда, лингводидактическая языковая среда. Последний классификант в отличие от предыдущих не является исторической данностью, он конструируется на ее базе с помощью методических приемов» [13, с. 96].

В представленной нами статье рассматривается неязыковая и лингводидактическая среда. Хотя языковую среду в Университете МГУ-ППИ в Шэньчжэне некорректно называть «неязыковой» в чистом виде, потому что в университете создан особенный «языковой климат», позволяющий китайским учащимся общаться с носителями русского языка, как преподавателями, так и студентами, в стенах университета не только во время учебного процесса, но и в повседневной жизни. В МГУ-ППИ 90 % обучения по программе двойных

дипломов МГУ и МГУ-ППИ на бакалавриате и одного диплома МГУ в магистратуре ведется на русском языке, в университете работает более 200 преподавателей, командированных МГУ, помимо этого, в каждой группе всех факультетов вместе с китайскими обучаются русские студенты, в общежитии они также нередко проживают вместе. Количество русских учащихся составляет порядка 30 % от общего количества. В столовых и магазинах все вывески — на китайском и русском языках, основная часть китайской администрации, включая секретарей, владеет русским языком. Таким образом, можно говорить об уникальной «искусственно созданной языковой среде» в условиях неязыковой среды, в которой живут и учатся китайские учащиеся на территории Китая.

В Университете МГУ-ППИ в Шэньчжэне существуют разные бакалаврские программы: двойных дипломов МГУ-ППИ и МГУ, англоязычные программы и китайские программы одного диплома МГУ-ППИ и русскоязычные магистерские программы одного диплома МГУ.

Все русскоязычные программы предполагают полугодовое включенное обучение в МГУ. Магистратура МГУ-ППИ с получением одного диплома МГУ открыта на семи факультетах: филологическом, экономическом, географическом, вычислительной математики и кибернетики, наук о материалах, управления, регионоведения России.

В программе по общему владению РКИ в магистратуре 1 курса для всех факультетов рекомендовано пособие «Университет. Ступень 1» под редакцией Л. В. Красильниковой, В. А. Марковой. Данное пособие адресовано иностранным студентам и магистрантам, владеющим русским языком в объеме первого сертификационного уровня, и является ступенью ко второму уровню ТРКИ [14]. Однако, к сожалению, в этом пособии нет аудио — и иллюстративного материала и наблюдается перегруженность лексико-грамматических заданиями, выполнение которых снижает мотивацию китайских учащихся.

Для повышения интереса китайских магистрантов к процессу изучения русского языка перед преподавателем-русистом стоит задача не только отбора учебного материала, но и обеспечения его разнообразия. Неоднократное анкетирование китайских учащихся показывает, что из всех видов искусства их наиболее привлекает кино и музыка.

Необходимо отметить, что интерес к русскому кино в Китае возник еще в 1970-е годы прошлого столетия. На китайском телевидении тогда демонстрировали в основном фильмы военной тематики: например, «Летят журавли» М. К. Калатозова, «А зори здесь тихие» С. И. Ростоцкого и др.

Сегодня на китайском веб-сайте «bilibili» [15] можно найти как советские, так и российские фильмы и сериалы, дублированные или с китайскими титрами. Среди них комедии режиссеров Э. А. Рязанова, Л. И. Гайдая, Г. Н. Данелии. Из российских фильмов особой популярностью пользуются остросюжетные фильмы, такие как: «Черная молния» А. С. Войтинского и Д. И. Киселева, «Экипаж» Н. И. Лебедева и др. На веб-сайте

«SubHD» [16] размещены разные иностранные, в том числе русские, фильмы с китайскими субтитрами. Авторами этих субтитров являются китайские любители русского и других иностранных языков.

В рамках преподавания РКИ российские фильмы стали появляться в учебных пособиях по аудированию уже в начале 2000 годов. Так, в различных пособиях по аудированию представлены фильмы «Курьер» К. Г. Шахназарова, «Ирония судьбы, или с легким паром» Э. А. Рязанова, «Осенний марафон» Г. Н. Данелии и др. [17; 18].

В 2010-е годы в программу отдельных китайских вузов на факультетах русского языка был введен предмет «Русское кино». Российскими русистами в сотрудничестве с китайскими коллегами написан ряд пособий по этому аспекту. В них в основном рассматриваются известные советские фильмы режиссеров Э. А. Рязанова, Л. И. Гайдая, С. Ф. Бондарчука, М. М. Козакова и других. Авторы пособий, как правило, ограничиваются кратким комплексом упражнений, представляющим вопросы к приведенным диалогам из разных эпизодов фильмов. Основное содержание этих пособий: история создания фильмов, краткая биография режиссеров, сценарий фильмов, разбитый на эпизоды. Только в одном пособии «Фильм! Фильм! Фильм!» Я. П. Полухиной [19] представлен комплекс с упражнениями по разным видам речевой деятельности. Однако выбор мультфильмов и фильмов, на наш взгляд, не соответствует интересам современного иностранного студента.

Вслед за Т. Б. Кашпиревой мы также считаем, что «фильмы советского периода не несут в себе той лингвокультурологической и лингвострановедческой информации, которая необходима для формирования лингвокультурологической компетенции на современном этапе обучения РКИ» за исключением исторических фильмов и фильмов о ВОВ [4].

Анализ советских фильмов в современном учебном процессе может формировать «неверные стереотипы» у китайских учащихся о реальной российской действительности [20].

В рамках проекта МГУ-ППИ, предполагающего включенное обучение китайских учащихся в языковой среде и обучение китайскому языку русских учащихся в Китае, помимо лингвокультурологической коммуникации важно формировать у китайских и русских учащихся способности к межкультурной коммуникации. Под межкультурной коммуникацией мы вслед за С. Г. Тер-Минасовой понимаем «общение людей, представляющих разные культуры». Перед русскими и китайскими преподавателями стоит задача воспитания «терпимости» к русской и китайской культурам, «пробуждение интереса и уважения к ним» [21, с. 6].

Не раз проведенное на занятиях РКИ в Университете МГУ-ППИ в Шэньчжэне анкетирование китайских студентов показало, что им интереснее и понятнее воспринимать иностранную культуру через призму своей культуры или с помощью сравнительного лингвокультурологического анализа русской и китайской культур.

В качестве материала для работы были взяты фильмы А. С. Войтинского и Д. И. Киселева «Черная мол-

ния» (2009), «По пути» Д. Лебедевой (2015) и «Ненормальный» И. А. Маланина (2024). Эти кинокартины, помимо того, что они однозначно современные и ориентированы на молодежную аудиторию, также обладают безусловным художественным качеством. Кроме того, каждая из них позволяет выстроить работу как по фильму целиком, так и на основе отдельных фрагментов, которые содержат большое количество аутентичной языковой и культурной информации.

Все три указанных картины по своей проблематике оказываются понятны китайским студентам: в частности, учащиеся с пониманием и сочувствием отзываются на проблемы межличностных отношений молодых людей и на проблемы в семейных отношениях, на проблемы конфликта поколений и конфликта культур. Фильм «Ненормальный», созданный российскими и китайскими кинематографистами, занимает особое место в этом ряду: он позволяет китайским студентам посмотреть на свою культуру глазами русских, касается вопросов межкультурной коммуникации — между русскими и китайцами, позволяет учащимся из Китая развить умения, связанные с необходимостью рассказывания о своей собственной культуре на русском языке.

Помимо этого, работа над выбранными фильмами открывает выход на разговорные темы: «Внешность и характер человека», «Русская кухня», «Китайская кухня», «Русские песни», «В ресторане», «В театре», «На экскурсии», «Конфликт поколений. Взаимоотношения между родителями и детьми», «Гендерные отношения. Любовный треугольник», «Тема города» и др., что, несомненно, помогает подготовить китайских магистрантов к включенному обучению в МГУ.

Должны отметить, что в отборе фильмов большую помощь оказывают русские коллеги Даляньского университета иностранных языков, которые с 2018 года совместно с китайскими студентами ведут проект «Беседы о кино», предоставляя в группе «Преподаватели РКИ» китайской социальной сети WeChat подробную информацию о фильмах как советского, так и современного российского кино [22].

По примеру коллег Центром русского языка МГУ-ППИ был создан киноклуб, в котором китайские и русские студенты и магистранты обсуждают российские мультфильмы и кинофильмы.

Целью данной статьи являются методические рекомендации по формулировке заданий при работе над фильмами. Концепцией комплекса упражнений является взаимосвязанное обучение всем видам речевой деятельности с учетом этнопсихологических особенностей китайских учащихся, а именно традиционных и новых учебных стратегий, которые они используют при изучении РКИ.

Проведенные ранее исследования выявили, что китайские учащиеся являются аудиалами и визуалами, которые используют при изучении иностранного языка следующие традиционные учебные стратегии:

- 1) многократное произнесение (индивидуально и хором), чтение и написание новых слов (не менее 5 раз);
- 2) опора на визуальное представление слова;

- 3) многократное чтение текста любой сложности;
- 4) использование двуязычного словаря;
- 5) понимание аудиотекста с опорой на его скрипт;
- 6) выполнение упражнений при наличии ключей.

В процессе обучения также были выработаны новые когнитивные стратегии, которые китайские учащиеся активно используют при изучении русского языка:

1) изучение лексики по общему владению РКИ благодаря многократному прослушиванию русско-китайского словаря в WeChat или в аудиозаписи;

2) запоминание названий достопримечательностей, блюд русской кухни, предметов быта и т.п. через визуальное восприятие новой лексики, просмотра фотографий, видео;

3) запись диалогов в парах в социально-бытовой сфере общения для отработки разговорных тем;

4) изучение русского языка через песни и стихи, когда у китайских учащихся благодаря заучиванию русских песен и стихов происходит формирование слухопроизводительных, грамматических и лексических навыков;

5) выполнение творческих заданий, которые развивают интеллектуальный, языковой и эмоциональный потенциал китайских учащихся, активизируют в них творческое начало, мотивируют к изучению русского языка.

При разработке комплекса упражнений для работы над кинофильмами с китайскими учащимися необходимо учитывать все перечисленные стратегии, что соотносится также и с положениями этнометодики [23].

Отметим, что приведенные ниже задания не являются исчерпывающим их перечнем, это лишь возможные варианты педагогической работы. Каждый преподаватель, исходя из поставленных перед ним задач и конкретной учебной ситуации, может придумать свой набор заданий, направленных на развитие различных видов речевой деятельности.

Фонетические задания на отработку интонационных конструкций, ритмики и произношения:

1. Слушайте диалог героев фильма, следите за произношением, ставьте ударение в словах, отмечайте знаки препинания: вопрос, восклицательный знак. Проверьте себя по ключу.

2. Определите в диалоге реплики, соответствующие интонации с выражением восторга, интриги, хвастовства, недоумения, неудовлетворенности фактом, сомнения и т.д. Проверьте себя по ключу.

3. Слушайте диалог героев фильма, пишите слова со звуками [р], [л]. Проверьте себя по ключу.

4. Выразительно прочитайте диалог героев фильма. Запишите диалог на диктофон, прослушайте его и сравните с оригинальным произношением героев фильма.

Лексико-грамматические задания:

1. Прочитайте диалоги, составьте словарь незнакомых слов.

2. Объясните значение слов и выражений.

3. Соедините слова с синонимическим значением.

4. Найдите в интернете иллюстрации к новым словам-названиям достопримечательностей Новосибирска/Москвы/Шанхая, запомните их.

5. Посмотрите фотографии блюд русской кухни, подпишите названия к ним.

6. Прочитайте диалог героев фильма, выпишите придаточные предложения со словом «который». Замените его на конструкции с причастным оборотом.

7. Проспрягайте глаголы.

8. Образуйте от глаголов причастия и деепричастия, составьте с ними предложения.

Примечание: лексико-грамматические задания могут быть разработаны в зависимости от грамматических тем, включенных в программу по ОВ РКИ.

Задания по чтению:

1. Прочитайте тексты о Сибири/ Шанхае/Москве, ответьте на вопросы.

2. Найдите в тексте, верны ли утверждения.

3. Прочитайте диалоги, ответьте на вопросы.

4. Прочитайте диалоги, составьте вопросы к ним.

5. Прочитайте диалоги, ответьте на вопросы, выберите правильный вариант ответа.

Задания по аудированию:

1. Посмотрите фрагмент фильма. Ответьте на вопросы, выберите правильный вариант ответа

2. Запишите новые слова с переводом на китайский язык на диктофон, слушайте запись и запоминайте слова.

3. Посмотрите фрагмент фильма. Вставьте в текст диалога пропущенные слова и выражения.

4. Посмотрите эпизод фильма. Распределите действия героев.

5. Посмотрите диалог фильма. Определите, кому из героев принадлежат следующие реплики.

Задания по говорению:

1. Под рубрикой «Давайте поговорим» можно задать вопросы по лингвострановедческому анализу. Например, при работе над фильмом «По пути»: «Что называется Сибирью? Вы были в Сибири? Какие ассоциации у вас возникают с этим словом? Как вы думаете, чем можно заняться в путешествии по Сибири?»

2. Посмотрите фрагмент фильма, опишите портрет и характер героев, выскажите предположение, чем они занимаются в жизни, какая у них была жизнь прежде?

3. После просмотра понравившегося фильма посоветуйте другу/подруге обязательно посмотреть его. Придумайте и приведите аргументы: например, интересный сюжет, талантливая игра актеров, и т.п.

4. После просмотра не понравившегося фильма посоветуйте другу/подруге не смотреть его. Придумайте и приведите веские аргументы: неинтересный сюжет, непрофессиональная игра актеров, и т.п.

5. Ответьте на вопрос, сформулировав ответ на китайском языке. Сделайте перевод с помощью переводчика. Пришлите письменный ответ в общий чат WeChat. Зачитайте ответ. Выучите новые слова и выражения, используемые в ответе. Такой метод дает возможность «неговорящим» китайским учащимся высказать свою точку зрения.

Задания по письму:

1. Напишите пост к просмотренному фильму на кинофоруме.

2. Напишите рецензию на просмотренный фильм.

3. После просмотра фильма напишите сочинение

на тему «Конфликт поколений»/ «Проблемы молодежи в России и в Китае»/ «Взаимоотношения между мужчиной и женщиной». В качестве аргументов приведите примеры из фильмов «Черная молния», «Ненормальный», «По пути».

Отдельным блоком стоит тема анализа и изучения песен из кинофильмов и творческие задания, которые можно давать студентам и магистрантам-филологам в рамках разных аспектов РКИ: «Практический русский язык», «Русское кино», «Сопоставительная лексикология», «Экскурсоведение», «Газета. СМИ» и др.

Творческие задания:

1. После неоднократного просмотра запишите текст сценария фильма/отдельного эпизода. Сделайте его перевод, подготовьте и вставьте титры на русском и китайском языках.

2. Составьте презентацию и расскажите о своем любимом жанре кино, любимом фильме, режиссере, актере.

3. Прочитайте и переведите диалоги в эпизодах. Озвучьте героев, читая с выражением их реплики на китайском, а после на русском языке. Постарайтесь передать эмоциональное состояние героев.

4. Представьте себе, что вы режиссер просмотренного фильма. Какой финал фильма вы бы предложили? Что бы вы изменили в сюжете и героях фильма?

5. Подготовьте пресс-конференцию с режиссером понравившегося фильма. Придумайте вопросы и ответы.

6. Выберите понравившегося героя фильма. Представьте себе, что вы журналист. Составьте перечень вопросов для интервью с актером, исполнившим эту роль?

7. Сделайте сравнительный русско-китайский лексикологический анализ слов и выражений молодежно-

го сленга, встречающегося в фильме «Черная молния» и в китайском языке (китайском фильме, где есть аналогичные по смыслу сленговые слова и выражения).

8. Посмотрев фильм «Ненормальный», составьте текст обзорной экскурсии по Шанхаю или своему родному городу. Представьте, что вы гид-переводчик. Проведите экскурсию на русском языке для русскоязычной делегации.

Подобные творческие задания позволяют преподавателю и студентам/магистрантам выйти за рамки традиционного анализа кинофильма, помогают вывести китайских учащихся в активную речь, мотивируя их на развитие творческого потенциала.

В данной статье были рассмотрены лингводидактические возможности использования кинофильмов в аспекте преподавания русского языка как иностранного китайским учащимся в условиях неязыковой, точнее, в условиях «искусственно созданной языковой», среды с учетом их этнопсихологических особенностей. Предложенные в статье задания, учитывающие обучение всем видам речевой деятельности, были включены в комплекс упражнений для работы над художественными фильмами и апробированы на занятиях по РКИ с китайскими студентами и магистрантами в Центре русского языка Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне. Эти задания могут быть задействованы на таких дисциплинах, как «Практический русский язык», «Русское кино», «Сопоставительная лексикология в аспекте преподавания РКИ», «Газета. СМИ», «Экскурсоведение» и др. По итогам описанной работы, можно зафиксировать, что в результате примененной этнометодики у китайских учащихся повышается внутренняя и внешняя мотивация изучения русского языка, формируются лингвокультурологическая и межкультурная компетенции.

Список источников

1. Фрайфельд Е. Б. Художественный фильм как средство профессионально-личностного развития студентов при изучении иностранного языка в высшей школе: автореферат дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2006. 24 с.
2. Карпеченкова Ю. Г. Обучение крылатым выражениям русского языка студентов-иностранцев: на материале отечественного кино: дисс. ... канд. пед. наук. СПб, 2012. 247 с.
3. Николенко Е. Ю., Иванова О. В. Система работы с художественным фильмом на уроках РКИ // Русский язык за рубежом. 2013. Т. 4. № 239. С. 43–52.
4. Кашпирева Т. Б. Поговорим «Про любовь»: формирование лингвокультурной компетенции учащихся, изучающих русский язык как иностранный // Мир русского слова. 2017. № 3. С. 106–111.
5. Федяева Е. В., Бесценная В. В. Использование видеоматериалов на занятиях по русскому языку как иностранному (на примере фрагментов сериала «Кадетство») // Инновационное образование и экономика. 2015. Т. 1. № 19 (19). С. 27–29.
6. Березняцкая М. А., Свешникова О. А. Современное российское кино на уроках РКИ // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: Сборник материалов V Международной научно-методической конференции, Воронеж, 25–27 января 2018 года. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2018. С. 18–24.
7. Хурмуз О. В. Методическая модель использования художественных фильмов при обучении русскому языку как иностранному: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2018. 22 с.
8. Абросимова О. Л., Воронова Л. В. Лингвокультурологический потенциал русских художественных фильмов в практике преподавания РКИ // Мир русского слова. 2019. №3. С. 51–55.
9. Денисенко А. В., Яркина Л. П., Березняцкая М. А., Аль-Афанди Е. К., Понякина Т. П. Смотрим современное российское кино: учебно-методическое пособие по работе над художественным фильмом на занятиях по русскому языку для студентов-иностранцев. М.: РУДН, 2017. 69 с.

10. Гринкевич Е. И., Буховец С. К. Работаем по фильмам на уроках РКИ: учебно-методическое пособие. Минск: БГМУ, 2019. 111 с.
11. Кабьяк Н. В. Любимые советские фильмы на уроке РКИ: учебное пособие / Науч. ред. Л. Л. Андреева. М.: Флинта, 2022. 392 с.
12. Ли Боюй. Формирование лингвокультурологической компетенции при обучении китайских студентов-филологов русскому языку как иностранному на основе художественного фильма: дис. ... канд. пед. наук. СПб, 2023. 156 с.
13. Орехова И. А. Обучающий потенциал русской языковой среды в формировании лингвокультурологической компетенции иностранных учащихся: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2004. 341 с.
14. Красильникова Л. В., Маркова В. А., Балдина Е. В. [и др.] Университет: учебник русского языка для иностранных студентов-филологов: первый год обучения: [русский язык как иностранный] / Под ред. Л. В. Красильникова, В. А. Маркова. М.: МАКС Пресс, 2018. 347 с.
15. bilibili: сайт. URL: <https://www.bilibili.com/> (дата обращения: 31.01.2025).
16. SubHD; сайт. URL: <https://subhd.tv/search/黑色闪电> (дата обращения: 31.01.2025).
- 17.17. 崔卫, 金华等. 俄语中级视听说教程教师用书. 北京: 外语教学与研究出版社, 2014. [Cui Wei, Jin Hua et al. Russian visual-audio-speaking tutorial. Intermediate level. Teacher's book. Beijing, Foreign Language Teaching and Research Press, 2014.]
18. 朱玉富, 波鲁希娜. 影视俄语视听教程. 北京: 北京大学出版社, 2013 [Zhu Yufu, Polukhina Ya. P. Russian audio-visual tutorial for film and television. Beijing, Beijing University Press, 2013.]
19. Полухина Я. П., Тумакова Е. В., Драчева С. О. Фильм! Фильм! Фильм!: учебное пособие. Министерство образования и науки Российской Федерации, Департамент образования и науки Тюменской области, Тюменский государственный университет. Екатеринбург: Баско, 2017. 113 с.
20. Орехова И. А., Мартынова М. А., Юн Л. Г. К вопросу о новых возможностях сближения языковой и неязыковой среды в современном образовательном пространстве // Русский язык за рубежом. 2023. № 6(301). С. 8–15.
21. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие для студентов и аспирантов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 3-е изд. М.: Изд-во Московского ун-та, 2008. 350 с.
22. Проект «Беседы о кино», посвященный российскому кинематографу, продолжается в Даляне // Информационный портал фонда «Русский мир». URL: https://russkiymir.ru/news/319643/?sphrase_id=1571367 (дата обращения: 31.01.2025).
23. Юн Л. Г. Модель взаимосвязанного формирования сокомпетенции у китайских учащихся инженерного профиля в условиях неязыковой среды: совместные программы вузов Китая и России: дис. ... канд. пед. наук. М., 2023. 226 с.

References

1. Freifeld E. B. Feature film as a means of professional and personal development of students in studying a foreign language in higher education: abstract of the dissertation of a candidate of pedagogical sciences. Nizhny Novgorod, 2006. 24 p.
2. Karpechenkova Yu. G. Teaching Russian language catchphrases to foreign students: based on Russian cinema: dissertation of a candidate of pedagogical sciences. St. Petersburg, 2012. 247 p.
3. Nikolenko E. Yu., Ivanova O. V. System of working with feature film in Russian as a foreign language lessons. *Russkij yazyk za rubezhom = Russian language abroad*. 2013. Vol. 4; 239: 43–52. (In Russ.).
4. Kashpireva T. B. Let's talk «About love»: formation of linguocultural competence of students studying Russian as a foreign language. *Mir russkogo slova = The World of the Russian Word*. 2017; 3: 106–111. (In Russ.).
5. Fedyayeva E. V., Bessennaya V. V. Using video materials in Russian as a foreign language classes (based on fragments of the TV series «Kadetstvo»). *Innovacionnoe obrazovanie i ekonomika = Innovative education and economics*. 2015. Vol. 1; 19 (19): 27–29. (In Russ.).
6. Bereznyskaya M. A., Sveshnikova O. A. Contemporary Russian cinema in Russian as a foreign language lessons. Problems of teaching philological disciplines to foreign students: Collection of materials from the V International scientific and methodological conference, Voronezh, January 25–27, 2018. Voronezh: Publishing and printing center «Scientific book», 2018. P. 18–24.
7. Khurmuz O. V. Methodological model of using feature films in teaching Russian as a foreign language: abstract of the dissertation of a candidate of pedagogical sciences. Moscow, 2018. 22 p.
8. Abrosimova O. L., Voronova L. V. Linguocultural potential of Russian feature films in the practice of teaching Russian as a foreign language // *Mir russkogo slova = The World of the Russian Word*. 2019; 3: 51–55. (In Russ.).
9. Denisenko A. V., Yarkina L. P., Bereznyskaya M. A., Al-Afandi E. K., Ponyakina T. P. Watching contemporary Russian cinema: a teaching aid for working on a feature film in Russian language classes for foreign students. Moscow: RUDN Publ., 2017. 69 p.
10. Grinkevich E. I., Bukhovets S. K. Working with films in Russian as a foreign language lessons: a teaching aid. Minsk: BSMU Publ., 2019. 111 p.

11. Kabyak N. V. Favorite Soviet films in the RKI lesson: a tutorial. Scientific ed. L. L. Andreeva. Moscow: Flinta Publ., 2022. 392 p.
12. Li Boyu. Formation of linguacultural competence in teaching Chinese students-philologists Russian as a foreign language based on a feature film: dissertation of a candidate of pedagogical sciences. St. Petersburg, 2023. 156 p.
13. Orekhova I. A. Educational potential of the Russian language environment in the formation of linguacultural competence of foreign students: dissertation of Doctor of Pedagogical Sciences. Moscow, 2004. 341 p.
14. University: Russian language textbook for foreign students studying philology: first year of study: [Russian as a foreign language]. L. V. Krasilnikova, V. A. Markova, E. V. Baldina [et al.]; scientific editors L. V. Krasilnikova, V. A. Markova]; Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology. Step 1. Moscow: MAKSS Press, 2018. 347 p.
15. bilibili: website. URL: <https://www.bilibili.com/> (accessed: 31.01.2025). (In Chinese).
16. SubHD; website. URL: <https://subhd.tv/search/黑色闪电> (accessed: 31.01.2025). (In Chinese).
17. 崔卫, 金华等. 俄语中级视听听说教程教师用书. 北京: 外语教学与研究出版社, 2014. [Cui Wei, Jin Hua et al. Russian visual-audio-speaking tutorial. Intermediate level. Teacher's book. Beijing, Foreign Language Teaching and Research Press, 2014.] (In Chinese).
18. 朱玉富, 波鲁希娜. 影视俄语视听教程. English: Japanese-language professional textbook, 2013. [Zhu Yufu, Polukhina Ya. P. Russian audio-visual tutorial for film and television. Beijing, Peking University Press, 2013.] (In Chinese).
19. Polukhina Ya. P., Tumakova E. V., Dracheva S. O. Film! Film! Film!: a tutorial. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Department of Education and Science of the Tyumen Region, Tyumen State University. Yekaterinburg: Basko Publ., 2017. 113 p.
20. Orekhova I. A., Martynova M. A., Yun L. G. On the issue of new opportunities for bringing together the linguistic and non-linguistic environments in the modern educational space // *Russkij yazyk za rubezhom = Russian language abroad*. 2023; 6 (301): 8–15. (In Russ).
21. Ter-Minasova S. G. Language and Intercultural Communication: a textbook for undergraduate and graduate students of higher education institutions studying in the specialty «Linguistics and Intercultural Communication». 3rd ed. Moscow: Moscow University Publishing House, 2008. 350 p.
22. The «Conversations about Cinema» project dedicated to Russian cinematography continues in Dalian. Information portal of the «Russian World» Foundation. URL: https://russkiymir.ru/news/319643/?sphrase_id=1571367 (accessed: 31.01.2025).
23. Yun L. G. A model of interconnected formation of co-competence in Chinese students of engineering profile in a non-linguistic environment: joint programs of universities of China and Russia: dissertation of a candidate of pedagogical sciences. Moscow, 2023. 226 p.

Раздел II. РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА (ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 331.57 © И. В. Вирина

DOI: 10.24412/2225-8264-10.24412/2225-8264-2025-1-950

Ключевые слова: безработица, рынок труда, молодежь, рынок труда Китая, занятость молодежи, циклическая безработица, рабочая сила, экономический спад

Keywords: unemployment, labor market, youth, Chinese labor market, youth employment, cyclical unemployment, labor force, economic recession

БЕЗРАБОТИЦА МОЛОДЕЖИ НА РЫНКЕ ТРУДА КИТАЯ

Вирина И. В.¹

Аннотация. В статье рассмотрены особенности занятости и безработицы молодежи в Китае на современном этапе развития. Целью статьи является проведение анализа современного состояния рынка труда молодежи Китая. В исследовании использовался теоретический анализ научной отечественной и зарубежной литературы, статистических данных, сравнение, синтез, обобщение. Автором статьи сделаны выводы о том, что для безработицы среди молодежи в Китае характерен циклический характер, обусловленный сокращением численности занятых во всех отраслях экономики в условиях наблюдающегося экономического спада страны; для сокращения численности безработных среди молодежи необходимо привлекать дополнительные инвестиции с целью расширения рабочих мест и создания условий для сокращения предложения рабочей силы; в рамках международного сотрудничества с Россией необходимо расширение программ профессиональных и учебных стажировок студентов из Китая с возможностью последующего трудоустройства, что позволит частично решить проблему кадрового дефицита в России, а в Китае сократить излишки рабочей силы; учитывая циклический характер развития национальных экономик, прогнозирование ситуации сокращения рабочей силы в возрасте от 16 до 24 лет на ближайшие несколько лет. Результаты исследования имеют практическую значимость и могут быть использованы в национальных программах социально-экономического и регионального развития.

¹Вирина Ирина Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики городского хозяйства и сферы обслуживания, Московский университет им. С. Ю. Витте (Россия, г. Москва 2-й Кожуховский пр-д, 12, стр.1)
E-mail: virina_iv@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-3698-290X

YOUTH UNEMPLOYMENT IN CHINA'S LABOUR MARKET

Irina V. Virina

Candidate of economic sciences, Associate Professor, Moscow Witte University

Abstract. The article considers the peculiarities of youth employment and unemployment in China at the present stage of development. The purpose of the article is to analyze the current state of the youth labor market in China. The study used theoretical analysis of domestic and foreign scientific literature, statistical data, comparison, synthesis, and generalization. The author of the article concludes that youth unemployment in China is characterized by a cyclical nature due to a reduction in the number of employed in all sectors of the economy in the context of the observed economic downturn in the country; in order to reduce the number of unemployed among young people, it is necessary to attract additional investments in order to expand jobs and create conditions for reducing the labor supply; within the framework of international cooperation with Russia, it is necessary to expand the programs of professional and educational internships for students from China with the possibility of subsequent employment, which will partially solve the problem of personnel shortages in Russia, and reduce the surplus labor in China; given the cyclical nature of the development of national economies, forecasting the situation of labor force reduction aged 16 to 24 years for the next few years. The results of the study are of practical significance and can be used in national programs of socio-economic and regional development.

Поступила в редакцию:
6.02.2025

ВВЕДЕНИЕ

В Китае резко возросла безработица среди молодежи на фоне замедления экономики. Китайская экономика на протяжении десятилетий была одной из самых быстрорастущих, но период быстрого роста сейчас завершается.

Неэффективные инвестиции и массовый дефолт компаний на рынке жилья также оказывают существенное давление на рост безработицы в стране.

С другой стороны, быстрое старение населения и сокращение рабочей силы будут определять будущий рынок труда в долгосрочной перспективе. Так, в сентябре 2024 года китайское правительство впервые за десятилетия повысило пенсионный возраст, даже несмотря на то, что эта мера крайне непопулярна, и вызывает дополнительный приток рабочей силы в экономику, характеризующуюся и так крайне высоким уровнем безработицы среди молодежи. Ученые подчеркивают, что «ситуацию острой конкуренции и нацеленности работодателей на отбор наилучших соискателей усугубляет тот факт, что для молодых китайцев, проживающих в маленьких городах или деревнях, социально неприемлемо возвращение на малую родину после обучения в крупном городе. Таким образом, рост конкуренции за счет внутренней миграции — общая проблема для Китая и России» [1].

Поэтому в рамках данной статьи поставлена задача проведение анализа современного состояния рынка труда молодежи Китая и разработка практических предложений по регулированию этой ситуации в рамках международного сотрудничества.

Методика исследования

В ходе проведения исследования применялись самые различные методы изучения и обобщения: теоретический анализ научной литературы, сравнительный анализ, синтез, системный анализ. Объектом исследования выступает молодежь Китая в возрасте от 16 до 24 лет. Предмет исследования — причины и динамика безработицы на рынке труда Китая среди молодежи.

Информационной базой исследования являются официальные данные журнала «The Economist», глобальной платформы для сбора данных и бизнес-аналитики «Statista», Национального Бюро Статистики Китая.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одной из главной причиной «проблем занятости молодежи в Китае являются опережающие темпы роста предложения рабочей силы со сравнительно низким количеством созданных новых рабочих мест, что приводит к углублению существующего дисбаланса и, как следствие, выталкиванию избыточной рабочей силы за пределы китайского рынка труда, создавая в будущем потенциальную угрозу экономической безопасности государства [2].

Китайский ученый Чжуаньсунь Ц. видит основные проблемы, связанные с неэффективным функционированием рынка труда и перераспределением продуктов труда в: «существование региональной сегментации и дифференциации на рынке труда: разрыв в доходах от заработной платы между городскими и сельскими работниками превышает 4 раза; определенная социальная дискриминация в отношении самозанятых, особенно тех, кто имеет сельскую регистрацию домохозяйств, которые не пользуются теми же правами, что и наемные работники, в плане доступа к городской регистрации домохозяйств, что влияет на их предпринимательскую стабильность; разрыв в уровне оплаты труда работников государственных и частных компаний» [3].

При анализе общей численности безработных в городах Китая, можно прийти к выводу, что ее уровень соответствует естественному и составляет около 5% (рис.1). В 2023 году численность рабочей силы в Китае составляла около 772,2 млн. человек. В последние годы наблюдается общая тенденция к сокращению численности рабочей силы в Китае. Поскольку и численность населения в трудоспособном возрасте, и доля населения, участвующего в рынке труда, снижаются, эта тенденция, скорее всего, сохранится в обозримом будущем. Одной из причин сокращения рабочей силы является китайская политика одного ребенка, которая действовала почти 40 лет, пока не была отменена в 2016 году. Эта противоречивая политика была призвана повысить уровень жизни населения и оптимизировать распределение ресурсов за счет контроля численности растущего населения Китая. Тем не менее, эта политика также привела к негативным последствиям для рынка труда, пенсионной системы и других социальных аспектов. Сегодня Китай становится стареющим обществом.

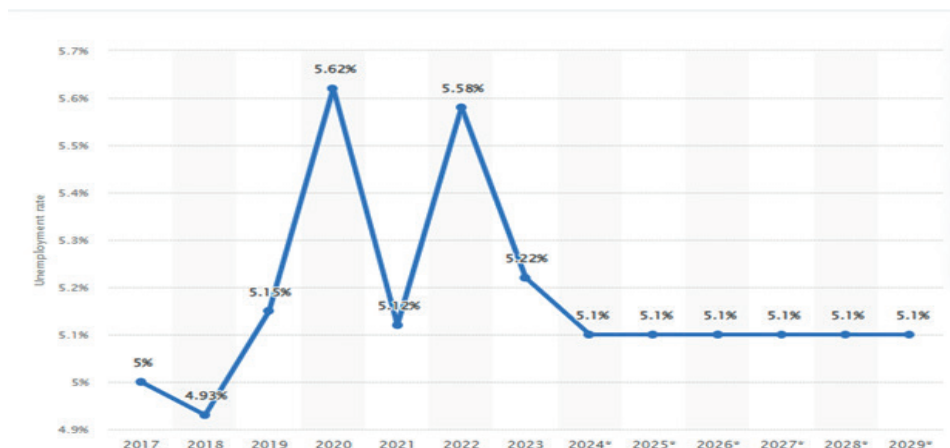
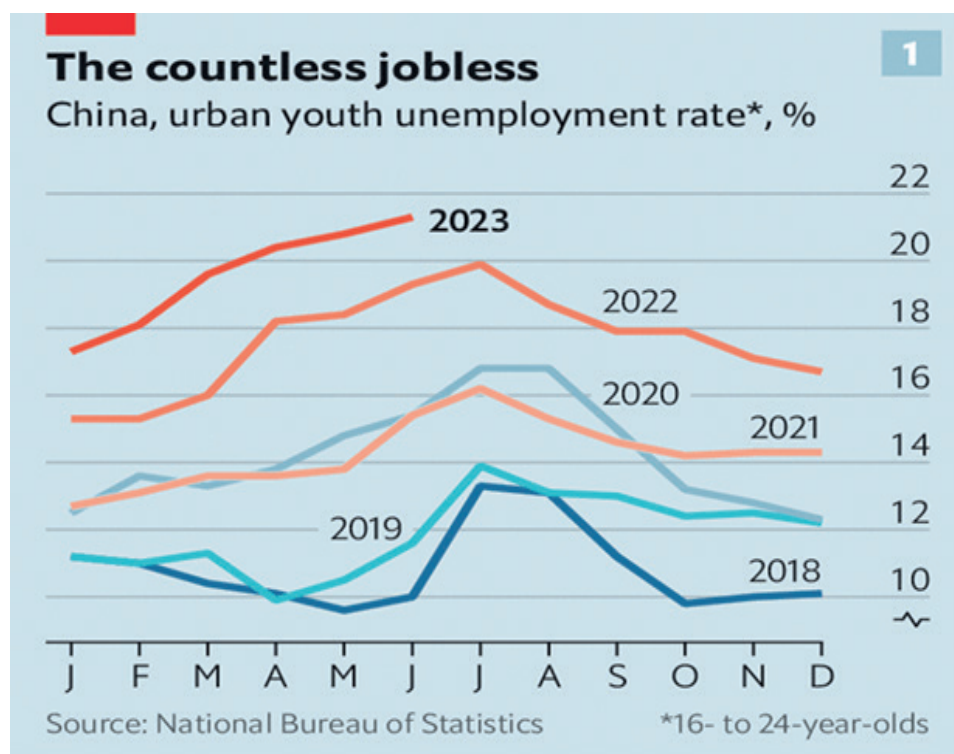

Рис. 1. Динамика уровня безработицы в городах КНР с 2017 по 2023 год с прогнозами до 2029 года [4]

На сегодняшний день, численность рабочей силы Китая, в возрасте от 15 до 64 лет, уже достигла пика несколько лет назад и, как ожидается, будет стремительно сокращаться начиная с 2030 года. Это означает, что через несколько лет вклад труда в ВВП начнет быть отрицательным, что объясняет один из важных факторов, обуславливающих снижение долгосрочного роста страны.

Но даже несмотря на эти неблагоприятные демографические тенденции, молодые люди в настоящее время не получают выгоду от этого. Напротив, безработица среди молодежи недавно резко возросла из-за экономического спада и сейчас составляет чуть менее 22% (рис.2).

Рис. 2. Динамика безработицы среди молодежи (16-24 года) в КНР [5]

The Economist

Перспективы трудоустройства выпускников ухудшились. Так, впервые за десятилетия, китайские специалисты считают, что молодое поколение может быть не так обеспечено, как люди, которые работают сейчас.

Кроме того, в июне 2023 года уровень безработицы среди молодежи достиг почти рекордной отметки в 21,3%, что заставило Китайское Правительство приостановить публикацию статистических данных, пока не будут внесены соответствующие изменения. Так, Национальное бюро статистики Китая решило изменить методологию подсчета безработных в этой возрастной категории и не учитывать студентов с декабря 2023 года.

Ряд российских ученых при анализе динамики безработицы молодежи в Китае выделяют «ужесточение требований со стороны работодателей, отсутствие опыта работы, нежелание некоторых молодых людей работать, а также статистический вопрос оценки числа безработных в сельской местности. При этом наибольшими шансами на трудоустройство обладает со-

искатель, имеющий высшее образование, желательно в востребованной сфере, обладающий связями и рекомендациями, имеющий опыт работы, готовый к повышению своих квалификаций и при всем этом его успеваемость должна быть на высоком уровне» [6].

Однако, проводимые исследования подтверждают, что и «выпускники также сталкиваются с рядом проблем при поиске работы. Наиболее распространенные из них: ограниченное количество рабочих мест, отсутствие опыта, учебных материалов, низкая заработная плата, высокая конкуренция» [7].

Кроме того, высокий уровень безработицы среди молодежи в КНР связан с отсутствием опыта работы, невозможностью совмещать трудовую занятость и уче-

бу в системе высшего образования, выбор гуманитарных и управленческих сфер, в то время как экономика страны зависит от высоких объемов производства и нуждается в технических и инженерных специальностях, а «перспектива старения рабочей силы из-за уменьшения пропорциональности трудовой занятости среди представителей различных возрастных групп, что в будущем окажет давление на Китай, если политика занятости молодежи будет неэффективна» [8].

Конкуренция за рабочие места на государственной службе в Китае достигла исторического максимума, поскольку миллионы выпускников ищут стабильную работу на рынке труда. Рекордное число выпускников в Китае сталкиваются с проблемами спроса на рынке труда, увольнений и сокращений заработной платы, распространившихся даже на государственный сектор. На каждое рабочее место на государственной службе, сегодня претендует в среднем 65 человек. До 2020 года экзамены на государственную гражданскую службу ежегодно сдавали около миллиона человек, согласно данным, полученным из открытых источников, а в 2024

году число экзаменуемых увеличилось более чем в два раза по сравнению с четырьмя предыдущими годами.

Ученые полагают, что «китайская молодежь, не имеющая возможности реализовать потребность в получении образования второй ступени дома, едет за рубеж, так как только высокий уровень образования гарантирует им трудоустройство и социальный статус в своей стране» [9]. Для западных компаний, которые все еще активно нанимают сотрудников в Китае, это означает, что трудности с набором персонала на данный момент практически отсутствуют. В условиях текущего спада спроса на рынке труда вакансии закрываются быстро, поскольку набор персонала в целом находится в упадке.

Таким образом, для решения проблемы высокой численности безработных среди молодежи, нами предлагается, в рамках международного сотрудничества с Россией, расширение программ профессиональных и учебных стажировок студентов из Китая с возможностью последующего трудоустройства, что позволило бы частично решить проблему кадрового дефицита в России, а в Китае сократить излишки рабочей силы.

Кроме того, начиная с 2025 года в Китае вступает в силу решение Правительства, которое позволяет предпринятиям, полностью принадлежащим иностранцам, создавать коммерческие учебные заведения по профессиональному обучению в Пекине. Этот сдвиг открывает сектор профессионального обучения для международного опыта и инвестиций.

С целью улучшения структурного соответствия между рабочими местами и профессиональными компетенциями молодых специалистов, необходимо проведение точного прогнозирования потребностей отраслей экономики Китая. Кроме этого, выпускники вузов должны развивать и широкий набор междисциплинарных компетенций, чтобы соответствовать меняющимся требованиям общества: финансовую грамотность, предпринимательство, компьютерную и цифровую грамотность, знание иностранных языков и международное мышление, которые востребованы рынком. Однако, обеспечение выпускников профессиональным обучением в областях, которые востребованы современной экономикой страны, будет недостаточным для снижения показателей безработицы.

Другая проблема заключается в том, что работодатели часто просто не хотят нанимать молодых специалистов, предпочитая нанимать более опытных работников. В этой связи, чтобы помочь студентам получить более практико-ориентированные знания, университетам необходимо интегрировать стажировки и практические занятия в свои образовательные программы.

Не менее важным шагом по увеличению занятости и снижению безработицы в Китае, может стать определение Правительством приоритетности развития тех проектов, которые демонстрируют значительный потенциал создания рабочих мест при оценке заявок на программы освоения земель.

Следует подчеркнуть, что, учитывая современные демографические проблемы Китая, стратегия планирования рабочей силы в долгосрочной перспективе будет иметь решающее значение для будущего успеха страны. Как только циклический спад в Китае закончится, нехватка рабочей силы обязательно возникнет снова.

Даже сейчас, когда Россия и другие страны находятся в эпохе глобальной нехватки рабочей силы, они по-прежнему могут оказаться в серьезных циклических изменениях и ухудшениях условий на рынке труда, что приведет к снижению спроса на рабочую силу и росту безработицы.

Выводы

За последние десятилетия Китай добился значительного улучшения уровня жизни. Но есть много причин полагать, что в ближайшие годы темпы роста Китая станут значительно ниже. Экономические проблемы страны также показывают, что быстро стареющая рабочая сила сама по себе недостаточна для снятия напряженности на рынке труда. Экономическая политика и глобальный макроэкономический контекст оказывают большое влияние на динамику безработицы среди молодежи, характеризующуюся как циклическую.

Таким образом, современная экономическая стагнация, создала рынок труда с низким спросом, который в настоящее время очень неблагоприятен для молодых специалистов в Китае. А из-за геополитической напряженности с Западом, Китай также испытывает серьезный отток капитала вместе с уходом глобальных компаний, которые пересматривают свои деловые отношения со страной.

В этой связи, необходимо рассмотреть различные направления двухстороннего сотрудничества Китая и России с целью решения острых проблем на рынке труда среди молодежи: привлечение китайской молодежи в российские учебные заведения; отбор и найм молодых специалистов из Китая; расширение программ стажировок для китайских студентов; более активное внедрение китайского языка в образовательные программы России всех уровней, способствование открытию российских образовательных учреждений на территории КНР.

Список источников

1. Савенкова А. С. Представления о рынке труда молодежи России, Китая и Германии: сопоставительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 3. С. 520–535. DOI 10.22363/2313-2272-2021-21-3-520-535. EDN OAOPRJ.
2. Чжан Ч. Особенности регулирования социально-трудовых отношений молодежи в КНР // Экономика труда. 2023. Т. 10. № 5. С. 685–694. DOI 10.18334/et.10.5.117793. EDN DEHDOC.
3. Чжуаньсунь Ц. Регулирование рынка труда и инструменты привлечения специалистов в КНР // с 2023. Т. 13. № 1. С. 15–25. EDN PRPGDQ.

4. Трудовая сила в Китае [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/282134/china-labor-force/> (дата обращения: 05.02.2025 г.)
5. China's defeated youth [Электронный ресурс]. URL: <http://TheEconomist.com/briefing/2023/08/17/chinas-defeated-youth> (дата обращения: 05.02.2025 г.)
6. Кортелева А. В., Кудевский Н. А. Проблемы занятости молодежи на рынке труда в КНР // Социальные проблемы молодежи: от образования до занятости: материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Хабаровск, 08 декабря 2023 года. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2023. С. 209–213. EDN IVIOXB.
7. Ding Q, Karabalaeva G, Wang Sh, Zhou X, Wang Ch. Current situation and employment prospects of Chinese language graduates. *Sci Herald Uzhhorod Univ Ser Phys.* 2024;(56):1050-1058. DOI: 10.54919/physics/56.2024.105ke0
8. Чжан Ч. Анализ рынка труда и трудового капитала Китая на современном этапе // Актуальные вопросы экономических наук и современного менеджмента: материалы LVIII-LIX Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 06 июня 2022 года. Том 5-6 (45). Новосибирск: ООО «Сибирская академическая книга», 2022. С. 124–134. EDN SEVEOL.
9. Титаренко Л. Г. Изменяющаяся ценность высшего образования: сравнительный анализ Беларуси, России, Китая // Гуманитарий Юга России. 2023. Том 12. № 1. С. 124–141. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.1.10> EDN: ICXZBS.

References

1. Savenkova A. S. Representations about the labour market of young people in Russia, China and Germany: a comparative analysis. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Sociologiya = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology.* 2021; Vol. 21, 3: 520-535. DOI 10.22363/2313-2272-2021-21-3-520-535. (In Russ.).
2. Zhang Ch. Features of regulation of social and labour relations of youth in the PRC. *E`konomika truda = Labour Economics.* 2023; Vol. 10, 5: 685-694. DOI 10.18334/et.10.5.117793. (In Russ.).
3. Zhuansun C. Labour market regulation and tools for attracting specialists in the PRC. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly`. Seriya 5. E`konomika. Sociologiya. Biologiya = Bulletin of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 5. Economics. Sociology. Biology.* 2023; Vol. 13, 1: 15-25. (In Russ.).
4. Labour force in China [Electronic resource] Mode of access: <https://www.statista.com/statistics/282134/china-labor-force/> (date of reference: 05.02.2025)
5. China's defeated youth [Electronic resource] URL: <http://TheEconomist.com/briefing/2023/08/17/chinas-defeated-youth> (date of access: 05.02.2025)
6. Korteleva A. V., Kudevsky N. A. Problems of youth employment in the labour market in the PRC. Social problems of youth: from education to employment: Proceedings of the All-Russian Student Scientific and Practical Conference, Khabarovsk, December 08, 2023. Khabarovsk: Pacific State University, 2023. P. 209-213.
7. Ding Q, Karabalaeva G, Wang Sh, Zhou X, Wang Ch. Current situation and employment prospects of Chinese language graduates. *Sci Herald Uzhhorod Univ Ser Phys.* 2024; (56): 1050-1058. DOI: 10.54919/physics/56.2024.105ke0
8. Zhang Ch. Analysis of the labour market and labour capital of China at the present stage // Actual issues of economic sciences and modern management: materials of LVIII-LIX international scientific-practical conference, Novosibirsk, 06 June 2022. Vol. 5-6 (45). Novosibirsk: Limited Liability Company 'Siberian Academic Book', 2022. P. 124-134.
9. Titarenko L. G. The changing value of higher education: a comparative analysis of Belarus, Russia, China. *Gumanitarij Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia.* 2023; Vol. 12, 1: 124-141. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.1.10>. (In Russ.).

Научная статья

УДК 330.341.2 © М.В. Киварина, Г.Д. Баторшина
 DOI: 10.24412/2225-8264-10.24412/2225-8264-2025-1-917

Ключевые слова: регионы, технологическое развитие, цифровые компетенции персонала, дефицит человеческого капитала, цифровизация

Keywords: regions, technological development, digital competencies of personnel, shortage of human capital, digitalization

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕРСОНАЛА КАК ФАКТОР ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ В РЕГИОНАХ

Киварина М. В.¹Баторшина Г. Д.²

Аннотация. В статье исследуется влияние технологического развития регионов на потребности в человеческих ресурсах. На основе анализа статистических данных, аналитической информации, рейтингов и обзора публикационных материалов, выявлено, что социально-экономическое развитие и внедрение цифровых решений в регионе формируют потребность в персонале с цифровыми компетенциями. Авторами обосновывается, что ключевыми факторами успешности внедрения инноваций становятся цифровые навыки персонала и их способность адаптироваться к новым технологиям. Доказано, что небольшие и средние региональные предприятия проигрывают крупным по внедрению новых технологий, не только из-за отсутствия достаточных финансовых ресурсов, но также вследствие недостаточного числа квалифицированных претендентов на свободные вакансии, поскольку многие предпочитают трудоустраиваться на крупные предприятия или уезжать в мегаполисы. Для решения проблем с дефицитом квалифицированных кадров требуется реализация программ по прогнозированию потребностей по перспективным и востребованным направлениям подготовки специалистов, добавление практико-ориентированных программ в образовании, проведение постоянного мониторинга трудоустройства выпускников. Необходимы разработки инструментариев по государственному регулированию взаимодействий между системой образования региона и сферой труда, функционирующие на цифровой основе.

¹Киварина Мария Валентиновна — доктор экономических наук, профессор кафедры цифровой экономики и управления Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Россия, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41)
 E-mail: mariya.kivarina@novsu.ru
 ORCID: 0000-0002-8533-4573

²Баторшина Галия Джавдатовна — доцент кафедры массовых коммуникаций и медиа бизнеса, Финансовый университет при Правительстве РФ (Россия, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49)
 E-mail: batorshina@yandex.ru
 ORCID: 0000-0001-7946-127X

Поступила в редакцию:
 10.01.2025

DIGITAL COMPETENCIES OF PERSONNEL AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF REGIONAL ENTERPRISES

Maria V. Kivarina

Doctor of Economics, Professor, Yaroslav the Wise Novgorod State University

Batorshina Galiya D.

Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract. The article examines the impact of technological development of regions on the need for human resources. Based on the analysis of statistical data, analytical information, ratings and a review of published materials, it was revealed that socio-economic development and the introduction of digital solutions in the region form the need for personnel with digital competencies. The authors substantiate that the key factors in the success of the implementation of innovations are the digital skills of personnel and their ability to adapt to new technologies. It has been proven that small and medium-sized regional enterprises are inferior to large ones in the implementation of new technologies, not only due to the lack of sufficient financial resources, but also due to an insufficient number of qualified applicants for vacancies, since many prefer to get a job at large enterprises or move to megacities. To solve the problems of a shortage of qualified personnel, it is necessary to implement programs to forecast needs in promising and in-demand areas of specialist training, add practice-oriented programs in education, and conduct ongoing monitoring of graduates' employment. It is necessary to develop tools for state regulation of interactions between the regional education system and the labor sphere, functioning on a digital basis.

ВВЕДЕНИЕ

Продолжающееся технологическое развитие экономики России, отражается в деятельности региональных предприятий, восприятие перемен которыми может рассматриваться в качестве сложностей и новых возможностей, одновременно. К основным изменениям, влияющим на труд и занятость можно отнести: автоматизацию процессов, заменяющих человеческий труд на машинный; перевод физических объектов и документов в цифровые форматы; интеграцию цифровых платформ для выполнения посреднических функций в экономической деятельности. Использование цифровых технологий в производственных процессах находит отражение в создании новых рабочих мест в различных отраслях экономики, открывает возможности для трудоустройства в онлайн формате с преодолением географических границ, позволяет выбирать удобный график работы. Внедрение инновационных технологий предприятиями должно повысить производительность труда, минимизировать затраты, сохранить и даже увеличить конкурентоспособность продукции на внешних и внутренних рынках, способствовать интеграции принципов устойчивого развития в деятельность. Преобразования окажутся возможными при наличии у предприятий не только достаточных финансовых ресурсов, но и сотрудников, владеющих определенными цифровыми навыками и обладающих необходимыми знаниями и опытом для внедрения достижений научно-технического прогресса. Человеческие ресурсы являются той доминантой, без которой региональные предприятия не смогут достигнуть поставленных целей. Однако развитие технологий несет риск еще большего увеличения дефицита квалифицированных специалистов с цифровыми компетенциями, являющейся актуальной проблемой, которая находит отражение в большом количестве публикаций научного сообщества [1; 2; 3; 4; 5]. В этой связи обеспечение региональных предприятий необходимыми кадрами представляется важнейшей задачей для реализации стратегии по технологическому развитию. По заявлению министра труда и социальной защиты РФ А. О. Котякова, необходимость отечественной экономики в кадрах к 2030 г. превысит 73 млн человек [6].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Министерством цифрового развития совместно с Министерством образования и науки с каждым годом увеличивается количество бюджетных мест по направлениям, связанным с ИТ-специальностями. С 2019 по 2023 гг. на обучение в вузы России по подготовке специалистов в сфере информационных технологий приняты более 343 тыс. человек. Более 800 высших учебных заведений (это 60% вузов России) осуществляют подготовку кадров по ИТ специальностям [7]. Однако технологическое развитие опережает подготовку квалифицированных сотрудников данной направленности учебными заведениями страны, указывая тем самым на недостаточность принимаемых мер для решения проблем, связанных с дефицитом человеческих ресурсов. Даже лидирующие региональные предприятия, предлагающие достаточно высокие заработные

платы в регионе своего функционирования, находятся в постоянном поиске сотрудников [8; 9].

Решению проблем, связанных с кадровым дефицитом в стране, должен способствовать запуск с 2025 г. нового национального проекта «Кадры» [10], в включающего направления: по разработке систем управления кадровым обеспечением экономики, программ по поддержке занятости определенных групп соискателей, по формированию условий для эффективного привлечения персонала, по подготовке кадров с целью развития ключевых отраслей экономики, и в системе высшего образования, и в «Профессионалитете» [11]. По заявлению премьер-министра РФ М.В. Мишустина, кадровый прогноз, послужит также основой для приема учащихся в учебные заведения страны — вузы и колледжи [12].

Предприятиями ежемесячно размещаются более девяти тысяч вакансий, направленных на поиски разработчиков, программистов, автотестировщиков, спрос на которые за 2023 г. увеличился почти на треть. Специалистов с начальным опытом работы стали искать на 101% больше, но больше всего региональные предприятия заинтересованы в работниках со стажем работы. Что касается общего спроса на ИТ-специалистов, то с 2022 по 2023 гг. потребность в них выросла на 18%, при этом больше всего запросов (в два раза больше) приходилось на системных и бизнес-аналитиков. В качестве особенности рекрутинга ИТ-специалистов в 2024 г., отмечается увеличение на 30% потребности в сотрудниках, предпочитающих работать без оформления в штат предприятия и с получением почасовой оплаты. Интерес к ИТ-специалистам с временной занятостью, объясняется экономией на расходах на заработную плату и возможностью привлечения к сотрудничеству большого количества экспертов, в том числе и узкой квалификации, что особенно актуально с учетом дефицита кадров.

В 2023 г. на 2,7 тыс. вакансий квалифицированных специалистов приходилось 0,6 тыс. с начальным опытом работы. Тройку лидеров среди регионов по найму сотрудников составляют Москва, Санкт-Петербург и Свердловская область (компании из Екатеринбурга и городов области). Данные регионы являются лидерами по социально-экономическому положению, занимая в рейтинге 2023 г. — топ-35 первое, третье и седьмые позиции, соответственно (см. табл. 1).

Рейтинг составляется по оценке субъектов РФ по девяти социально-экономическим показателям, включая показатели промышленного производства, уровень средней заработной платы, прожиточного минимума, уплату налогов и т.д.

Оценивая итоги рейтинга социально-экономического положения регионов РФ по итогам 2023 (топ-35 регионов) необходимо отметить, что в первой десятке оказались, в основном центральные и сырьевые регионы: Москва, Ханты-Мансийский АО, Санкт-Петербург, Тюменская, Тульская, Ленинградская, Свердловская области, Чукотский и Ямало-Ненецкий АО, Московская область. Во вторую десятку вошли: Сахалинская, Челябинская, Курская области, Ненецкий АО, Камчатский, Красноярский и Пермский края, Республика

Таблица 1

**Рейтинг регионов-лидеров по социально-экономическому положению
(сводная оценка, 2023 г.)**

Позиция	Регион	Позиция	Регион
1	г. Москва	21	Вологодская область
2	Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	22	Чувашская Республика
3	г. Санкт-Петербург	23	Новосибирская область
4	Тюменская область	24	Тверская область
5	Тульская область	25	Нижегородская область
6	Ленинградская область	23	Республика Саха (Якутия)
7	Свердловская область	26	Приморский край
8	Чукотский автономный округ	27	Рязанская область
9	Ямало-Ненецкий автономный округ	28	Магаданская область
10	Московская область	29	Республика Коми
11	Сахалинская область	27	Оренбургская область
12	Челябинская область	28	Курганская область
13	Курская область	29	Белгородская область
14	Ненецкий автономный округ	30	Липецкая область
15	Камчатский край	31	Владимирская область
16	Красноярский край	32	Республика Башкортостан
17	Пермский край	33	Республика Марий Эл
18	Республика Татарстан	34	Воронежская область
19	Самарская область	35	Томская область
20	Иркутская область		

Источник: составлено авторами по [12]

Татарстан, Самарская и Иркутская области. Третья десятка включает: Вологодскую область, Чувашскую республику, Новосибирскую, Тверскую, Нижегородскую области и Республику Саха (Якутия) (разделили 25-е место), Приморский край, Рязанскую, Магаданскую области, Республику Коми, Оренбургскую и Курганскую области (29-е место), Белгородскую и Липецкую области (30-е место). Замыкают данный рейтинг: Владимирская область, Республики Башкортостан и Марий Эл, Воронежская и Томская области. Социально-экономическое положение субъекта РФ оказывает большое влияние и на развитие региональных предприятий. Высокие экономические показатели, в целом, по региону, позволяют улучшать его социальную сферу, делая территорию привлекательнее для проживания и работы, способствуют формированию мер поддержки для начинающих предпринимателей и т.д.

Необходимо отметить, что региональные предприятия обладают различным потенциалом для внедрения инновационных решений, к основными из которых можно отнести размеры бизнеса [13]. В настоящее время именно крупные предприятия демонстрируют высокие показатели цифровизации благодаря, в первую очередь, финансовым возможностям, позволяющим закупать дорогостоящее оборудование и привлекать высокооплачиваемый персонал с цифровыми компетенциями для реализации нововведений.

Небольшие и средние региональные предприятия проигрывают крупным по внедрению новых технологий, не только из-за отсутствия достаточных финансовых ресурсов, но и из-за нежелания претендентов идти

к ним работать. Люди предпочитают трудоустроиться на крупные предприятия или уезжать в мегаполисы. При равных исходных условиях вакансии в небольшом городе большинство претендентов предпочитают трудоустроиться на крупное предприятие. Стоит учитывать и тот факт, что в России в течение последних десятилетий происходил отток населения из небольших и средних городов в крупные мегаполисы. Процессы миграции продолжаются и в настоящее время. Согласно результатам переписи населения 2020 г., 75% населения Российской Федерации живет в городах, 25% — в сельской местности (в 2010 г. показатели были — 74 и 26%). 67% городского населения проживает в городах с численностью от 100 тыс. человек; 25% (35,7 млн человек) являются жителями 16 городов-миллионников, 21,5 млн которых живут в Москве и Московской области.

Фактор дефицита квалифицированных сотрудников оказывает существенное влияние на внедрение инновационных решений небольшими и средними предприятиями. Вместе с тем переоснащение малых предприятий благодаря инновационным разработкам, позволило бы существенно восполнить нехватку человеческих ресурсов.

Авторами было проведено исследование по определению потребности предприятий РФ в квалифицированном персонале за 2022 г. (на основе данных «Росстата», обновляемых один раз в два года). Анализ данных региональных предприятий с общим количеством сотрудников в 26 490 132 человек, выявил общий дефицит в работниках в 1 511 737 человек, соответ-

Таблица 2

Потребность предприятий в работниках для замещения вакантных рабочих мест по профессиональным группам на 31 октября 2022 г.

№	Профессиональные группы	Потребности в работниках для замещения вакантных рабочих мест, в %
1	Всего специалистов	5,4
2	Специалисты высшего уровня квалификации	4,3
2.1	Специалисты в области здравоохранения	10,3
2.2	Специалисты по информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ)	5,7
2.3	Специалисты в области науки и техники	4,7
3	Специалисты среднего уровня квалификации	5,1
3.1	Средний медицинский персонал здравоохранения	5,8
3.2	Специалисты-техники в области науки и техники	4,6
3.3	Специалисты-техники в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)	4,6
4	Служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием	4,8
4.1	Другие офисные служащие	6,3
4.2	Служащие сферы обслуживания населения	5,1
4.3	Служащие в сфере обработки числовой информации и учета материальных ценностей	4,7
5	Квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства	7,2
5.1	Лесоводы и работники родственных занятий	12,2
5.2	Товарные производители огородных, плодовых и полевых культур	10,9
5.3	Товарные производители продукции животноводства	5,7

Источник: составлено авторами по [14]

ствующий 5,4% (таблица 2). Среди категорий профессиональных групп, относящихся к высшему и среднему уровням квалификации, наибольший дефицит у региональных предприятий среди представителей профессий: в области здравоохранения — 10,3%; сферы информационно-коммуникационных технологий — 5,7%; квалифицированных работников из сферы сельского хозяйства — 7,2%. У перечисленных категории средний показатель по потребности в персонале выше среднестатистического.

Анализ потребности в специалистах с учетом территориального фактора выявил, что больше всего кадровый дефицит приходится на предприятия, функционирующие в Южном федеральном (ЮФО) — 6,7% и Центральном федеральном округах (ЦФО) — 6,4%, меньше всего в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) — 3,2%. Максимальные показатели по дефициту персонала у города федерального значения Севастополя — 10,3% (ЮФО), Московской и Ивановской областей — 8% (ЦФО). Минимальные показатели у республик: Ингушетии — 0,6%, Чечни — 0,7%, Дагестана — 0,9%. Из всех перечисленных регионов только Московская область входит в рейтинг в топ-35 2023 г. социально-экономически сильных регионов, занимая 10 позицию.

Оценивая дефицит региональных предприятий в специалистах высшего уровня квалификации, было выявлено, что в целом по РФ он составляет 4,3%. Максимальная потребность у Дальневосточного федерального округа (ДФО) в 5,6%, минимальная — у Се-

веро-Кавказского федерального округа — 2,4%. Среди регионов максимальные показатели по потребности в персонале у Чукотского автономного округа (ДФО) — 8,9%, занимающего восьмую позицию в рейтинге топ-35 2023 г. социально-экономически сильных регионов. Среди регионов минимальные показатели у Республики Ингушетия — 0,6% и Чеченской Республики — 0,8%.

Выполнение регионами обязательств, принятых в рамках стратегий цифровой трансформации, невозможно без решения кадрового вопроса. Необходимо отметить, что с каждым годом увеличивается и количество оцениваемых показателей цифровой трансформации. На начальном этапе реализации стратегии в 2021 г. их было пять, в 2023 г. число оцениваемых направлений достигло 18. По многим критериям наблюдается существенный прогресс у всех субъектов РФ: все регионы отчитались о достижении информационной безопасности в органе управления, с увеличением количества сотрудников по кибербезопасности, в среднем, в два раза. Также при составлении рейтинга оцениваются показатели, демонстрирующие готовность региональной команды к изменениям и наличие комплексного плана, ориентированного на гарантирование долгосрочного и эффективного развития региона с применением цифровых технологий [15]. С учетом анализа данных рейтингов выявлено, что 19 регионов, входящих в топ-20 лидеров по цифровой трансформации, являются также участниками рейтинга топ-35 социально-экономически сильных регионов.

Как показывают данные исследований, социально-экономическое развитие региона влияет на потребности в обеспечении предприятий квалифицированным персоналом в условиях цифровой трансформации. Даже те регионы, которые традиционно считаются лидерами по цифровизации: Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Республика Саха (Якутия), Новосибирская область и т.д., и уже продолжительное время реализуют программы по развитию и являются привлекательными для потенциальных работников, нуждаются в квалифицированном персонале. По мнению директора управления по работе с государственными организациями «Softline» Игоря Лейпи, именно у этих регионов наибольшие ИТ-бюджеты, и они являются самыми открытыми к внедрению инновационных решений, динамично подстраивающимися под меняющиеся условия рынка. В этих регионах также сложилась плодотворная атмосфера по сотрудничеству бизнеса и государства, и технологическое развитие этих регионов существенным образом влияет на повышение качества жизни населения [16]. По причине постоянного развития эти регионы находятся в постоянном поиске сотрудников с цифровыми компетенциями. Это является отражением масштабной проблемы с кадрами в России. Однако, показатели по потребности в персонале в этих регионах остаются в пределах средних по стране из-за общего дефицита кадров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для решения проблем с дефицитом квалифицированных кадров требуется реализация программ по прогнозированию потребностей по перспективным и востребованным направлениям подготовки специалистов, добавление практико-ориентированных программ в

образовании, проведение постоянного мониторинга трудоустройства выпускников. Необходимы разработки инструментариев по государственному регулированию взаимодействий между системой образования региона и сферой труда, функционирующие на цифровой основе. Также немаловажным фактором является сотрудничество на постоянной основе между предприятиями-работодателями и системой образования региона, реализуемые с применением инновационных решений. Видится необходимым назревшим решением и подготовка регулярных прогнозов на несколько лет вперед по потребностям в кадрах для различных отраслей экономики.

Вместе с тем технологическое развитие предполагает, что требования к специалистам различных направлений деятельности будут меняться по мере внедрения инновационных преобразований. Работодатель не сможет гарантировать для работника занятости в долгосрочной перспективе при потере им конкурентоспособности. В этой связи важными качествами потенциальных сотрудников становятся способности к адаптации к изменяющимся условиям, поддержание востребованности своей профессии в условиях быстро меняющегося рынка, наличие активной жизненной позиции, готовность к постоянному обучению. В свою очередь, предприятия также должны принимать меры по повышению квалификации персонала, налаживанию постоянного процесса обучения без отрыва от производства. Все эти меры также будут способствовать решению кадрового вопроса. Таким образом, цифровые навыки персонала и их способность адаптироваться к новым технологиям становятся основополагающими для успешного внедрения инноваций региональными предприятиями.

Список литературы

1. Морозов М. А. Цифровые компетенции персонала как инструмент повышения инновационности предприятия // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2022. № 2 (398). С. 292–298.
2. Соколов Л. А. Цифровые компетенции персонала как фактор повышения международной конкурентоспособности России // Фундаментальные исследования. 2023. № 12. С. 54–57.
3. Ташкинов А. Г. Формирование цифровых компетенций персонала в контексте цифровой трансформации предприятия // Кадровик. 2024. № 4. С. 58–63.
4. Ильина И. Ю. Цифровизация как фактор трансформации профессиональных компетенций персонала // Экономика образования. 2023. № 1 (134). С. 101–108.
5. Баторшина Г. Д. Роль цифровых компетенций персонала в реализации инновационных технологий развития агробизнеса // Экономика образования. 2023. № 6 (139). С. 87–98.
6. Минтруд ожидает, что спрос на рабочую силу в РФ к 2030 г. превысит 73 млн человек. URL: <https://www.interfax.ru/russia/922055> (дата обращения: 12.12.2024).
7. Комплексное ежегодное аналитическое исследование по всем сферам цифрового развития Российской Федерации «Кадры для цифровой экономики». URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/866/> (дата обращения: 12.12.2024).
8. Козлов А. В., Каньковская А. Р., Тесля А. Б. Проблемы формирования цифровых компетенций персонала промышленных предприятий в условиях перехода к индустрии 4.0 // Вектор экономики. 2018. № 12 (30). С. 86.
9. Козлов А. В., Аль-Хаир Л. Роль цифровых компетенций персонала в формировании человеческого капитала промышленного предприятия // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2020. Т. 13. № 3. С. 129–140.
10. Кадры. Национальные проекты Российской Федерации. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--plai/new-projects/kadry/> (дата обращения: 12.12.2024).

11. Шугаева О. В. Основные факторы, влияющие на развитие цифровой экономики России в современных условиях // Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития. Курск: ЮЗГУ, 2019. С. 390–395.
12. Симоненко Л. Ю., Хомутовская Я. Н., Червяк Ю. П. Направления формирования основных компетенций управления персоналом в условиях цифровой экономики // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. 2023. № 3 (69). С. 113–118.
13. Герчикова Т. Я., Дегтярев Н. И., Кириленко В. В. Развитие цифровых компетенций персонала // Экономика труда. 2021. Т.8. № 6. С. 585–600.
14. Фонд развития гражданского общества. URL: <http://civilfund.ru/mat/view/157> (дата обращения: 12.12.2024).
15. Скалкина И. Э. Обучение персонала цифровым компетенциям как инструмент развития организации // Молодой ученый. 2023. № 2 (449). С. 167–170.
16. Softline приняла участие в ИНФОФОРУМе-2022. URL: https://softline.ru/about/news/softline-prinyala-uchastie-v-infoforume-2022?sphrase_id=52951 (дата обращения: 12.12.2024).

References

1. Morozov M. A. Digital competencies of personnel as a tool for increasing the innovativeness of the enterprise. *Izvestiya vy'sshix uchebny'x zavedenij. Tekhnologiya tekstil'noj promy'shlennosti = News of higher educational institutions. Technology of the textile industry*. 2022; 2(398): 292-298. (In Russ.).
2. Sokolov L. A. Digital competencies of personnel as a factor in increasing Russia's international competitiveness. *Fundamental'ny'e issledovaniya = Fundamental Research*. 2023; 12: 54-57. (In Russ.).
3. Tashkinov A. G. Formation of digital competencies of personnel in the context of digital transformation of the enterprise. *Kadrovik = Personnel officer*. 2024; 4: 58-63. (In Russ.).
4. Ilyina I. Y. Digitalization as a factor of transformation of professional competencies of personnel. *E'konomika obrazovaniya = Economics of education*. 2023; 1(134): 101-108. (In Russ.).
5. Batorshina G. D. The role of digital competencies of personnel in the implementation of innovative technologies for the development of agribusiness. *E'konomika obrazovaniya = Economics of education*. 2023; 6(139): 87-98. (In Russ.).
6. The Ministry of Labor expects that the demand for labor in the Russian Federation by 2030 will exceed 73 million people. URL: <https://www.Interfax.ru/russia/922055>.
7. Comprehensive annual analytical study on all areas of digital development of the Russian Federation «Personnel for the digital economy». URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/866>.
8. Kozlov A.V., Kankovskaya A. R., Teslya A. B. Problems of formation of digital competencies of personnel of industrial enterprises in the context of transition to industry 4.0. *Vektor e'konomiki = Vector of Economics*. 2018; 12(30): 86. (In Russ.).
9. Kozlov A. V., Al-Khair L. The role of digital competencies of personnel in the formation of human capital of an industrial enterprise. *Nauchno-texnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politexnicheskogo universiteta. E'konomicheskie nauki = Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences*. 2020. Vol.13, 3: 129-140. (In Russ.).
10. Personnel. National projects of the Russian Federation. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/kadry>.
11. Shugaeva O. V. The main factors influencing the development of the digital economy of Russia in modern conditions // Digital economy: problems and prospects of development. Kursk: South Ural State University, 2019. P. 390-395.
12. Simonenko L. Yu., Khomutovskaya Ya. N., Chervyak Yu. P. Directions of formation of basic competencies of personnel management in the digital economy. *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Vladimira Dalya = Bulletin of Lugansk State University named after Vladimir Dahl*. 2023; 3(69): 113-118. (In Russ.).
13. Gerchikova T. Ya., Degtyarev N. I., Kirilenko V. V. Development of digital competencies of personnel. *E'konomika truda = Labor economics*. 2021; Vol. 8, 6: 585-600. (In Russ.).
14. The Civil Society Development Fund. URL: <http://civilfund.ru/mat/view/157>
15. Skalkina I. E. Staff training in digital competencies as a tool for organization development. *Molodoj ucheny'j = Young Scientist*. 2023; 2(449): 167-170. (In Russ.).
16. Softline participated in the Infoforum-2022. URL: https://softline.ru/about/news/softline-prinyala-uchastie-v-infoforume-2022?sphrase_id=52951.

Научная статья

УДК 378.1

DOI: 10.24412/2225-8264-10.24412/2225-8264-2025-1-952

Ключевые слова: адаптация, китайские студенты, российское образование, стратегии рекрутинга, поликультурная среда, российско-китайское взаимодействие

Keywords: adaptation, Chinese students, Russian education, recruiting strategies, multicultural environment, Russian-Chinese cooperation

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОСТЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ: ВОВЛЕЧЕНИЕ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКУЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СИСТЕМУ ЧЕРЕЗ СТРАТЕГИИ РЕКРУТИНГА

Леденева В. Ю.¹

Аннотация. В статье рассматриваются стратегии рекрутинга китайских студентов в российские образовательные учреждения. Основной целью работы является анализ существующих подходов к привлечению иностранных студентов и выявление эффективных практик, способствующих успешной адаптации китайских студентов в российскую образовательную систему. Методология работы включает комплексный анализ сравнительно-сопоставительных исследований действующих рекрутинговых программ, анализ статистических данных, анализ данных социологического исследования, проведенного в вузах России в апреле-мае 2024 г. (анкетный опрос китайских студентов, обучающихся в российских вузах). Результаты исследования выявили ключевые факторы, влияющие на выбор учебного заведения, такие как качество образования, репутация университета, наличие подготовительных курсов, программы поддержки и другие. Основным выводом является то, что для успешного привлечения китайских студентов необходимо адаптировать рекрутинговые стратегии, учитывая культурные и экономические особенности китайских студентов, их уникальные образовательные запросы и ожидания. Автором предложены разнообразные подходы к рекрутингу: эффективные целевые информационные кампании, демонстрация примеров успешных выпускников, организация ознакомительных поездок и вебинаров. Рекомендуется дальнейшее изучение и внедрение новых технологий в процессы рекрутинга для расширения международного сотрудничества и улучшения качества образовательных услуг.

¹Леденева Виктория Юрьевна — доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник — руководитель отдела, ученый секретарь Института демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1)
E-mail: vy.ledeneva@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-9478-2917

EDUCATIONAL BRIDGES BETWEEN RUSSIA AND CHINA: INVOLVING CHINESE STUDENTS IN THE RUSSIAN EDUCATIONAL SYSTEM THROUGH RECRUITMENT STRATEGIES

Victoria Yu. Ledeneva

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article discusses the strategies for recruiting Chinese students to Russian educational institutions. The main goal of the work is to analyze existing approaches to attracting foreign students and identify effective practices that contribute to the successful adaptation of Chinese students to the Russian educational system. The methodology of the work includes a comprehensive analysis of comparative studies of existing recruiting programs, analysis of statistical data, analysis of data from a sociological study conducted in Russian universities in April-May 2024 (questionnaire survey of Chinese students studying at Russian universities). The results of the study identified key factors influencing the choice of an educational institution, such as the quality of education, the reputation of the university, the availability of preparatory courses, support programs, and others. The main conclusion is that in order to successfully attract Chinese students, it is necessary to adapt recruitment strategies, taking into account the cultural and economic characteristics of Chinese students, their unique educational needs and expectations. The author offers a variety of approaches to recruiting: effective targeted information campaigns, demonstration of examples of successful graduates, organization of study tours and webinars. It is recommended to further study and introduce new technologies in recruiting processes to expand international cooperation and improve the quality of educational services.

Поступила в редакцию:
9.02.2025

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы определяется растущей глобализацией образовательных процессов и необходимостью образовательных учреждений адаптироваться к новым условиям, предлагая конкурентоспособные образовательные программы.

Привлечение иностранных студентов — важная задача для многих учебных заведений в мировой практике. Существует несколько стратегий, которые широко используются для привлечения студентов из-за границы:

- 1) стратегия взаимовыгодного международного сотрудничества;
- 2) стратегия привлечения квалифицированных трудовых ресурсов, направленная на уменьшение барьеров входящей мобильности;
- 3) стратегия интернационализации, сфокусированная на увеличении экспорта образовательных услуг.

Разные стратегии реализуются через инициирование разных методов и способов: целевых акций, маркетинговых и рекламных кампаний в странах-донорах через социальные сети, онлайн-рекламу, разработку привлекательного многоязычного веб-сайта с информацией о программах обучения, расходах, условиях поступления и жизни в стране. Применяются различные формы партнерства и сотрудничества: заключение соглашений с рекрутинговыми агентствами и организаторами образовательных выставок в разных странах.

В последние годы наблюдается значительный интерес к международной кооперации и возможностям выхода российских университетов на китайский образовательный рынок. Традиционно студенты из Китая составляют одну из крупнейших групп иностранных учащихся в образовательных программах российских университетов. Интерес китайских граждан к российскому образованию обусловлен несколькими факторами, включая его финансовую доступность и высокий академический престиж российских вузов среди населения КНР. Кроме того, территориальная близость между странами и поддержка на государственном уровне российско-китайских образовательных связей также способствуют этому интересу.

В статье представлен комплексный подход к анализу состояния конкуренции на китайском образовательном рынке с точки зрения российских вузов, что позволяет более глубоко понять динамику изменений в этом сегменте и определить те направления, по которым можно улучшить конкурентоспособность российского образования. Важно отметить, что до настоящего времени недостаточно внимания было уделено выявлению эффективных стратегий, направленных на привлечение и удержание китайских студентов. Таким образом, основной целью работы является анализ существующих подходов к привлечению иностранных студентов и выявление эффективных практик, способствующих успешной адаптации китайских студентов в российскую образовательную систему.

Численность иностранных студентов в российских вузах в 2024 г. составила 389 тыс., а к 2025 году ожидается увеличение до 410 тыс. Ежегодно увеличивается

и численность китайских студентов. В 2020 г. в российских вузах училось 29,6 тыс. китайских студентов, в 2021 году — 32,5, в 2022 — 37, в 2024 году — 41,4 тыс. студентов из Китая [1]. Например, в Российском университете дружбы народов с 2021 г. количество первокурсников из КНР возросло на 58% [2]. В результате анализа динамики образовательного обмена между образовательными системами России и Китая можно сделать общий вывод о нарастающем интересе китайских студентов к получению образования в российских вузах [3, с. 162; 4, с. 154].

Современный Китай стал одним из важнейших центров образования в мире. Значительное число молодежи стремятся получить высшее образование, и правительство Китая создает благоприятную для образования экосистему, открывая новые университеты и колледжи. В этих условиях российские университеты должны осознать, что конкуренция со стороны иностранных учреждений, уже работающих на китайском рынке, достаточно высока [5].

Российскими исследователями современный период международной академической мобильности характеризуется как институционализация социальной основы международного сотрудничества посредством формирования новых центров высшей школы в регионах и установления их сетевых взаимодействий. По всему миру вузы запускают новые форматы своего участия: «глобальные университеты», «сетевые университеты», «виртуальные университеты» и др., что отражается и на контингенте обучающихся [6, с. 41].

Разработкой вопроса, связанного с рекрутингом иностранных студентов, в последнее десятилетие занимались многие исследователи. А. Л. Арефьев, Н. Е. Борева, Ф. Э. Шереги рассматривали историю, современное состояние и перспективы интернационализации вузов как в целом, так и сквозь призму российско-китайских отношений. В научных публикациях А. Л. Арефьева, основанных на фундаментальных разработках, исследуется множество аспектов современной ситуации: они касаются привлечения иностранцев в определенный регион, обладающий своей спецификой, преимуществами и недостатками, мотивам поступления китайских студентов с точки зрения региональных различий: студенты из разных китайских провинций могут руководствоваться разными причинами при выборе вуза [7].

В последнее время увеличивается публикационная активность авторов, исследующих проблемы адаптации иностранных студентов, и конкретно из КНР. Проблемы предвыездной подготовки студентов отражаются в публикациях китайских исследователей [8; 9]. В основном акцент делается на оформлении документов, бытовых трудностях, неизбежно возникающих по прибытию в принимающую страну [10], в то время как вопросы, связанные с культурной и академической адаптацией рассмотрены недостаточно. Неосведомленность учебных мигрантов из Китая о культурно-образовательных особенностях российских вузов определяет факторы риска в процессе учебы в России и адаптации на начальных этапах [11, с. 13]. Противоречие состоит в том, что рекрутинговые стратегии не учи-

тывают эти факторы и не включают предвыездные адаптационные мероприятия в оптимизированном формате. Возникает необходимость разработки и внедрения конкретных мер, направленных на обеспечение процесса предвыездной адаптации китайских студентов. В тоже время достаточно много современных исследований посвящено адаптации в контексте российской высшей школы, которая сопровождается существенными нагрузками на компенсаторно-приспособительные системы организма иностранных студентов. Основные затруднения, которые испытывают учебные мигранты из КНР связаны с языковыми трудностями, в том числе на бытовом уровне, трудностями приобщения к российской академической среде [12; 13; 14].

Методика

Исследование опирается на созданные российскими и китайскими учеными труды, затрагивающие аспекты организации мер по привлечению китайских студентов в российскую образовательную систему и преодолению ими адаптационных трудностей. Среди основных в работе используются сравнительно-сопоставительный метод, метод статистического и социального анализа.

В качестве метода исследования был выбран социологический опрос китайских студентов, обучающихся в российских вузах. Сбор данных проводился в апреле-мае 2024 г. с помощью стандартизированного бланка анкеты, сгенерированной на платформе Webanketa. Всего опрошено 348 человек. Анкета состояла из 26 вопросов. Охват исследования по регионам: Республика Башкирия, Республика Татарстан, Республике Саха (Якутия), г. Москва, Красноярский край, Свердловская область. Охват по вузам: Башкирский государственный медицинский университет, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Сибирский федеральный университет, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова. Уральский государственный экономический университет.

Результаты

Социально-демографические характеристики респондентов распределились таким образом: было опрошено 39% мужчин и 61% женщин. Распределение ответов об опыте обучения ранее в другой стране показало, что 27% респондентов уже имело международный опыт обучения в другой стране. Это может свидетельствовать об их образовательной траектории и разнообразным практикам. С другой стороны, большинство респондентов (72%) не имели опыта обучения за пределами своей страны.

По результатам опроса, большинство студентов (63,7%) проживают в общежитии. Четверть опрошенных снимают квартиры, как правило, вдвоем или втроем. Около 10% имеют возможность проживать в собственном жилье (7,8%) или жить у родственников (2,8%). Результаты анализа места проживания респондентов дают возможность понять предпочтения студентов, но скорее всего они связаны с финансовыми возможностями студентов.

Данные об источниках информации о поступлении в вуз позволяют сделать совершенно однозначные

выводы о том, что абитуриенты получают информацию методом так называемого «сарафанного радио»: рекомендации знакомых или родственников набрали больше половины ответов (50,4%). Это может свидетельствовать как о важности социальных связей и доверия к советам близких людей при принятии решения о выборе вуза, так и о том, что абитуриенты не пользуются другими источниками информации, или не знают о них или не доверяют им. Рекомендации тех, кто ранее учился в России (44,83%) также имеют существенное значение, т.к. это реальный опыт тех, кто уже учился в России или в конкретном вузе. Почти четверть опрошенных отметила сайты вузов (24,1%). Это действительно первичный и один из самых главных источников информации. Сделав небольшое отступление, необходимо отметить, что при подготовке исследования, автор проанализировала более 40 сайтов ведущих российских вузов, конкретно рубрики, касающиеся международной деятельности. Результат контент-анализа можно охарактеризовать как удовлетворительный. Однако многие интерфейсы сайтов несколько непонятны и сложны, что сильно затрудняет поиск нужной информации. К сожалению, не все вузы отдают должное внимание этой важной первичной работе с иностранными студентами и не до конца осознают, что сайт является «лицом» организации.

Подготовительные курсы по русскому языку отметили 28,76% студентов КНР, качественное образование оценило 34,4% респондентов. В ходе исследования многие студенты указывали на соотношение качества и стоимости образования. Таким образом, репутация российских вузов и качество образования считаются важными факторами при выборе. Высокий уровень доверия рекрутинговых агентств отметили лишь 17,6%. Возможно, студенты имеют разный опыт с рекрутинговыми агентствами, что отражено в разных оценках.

Мы провели сравнительный анализ барьеров и сложностей, с которыми столкнулись студенты при поступлении в вузы России. Результаты выявили, что для студентов основными проблемами стали «непонятная система подачи документов» (25,8%) и «недостаточное количество адаптированных программ для иностранных студентов» (22,4%). Некоторые студенты испытывают затруднения из-за отсутствия поддержки со стороны международных отделов вузов, проблемы в общении с представителями вузов и получении необходимой обратной связи.

Большинство студентов обучаются в российских вузах на платной основе (47,5%). Бесплатно, за счет государственного финансирования в рамках государственной квоты России — 23%, за счет государственного финансирования своей страны — 5%; оплачивают учебу самостоятельно — 10,7%. При этом 61,9% опрошенных платных студентов выразили мнение, что оплата за обучение приемлемая,

Большинство иностранных студентов положительно оценили условия обучения в российских вузах. Данные представлены в таблице 1, но чтобы не перегружать ее, мы оставили только крайние позиции ответов респондентов: «совершенно удовлетворен» и «неудовлетворен».

Таблица 1

Отношение респондентов к условиям обучения в российских вузах, %

Качество преподавания	
Совершенно удовлетворен	61,3
Неудовлетворен	2,5
Квалификация преподавателей	
Совершенно удовлетворен	63,21
Неудовлетворен	2,2
Качество изучаемых дисциплин	
Совершенно удовлетворен	61,32
Неудовлетворен	4,09
Возможности дистанционного обучения	
Совершенно удовлетворен	55,66
Неудовлетворен	7,86
Научная деятельность	
Совершенно удовлетворен	55,35
Неудовлетворен	6,29
Внеучебная студенческая деятельность	
Совершенно удовлетворен	57,86
Неудовлетворен	7,55
Взаимоотношения с преподавателями	
Совершенно удовлетворен	60,69
Неудовлетворен	5,03
Взаимоотношения со студентами	
Совершенно удовлетворен	65,09
Неудовлетворен	4,72
Условия проживания	
Совершенно удовлетворен	42,77
Неудовлетворен	16,04

В целом, российские вузы демонстрируют способность предоставить удовлетворительные условия для учебы, но наибольшие претензии студенты предъявляют к условиям проживания.

Большинство студентов (89,2%) высоко оценивают российское образование и готовы рекомендовать его своим знакомым. Это может свидетельствовать о положительном восприятии уровня образования и удовлетворенности студентов вузовской жизнью. Однако есть небольшая доля тех, кто не согласен с такой рекомендацией, и часть студентов затрудняется ответить, возможно, из-за неоднозначного опыта или индивидуальных особенностей.

В завершении исследования, респондентам было предложено оценить в целом систему привлечения иностранных студентов в российские вузы и дать свои рекомендации. В основном, студенты положительно оценили систему, однако для улучшения работы международных отделов вузов, предложили некоторые наиболее важные, на их взгляд, мероприятия:

- *работа студентов с самими студентами;*
- *больше внимания и помощи со стороны менеджмента факультета;*
- *проводить более широкую кампанию в странах исхода, обеспечивать бытовыми условиями студентов;*

• *помощь поступающим студентам, возможное трудоустройство иностранцев;*

• *увеличить источники уведомления о возможности поступления через Россотрудничество;*

• *проведение зарубежных выставок образовательных учреждений России в моей стране.*

Обобщая вышеизложенные результаты исследования, можно сделать вывод о том, что система рекрутинга в российские вузы пока не является сложным механизмом, направленным на укрепление статуса российского образования, требует внимательного анализа, с учетом регионального развития системы образования.

Выводы

Формирование системы привлечения иностранных студентов — это важный процесс, требующий комплексного и целенаправленного подхода. По итогам нашего исследования можно сделать некоторые выводы:

— в настоящее время для привлечения китайских студентов необходимо фокусироваться на их специфических интересах и потребностях. Ориентировать учебные курсы на китайские традиции, язык, а также экономику и бизнес-культуру, что позволит китайским студентам быстрее и успешнее адаптироваться в образовательную среду;

— устанавливать партнерские отношения с китайскими университетами для организации совместных программ, одновременно увеличивая видимость учебного заведения в китайском образовательном пространстве;

— учитывать особенности образовательного бэкграунда китайских студентов в виде дополнительных модулей и технологий, соответствующих их интересам.

Что касается рекрутинговых стратегий, то, на наш взгляд, одной из наиболее важных является активная работа с онлайн-платформами и социальными сетями, популярными среди китайских студентов. Например, использование WeChat и Weibo для продвижения учебных программ, публикаций отзывов студентов и публикаций о мероприятиях. Организация вебинаров и виртуальных открытых дверей позволит дать целевой аудитории полное представление о курсах и жизни студентов.

Еще одной значимой стратегией является сотрудни-

чество с местными агентствами и школами, специализирующимися на обучении за границей.

Для повышения привлекательности учебных программ стоит рассмотреть чисто практические аспекты, такие как гибкость в установке графиков обучения, возможность стажировок и практических занятий. Предоставление информации о карьерных возможностях и сотрудничающих компаниях для повышения интереса студентов.

Работа с успешными выпускниками, которые могут стать амбассадорами учебного заведения. Их достижения и истории успеха могут стать мощным инструментом для привлечения новых студентов.

Сегодня привлечение иностранных студентов представляет собой относительно новую сферу деятельности для большинства российских вузов, и каждая из этих стратегий может быть успешно интегрирована в общую стратегию цифрового маркетинга и PR, направленную на увеличение числа поступающих студентов из Китая.

Список источников

1. Число иностранных студентов в РФ по итогам 2024 года оценивается в 389 тыс. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22845895>.
2. Студенты из Китая в российских вузах: статистика и тенденции. URL: <https://baza-news.ru/nauka-i-tehnologii/studenty-iz-kitaya-v-rossijskih-vuzah-statistika-i-tendencii>.
3. Дань Ч. Китайский студент в российском вузе: тенденции выбора, проблемы адаптации, формирование отношений // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 5. С. 162-173. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.5.13>
4. Кузнецова О. В., Дерюгин П. П., Кремнев Е. В. Социальная адаптация китайских студентов в России как управленческая проблема // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10. № 3 (10). 150–167.
5. Маслов А. А. Перспективы и возможности выхода российских университетов на китайский образовательный рынок // Аналитическая записка № 40. 2022. РСДМ.
6. Кузьмина Е. С. Особенности международной академической обильности в сетевом взаимодействии российских и китайских вузов в современных условиях: дис. ... канд. соц. наук. Екатеринбург, 2019. 143 с.
7. Арефьев А. Л., Шереги Ф. Э. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации: Стат. сб. Вып. 10. М.: Центр социологических исследований, 2013. 139 с. 1CD ROM.
8. Fan F., Shuyi Zh., Tariq E. Role of prior intercultural learning in Chinese university students' crosscultural adaptation // *Pertanika: Social sciences & Humanities*. 2020. № 28 (3). P. 1599–1619.
9. Wang D. The Cross-Cultural Academic Adaptation of Chinese Students in an American University: Academic Challenges, Influential Factors and Coping Strategies // *Research in Social Sciences*. 2022. № 5 (1). P. 43–53.
10. Романенко Н. М., Гоу Т. Пути эффективизации процесса предвыездной адаптации китайских студентов к культурно-образовательной среде российских вузов // Московский педагогический журнал. 2024. №2. С. 121–129 DOI: 10.18384/2949-4974-2024-2-121-129
11. Дугина Г. А., Малых О. А. Исследование международной академической мобильности в Китае в контексте трудностей межкультурной адаптации // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2021. №2 (56). С. 8–22. DOI: 10.25688/2076-9121.2021.56.2.01.
12. Гаврилов П. С. Иностранные студенты в российских вузах: проблемы адаптации (на примере китайских студентов) // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2021. №3 (86). С. 47–56.
13. У Тин. Адаптация китайских студентов в российских вузах: проблемы, пути решения // Образование и право. 2020. №11. С. 187–190. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-11128.
14. Леденева В. Ю., Абдуллаев Р. С., Гусейнова Л. Д. Факторы социокультурной адаптации иностранных студентов из Азербайджана и Китая в российских вузах // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. №10. С. 118–134. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-10-118-134.
15. Лю Ш. Доминирующие факторы и проблемы самоутверждения китайских студентов в русскоязычной образовательной среде // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. №5 (109). С. 72–78. DOI: 10.24158/spp.2023.5.9.

References

1. The number of foreign students in the Russian Federation by the end of 2024 is estimated at 389 thousand. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22845895>.
2. Students from China in Russian universities: statistics and trends. URL: <https://baza-news.ru/nauka-i-tehnologii/studenty-iz-kitaya-v-rossiyskih-vuzah-statistika-i-tendencii>.
3. Dan Ch. Chinese student in a Russian university: trends in choice, problems of adaptation, formation of relationships. *Gumanitarnij Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2020; Vol. 9, 5: 162–173. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.5.13>
4. Kuznetsova O. V., Deryugin P. P., Kremnev E. V. Social adaptation of Chinese students in Russia as a management problem. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie = Scientific result. Sociology and management*. 2024; Vol. 10, 3 (10): 150–167. (In Russ.).
5. Maslov A. A. Prospects and opportunities for Russian universities to enter the Chinese educational market. Analytical note No. 40. 2022. RSDM.
6. Kuzmina E. S. Features of international academic abundance in the network interaction of Russian and Chinese universities in modern conditions: dis. ... Cand. of Social Sciences. Ekaterinburg, 2019. 143 p.
7. Arefyev A. L., Sheregi F. E. Education of foreign citizens in higher educational institutions of the Russian Federation: Stat. collection. Issue 10. Moscow: Center for Sociological Research, 2013. 139 p. 1CD ROM.
8. Fan F., Shuyi Zh., Tariq E. The role of prior intercultural learning in Chinese university students' crosscultural adaptation. *Pertanika: Social sciences & Humanities*. 2020; 28 (3): 1599–1619.
9. Wang D. The Cross-Cultural Academic Adaptation of Chinese Students in an American University: Academic Challenges, Influential Factors and Coping Strategies. *Research in Social Sciences*. 2022; 5 (1): 43–53.
10. Romanenko N.M., Gou T. Ways to Effectively Adapt Chinese Students to the Cultural and Educational Environment of Russian Universities. *Moskovskij pedagogicheskij zhurnal = Moscow Pedagogical Journal*. 2024; 2: 121–129. (In Russ.). DOI: [10.18384/2949-4974-2024-2-121-129](https://doi.org/10.18384/2949-4974-2024-2-121-129).
11. Dugina G.A., Malykh O.A. Study of International Academic Mobility in China in the Context of Difficulties in Intercultural Adaptation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psixologiya = Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Pedagogy and Psychology*. 2021; 2 (56): 8–22. (In Russ.). DOI: [10.25688/2076-9121.2021.56.2.01](https://doi.org/10.25688/2076-9121.2021.56.2.01).
12. Gavrilov P.S. Foreign students in Russian universities: adaptation problems (on the example of Chinese students). *Poisk: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sociologiya. Kul'tura = Search: Politics. Social science. Art. Sociology. Culture*. 2021; 3 (86): 47–56. (In Russ.).
13. Wu Ting. Adaptation of Chinese students in Russian universities: problems and solutions. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2020; 11: 187–190. (In Russ.). DOI: [10.24411/2076-1503-2020-11128](https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-11128).
14. Ledeneva V.Yu., Abdullaev R.S., Guseynova L.D. Factors of socio-cultural adaptation of foreign students from Azerbaijan and China in Russian universities. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2022; Vol. 31, 10: 118–134. (In Russ.). DOI: [10.31992/0869-3617-2022-31-10-118-134](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-10-118-134).
15. Liu Sh. Dominant factors and problems of self-affirmation of Chinese students in the Russian-language educational environment. *Obshchestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2023; 5 (109): 72–78. (In Russ.). DOI: [10.24158/spp.2023.5.9](https://doi.org/10.24158/spp.2023.5.9).

Научная статья

УДК 658.8, ББК 65.291.3,

© В. В. Мацько,

М. Г. Родионов

DOI: 10.24412/2225-8264-

10.24412/2225-8264-2025-1-821

Keywords: marketing, higher education, effectiveness, MRE (marketing return on equity), LTV (lifetime value), temporal analysis, ROI (return on investment), ROMI (return on marketing investment), ATL-communications, BTL-communications, TTL-communications.

Ключевые слова: маркетинг, высшее образование, эффективность, MRE (marketing return on equity), LTV (lifetime value), темпоральный анализ, ROI (return on investment), ROMI (return on marketing investment), ATL-коммуникации, BTL-коммуникации, TTL-коммуникации

¹Мацько Виталий Валерьевич — доктор маркетинга и коммуникаций, магистрант, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий (Россия, г. Омск, ул. 24 Северная, д. 196, кор. 1)
E-mail: v_matsko@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0755-2759

²Родионов Максим Георгиевич — кандидат экономических наук, доцент факультета очного обучения, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий (Россия, г. Омск, ул. 24 Северная, д. 196, кор. 1)
E-mail: rod_max@mail.ru

Поступила в редакцию:
4.07.2024

APPROACHES TO ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF MARKETING AND ADVERTISING ACTIVITIES IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Vitaly V. Matsko

PhD in Marketing and Communications, Master's student, Siberian Institute of Business and Information Technology

Maxim G. Rodionov

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Siberian Institute of Business and Information

Abstract. This article addresses the challenge of assessing marketing effectiveness in higher education institutions. The aim of the study is to develop a comprehensive approach to evaluating marketing effectiveness that considers not only short-term financial outcomes but also the long-term value of students as customers and the impact of time on marketing processes. The methods used include calculating the Marketing return on equity (MRE), Lifetime value (LTV), and temporal analysis. The outcome of the developed methodology is a comprehensive approach that allows for the evaluation of marketing tools by analyzing ATL, BTL, and TTL communication strategies, as well as forecasting long-term profits from student recruitment. The findings can be applied to higher education marketing practices to optimize marketing strategies and achieve strategic goals. The authors of the article conclude that in the context of increasing competition in the educational services market, traditional marketing effectiveness metrics (ROI, ROMI) are insufficient for fully understanding the value of marketing efforts. The comprehensive approach presented in this article, encompassing MRE, LTV, and temporal analysis, allows for a more accurate assessment of marketing effectiveness and makes it more strategically oriented.

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ МАРКЕТИНГОВОЙ И РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Мацько В. В.¹

Родионов М. Г.²

Аннотация. В статье рассмотрена проблема оценки эффективности маркетинговой деятельности в высших учебных заведениях. Целью работы является разработка комплексного подхода к оценке эффективности маркетинга, учитывающего не только краткосрочный финансовый результат, но и долгосрочную ценность студентов как клиентов, а также влияние временного фактора на маркетинговые процессы.

К используемым методам относятся расчет показателей Marketing Return on Equity (MRE), Lifetime Value (LTV) и темпоральный анализ. Результатом разработанной методики является комплексный подход, который позволяет оценить эффективность маркетинговых инструментов, анализируя ATL-, BTL- и TTL-коммуникации, а также прогнозировать долгосрочную прибыль от привлечения студентов.

Полученные результаты могут быть применены в практике маркетинга высших учебных заведений для оптимизации маркетинговых стратегий и достижения стратегических целей.

Авторы статьи пришли к следующим выводам: в условиях усиления конкуренции в сфере образовательных услуг, традиционные метрики оценки эффективности маркетинга (ROI, ROMI) недостаточны для полного понимания ценности маркетинговых усилий. Комплексный подход, предложенный в статье, включающий MRE, LTV и темпоральный анализ, позволяет более точно оценить эффективность маркетинговой деятельности и сделать ее более стратегически ориентированной.

Marketing effectiveness is the degree to which marketing goals and objectives are achieved, such as increased sales, attracting new customers, improving brand awareness, and so on. It can be measured using various indicators, such as return on marketing investment (ROMI), conversion rate, repeat sales rate, and others. Increased marketing effectiveness can be achieved by improving the quality of marketing materials, optimizing advertising campaigns, using more effective communication channels with customers, and so on.

A methodology for assessing the effectiveness of marketing and advertising activities is a set of tools and approaches that allow for analyzing and evaluating the effectiveness of marketing and advertising campaigns. This methodology helps determine how successfully an educational institution achieves its marketing and communication goals and allows for adjustments to improve results. The evaluation of the effectiveness of marketing and advertising activities includes elements such as price, sales volume, marketing costs, competition, and other factors that can affect the revenue of an educational institution. A methodology for evaluating the effectiveness of marketing activities allows for identifying the optimal parameters of a marketing strategy that ensure maximum revenue, considering the profile of the target segment.

The effectiveness of the marketing activities of an educational institution is an indicator that reflects the institution's ability to attract students, improve its reputation, and increase its competitiveness in the educational services market. The following indicators can be used to assess the effectiveness of marketing and advertising activities in an educational institution:

- Number of students attracted;
- Percentage of students who continue their studies after the first year;
- Level of student satisfaction with the quality of education;
- Ranking of the institution in international and national rankings;
- The institution's presence in social media and student activity;
- Effectiveness of advertising campaigns and activities to promote educational programs;
- Retention of the student body throughout the entire period of study;
- Employment in the chosen field;
- Student achievements.

The implementation of a methodology for evaluating the effectiveness of marketing and advertising activities in an educational institution is essential for the following reasons:

1. Increasing competitiveness: in the face of ever-increasing competition among universities, implementing an effective marketing strategy allows for attracting more students, increasing their interest, and consequently improving the institution's image and reputation.
2. Improving the quality of educational services: implementing a marketing model allows institutions to analyze the needs and preferences of their students and adjust curricula and programs accordingly.

3. Attracting additional funding: marketing can also help institutions attract additional funding sources, such as grants, donations, research contracts, and the possibility of targeted training.

4. Optimizing resource utilization: a marketing model allows for the efficient use of available resources, setting priorities, and developing strategies to achieve set goals.

5. Strengthening ties with partners and employers: effective marketing helps institutions establish and maintain relationships with potential employers and partners, which contributes to graduate employment and the development of cooperation in scientific research.

6. Creating a positive image of the institution: marketing events can help create a positive image of the institution, highlighting its strengths and advantages over competitors, which will contribute to attracting more applicants.

7. Improving the quality of applicant admission: with the help of marketing tools, an attractive image of the educational institution is formed, including through advertising activities to attract applicants with high scores on the Unified State Exam (USE). The USE score serves as a differential indicator to denote a qualitative criterion for applicant selection.

The indicators of effectiveness of marketing and advertising activities in an educational institution include the following aspects:

— Increased sales and revenue: this is the main indicator of the effectiveness of marketing and advertising activities. The change in sales volume of educational services is assessed after the completion of each admissions campaign:

1. Revenue from educational activities: revenue from providing educational services in accordance with the educational license [1, c. 172].

2. Expenses on educational activities: requirements for the implementation of a bachelor's program include general system requirements, requirements for material and technical and teaching-methodical support, requirements for personnel and financial conditions for implementing the bachelor's program, as well as requirements for the mechanisms used to evaluate the quality of educational activities and the training of students under the bachelor's program.

3. Revenue from research activities: this indicator includes revenue from the implementation of research projects, grants, research contracts, etc.

4. Expenses on research activities: this indicator includes costs for conducting scientific research, purchasing equipment, paying salaries to research personnel, etc.

5. Revenue from international activities: this indicator includes revenue from cooperation with foreign universities, organizations, grant providers, etc.

6. Expenses on international activities: this indicator includes costs for participation in international conferences, student and faculty exchange, processing international grants, etc.

7. Revenue from the use of property, including rental space: one of the indicators for assessing the effectiveness of marketing and advertising activities may be the receipt of revenue from the use of the institution's property.

8. Expenses on the maintenance and development of

the property of the educational institution: this indicator, along with the revenue indicator, should be considered in conjunction with other factors, such as the number of students attracted, the volume of research work, the level of student and employer satisfaction with the quality of educational services, etc.;

— Brand awareness and quality of positioning: this assesses the change in consumer awareness of the brand after an advertising campaign, career guidance events, and career development events. It is measured through surveys, tests, or analysis of search queries;

— Customer loyalty: this assesses the level of customer satisfaction with the services of the educational institution, as well as the willingness to recommend the institution to acquaintances. It is measured through surveys or analysis of customer reviews;

— Audience engagement: this assesses the level of audience interest in the institution's services. It is measured through analysis of user behavior on the educational institution's website, social networks, and other online platforms;

— Return on marketing investment (ROMI): this indicator evaluates the profitability of investments in marketing and advertising activities. It is calculated as the ratio of profit to the costs of conducting campaigns to attract applicants and build the image of the educational institution;

— Audience reach: this is the number of people who have seen advertising messages or interacted with marketing materials. It is measured using analytics systems, including BI systems, and tracking advertising campaigns.

The basis for creating a methodology for evaluating the effectiveness of marketing and advertising activities in an educational institution was the indicator of return on capital invested in marketing or the index of the ratio of expenses to income — MRE.

MRE (Marketing Return on Equity) takes into account not only marketing costs but also the overall value of the company. It is calculated as the ratio of profit from marketing activities to the company's equity. MRE helps to evaluate the effectiveness of using marketing investments and determine how these investments contribute to increasing the value of the company.

The MRE (Marketing Return on Equity) indicator includes the following components:

— Profit from marketing activities: this may include increased sales, attracting new customers, increasing market share, etc.;

— Company equity: this is the sum of all the company's assets minus its liabilities;

— Return on marketing investment: this is the ratio of profit from marketing to the company's equity.

This approach to calculating the return on marketing investment helps to determine the indicators of business success from the moment of its foundation, which demonstrates the strategic importance of this indicator.

In practice, when analyzing the effectiveness of a university's marketing activities, the basis for calculating this MRE indicator is (1) the ratio of marketing expenses for a certain period to the income for the same period:

$$MRE = \frac{C_t}{I_t} \quad (1)$$

where: $C(t)$ represents the total cost of marketing for a specific period,

$I(t)$ represent the total income generated during the same period

While MRE, ROI, and ROMI are all metrics used to assess the effectiveness of marketing and advertising campaigns, they exhibit distinct differences in their scope and focus:

— MRE (Marketing Return on Equity) considers the overall value of the company and the profit generated from marketing activities. It provides a comprehensive picture of how marketing investments contribute to the overall growth and value of the company;

— ROI (Return on Investment) is a more focused metric that measures the profitability of investments. It answers the question: «For every invested ruble, how much profit does it generate? »;

— ROMI (Return on Marketing Investment) is a specific indicator that measures the profitability of investments solely in marketing activities. This metric provides granular insights into the effectiveness of marketing campaigns and resources allocation.

The key differentiator for MRE lies in its inclusion of not only profit from marketing campaigns but also the company's equity. This allows for a more accurate assessment of the effectiveness of marketing investments, considering the company's overall financial health and value.

To accurately calculate MRE (Marketing Return on Equity), we must identify and quantify the various cost components involved in a university's marketing efforts. The following cost categories are crucial for a comprehensive MRE calculation:

— ACS (ATL-com. Cost of Student): this represents the total expenditure on attracting students through Above-the-Line (ATL) communication channels. ATL encompasses traditional advertising methods such as television and radio commercials, print advertising (newspapers, magazines), outdoor advertising (billboards, signage), and online advertising (targeting, contextual advertising). ATL marketing typically targets a broad audience without individual customization;

— BCS (BTL-com. Cost of Student [2, c. 404]): this includes expenses associated with organizing career guidance events, participating in exhibitions, hosting activities for prospective students, conducting university presentations, consulting with agents, sponsorships, promotional campaigns, and public relations (PR) events;

— W (wage): this represents the salary of marketing specialists employed by the institution;

— S (Software as a Service, SaaS): this encompasses costs related to software and services used for marketing activities, including admissions management systems, student retention tools, and online platforms;

— PS (Production staff): this covers the cost of services from professionals, agents, and regional representatives, as well as the salaries of other specialists who are not on the institution's payroll but perform outsourced tasks

for promoting the institution or managing the admissions process;

— OS (Overhead costs): these are indirect expenses that are not directly associated with the production of goods or services but are necessary for the institution's overall operation. In the context of higher education, overhead costs include expenses like office rentals for agents in other regions, travel costs (including accommodation and travel/relocation).

The income component of the MRE formula is represented by SA (attracted students) — the number of students successfully recruited through the allocated marketing budget. This income component represents the direct revenue generated by the marketing efforts to attract new students.

This detailed breakdown of cost components provides a more accurate and comprehensive basis for calculating MRE [3, c. 33], which in turn allows for a better understanding of the institution's overall marketing effectiveness and the value generated by these efforts.

Based on the previously outlined cost components, we can deduce that the Student Acquisition Cost (SAC) for a university is calculated by dividing the sum of those costs by the number of students successfully attracted through those marketing efforts. This allows for a granular analysis of acquisition costs not only for the overall university admissions campaign but also for specific learning formats (full-time, part-time, distance learning), areas of study, and educational levels.

For accurate data analysis, it is crucial to track the «customer journey» through feedback forms, applications, questionnaires, and other means of capturing student interaction. This helps to identify the specific marketing activities that contribute to attracting and retaining potential students.

Educational services possess a unique marketing landscape due to their inherent characteristics:

— Intangibility: educational services cannot be physically examined or experienced before enrollment. They are an abstract concept, making it challenging for potential students to fully grasp their value until they have experienced them directly;

— Inseparability: educational services are intrinsically linked to the educator and the institution. The service cannot be provided without the direct involvement of the faculty and the institution's resources;

— Variability: the quality of educational services can vary greatly depending on faculty expertise, the institution's resources and facilities, and other factors. This variability can be a challenge for marketing efforts, as consistency and quality assurance become paramount;

— Perishability: knowledge and skills acquired through education are not tangible assets that students own. This means that the value of the service is largely realized after completion of studies and through its impact on the student's career prospects;

— Demand Factors: the demand for educational services is influenced by a complex interplay of macroeconomic factors, including economic conditions, demographic trends, evolving job market demands, and social trends.

Further compounding these characteristics is the fact

that education is a long-term investment. Students often generate revenue for institutions over several years due to the extended nature of their educational journey. They can acquire multiple degrees and certifications, enhancing their market value and thus contributing to the institution's long-term revenue stream. This characteristic contributes significantly to the high Lifetime Value (LTV) associated with students as customers.

This comprehensive analysis of cost components, coupled with the understanding of the unique marketing challenges presented by higher education, sets the foundation for a more robust assessment of marketing effectiveness in this sector. It emphasizes the importance of considering not just immediate returns but also the long-term impact of marketing investments on student retention, institutional value, and the overall success of educational institutions.

Lifetime Value (LTV) is a key metric that reflects the total revenue a customer generates for a company throughout their entire relationship with the company [4, c.345]. In the context of higher education, LTV represents the total revenue a student contributes to the institution over their entire period of study, taking into account factors like educational level, study format, and learning modality.

This metric is crucial when assessing marketing effectiveness in higher education because marketing expenditures can have a different time horizon than the revenue they generate. LTV allows institutions to evaluate the effectiveness of marketing campaigns and student acquisition channels, as well as plan budgets for attracting new students based on their projected long-term value. Therefore, LTV is an integral component of any comprehensive methodology for assessing the quality and effectiveness of an educational institution's marketing and advertising activities.

In marketing, LTV enables institutions to predict the timeframe for recouping marketing and advertising investments and project the future profits generated by expanding the student base over time (2). A positive difference in the numerator (revenue) signifies a direct correlation with the denominator (LTV). This indicates that the concept of payback period incorporates a temporal element.

$$LTV_t = \frac{I_t - mC_t}{SA_t} \quad (2)$$

where: t - represents the calculated period (academic year), I - represents income, and mC - represents marketing expenses

In the context of marketing, this temporality can be utilized for analyzing and evaluating the dynamic changes in various indicators, such as revenue, expenses, profit, and so forth, over time. Temporal analysis serves as a crucial method for assessing the economic effectiveness of marketing activities, helping to identify trends and patterns in the institution's development and ultimately forecasting its future trajectory.

By incorporating LTV and temporal analysis into their marketing strategies, higher education institutions can gain a more comprehensive understanding of the long-term value of their marketing efforts and make more informed decisions about resource allocation and investment. This

approach allows for a more holistic and strategic view of marketing effectiveness in the higher education landscape.

Within this framework, the LTV (Lifetime Value) metric can be effectively calculated through a cohort analysis approach. Cohort analysis examines groups of individuals with similar characteristics who have taken a specific action during a defined time period. In the context of university admissions, this enables us to calculate the projected revenue generated by cohorts of students admitted to specific learning formats, educational levels, or program areas.

Possessing data on both LTV and SAC (Student Acquisition Cost) allows for a comprehensive evaluation of customer quality and the payback period for acquisition costs. This assessment is derived from the ratio of these two key metrics:

This approach provides a powerful tool for institutions to understand not only the immediate financial impact of student acquisition but also the long-term value they bring to the institution (3). By effectively combining LTV and SAC data, institutions can make more informed decisions regarding marketing strategies, resource allocation, and overall student recruitment efforts.

$$\text{Payback}_t = \frac{\text{LTV}_t}{\text{SAC}_t} \quad (3)$$

A 1:1 ratio indicates that the cost of attracting a student is equal to the revenue generated by that student. In such a scenario, the university needs to re-evaluate its marketing strategy. An optimal ratio is generally considered to be 3:1 or higher.

This proposed methodology for evaluating effectiveness is notable for its flexibility, allowing for assessments of both marketing and advertising activities through the analysis of ATL, BTL, and TTL communication strategies.

This formula serves as an alternative to traditional ROI and ROMI metrics and enables the analysis of performance indicators not only for advertising campaigns over a specific period but also for individual advertising tools within both external and internal communication strategies employed by the educational institution. The formula's unique characteristic lies in its ability to segment marketing communications into distinct groups and refine the quality of impact that tools have on specific audiences. It allows for evaluating the effectiveness and financial benefits of each communication group within a specific time frame for the university.

This approach, encompassing MRE, LTV, and temporal analysis, provides a robust framework for assessing and optimizing marketing efforts in higher education, moving beyond traditional metrics to offer a more nuanced and comprehensive understanding of value generation and strategic impact.

Список источников

1. Берк В. В., Моисеенко Д. Д. Показатели эффективности маркетинговой деятельности предприятия // Маркетинг в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Издательство «Наука», 2019. С. 172.
2. Полякова Н. В., Пинчук П. Р. Проблемы продвижения образовательных услуг вуза // Интеллектуальный и ресурсный потенциалы регионов: активизация и повышение эффективности использования: материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2019. С. 404.
3. Павлецова Г. А., Тимова Н. А. Показатели оценки эффективности маркетинговой деятельности // Интернаука. 2022. № 34-2(257). С. 33.
4. Бутусова Д. А. Управление омниканальными маркетинговыми коммуникациями: сущность и показатели эффективности // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации: материалы XIII Международной научно-практической конференции (Москва, 2023). Махачкала: ООО «Издательство АЛЕФ», 2023. С. 345.
5. Sealey D. A briefing on Managing Omnichannel retail / Smart insights. URL: <http://www.smartinsights.com/online-brand-strategy/multichannelstrategies/a-briefing-on-managing-omnichannel-retail> (дата обращения 03.07.2024).

References

1. Berk V. V., Moiseenko D. D. Indicators of marketing performance of the enterprise // Marketing in the 21st Century: Current Problems and Perspectives: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow: Nauka Publishing House, 2019. P. 172.
2. Polyakova N. V., Pinchuk P. R. Problems of promoting educational services of a university // Intellectual and Resource Potentials of Regions: Activation and Enhancement of Efficiency of Use: Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk: Baikal State University, 2019. P. 404.
3. Pavletcova G. A., Timova N. A. Indicators of marketing performance evaluation. *Internauka = Interscience*. 2022; 34-2(257): 33. (In Russ.).
4. Butusova D. A. Omnichannel Marketing Communication Management: Essence and Performance Indicators // Modern Trends in the Development of Science and the World Community in the Age of Digitalization: Proceedings of the XIII International Scientific and Practical Conference (Moscow, 2023). Makhachkala: OOO «Izdatelstvo ALEF», 2023. P. 345.
5. Sealey D. A briefing on Managing Omnichannel retail / Smart insights. URL: <http://www.smartinsights.com/online-brand-strategy/multichannelstrategies/a-briefing-on-managing-omnichannel-retail> (дата обращения 03.07.2024).

Научная статья

УДК 338.45, ББК 65.304

© А. Е. Миллер

DOI: 10.24412/2225-8264-10.24412/2225-8264-2025-1-941

Ключевые слова: управление рисками, экономическая безопасность, сценарный подход, организация, вызовы, угрозы

Keywords: risk management, economic security, scenario approach, organization, challenges, threats

СЦЕНАРНЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ РИСКАМИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Миллер А. Е.¹

Аннотация. В статье отражены результаты исследования проблемных вопросов, раскрывающих специфические черты сценариев управления рисками с учетом критериев достижения экономической безопасности организации. Рассматриваемая методология сценариев управления рисками предопределила возможность зафиксировать их ключевые этапы: идентификация, анализ, прогнозирование и мониторинг рисков. Цель исследования представляет собой определение зависимости производственной деятельности хозяйствующего субъекта от дестабилизирующих факторов в виде вызовов, угроз и рисков, а также выявление инструментальных методов управления рисками и причин изменения экономической безопасности организации в следствии отрицательного воздействия тех или иных угроз. Определены следующие задачи исследования: обосновать теоретические аспекты управления рисками; выявить методы обеспечения экономической безопасности организации в условиях глобальных вызовов и внешних угроз; исследовать методический инструментарий сценариев управления рисками. В качестве методологического инструментария применены процессный и сценарный подходы. Для целей получения необходимых результатов использованы методы описания, обобщения, конструирования, сравнительный анализ и метод логики. Результатами исследования следует считать: обоснование сущности и содержания понятия «сценарий управления рисками», позволяющее изменить подходы к принимаемым управленческим решениям в условиях неопределенности и изменчивости; разработка сценария управления рисками, включающего этапы, каждый из которых подвержен циклическому повторению, а сам процесс управления реализуется непрерывно и неизменно во времени.

¹Миллер Александр Емельянович — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансов, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Россия, г. Омск, проспект Мира, д. 55-А)
E-mail: aem55@yandex.ru)

A SCENARIO-BASED APPROACH TO RISK MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF AN ORGANIZATION'S ECONOMIC SECURITY

Alexander E. Miller

Doctor of Economic Sciences, Professor, Dostoevsky Omsk State University

Abstract. The article reflects the results of a study of problematic issues that reveal the specific features of risk management scenarios, taking into account the criteria for achieving the economic security of the organization. The considered methodology of risk management scenarios has predetermined the possibility to fix their key stages: identification, analysis, forecasting and monitoring of risks. The purpose of the study is to determine the dependence of the production activity of an economic entity on destabilizing factors in the form of challenges, threats and risks, as well as to identify instrumental risk management methods and the causes of changes in the economic security of the organization as a result of the negative impact of certain threats. The following research objectives are defined: to substantiate the theoretical aspects of risk management; to identify methods for ensuring the economic security of an organization in the face of global challenges and external threats; to explore the methodological tools of risk management scenarios. Process and scenario approaches are used as methodological tools. In order to obtain the necessary results, the methods of description, generalization, construction, comparative analysis and the method of logic were used. The results of the study should be considered as: substantiation of the essence and content of the concept of «risk management scenario», which allows changing approaches to management decisions in conditions of uncertainty and variability; development of a risk management scenario that includes stages, each of which is subject to cyclical repetition, and the management process itself is implemented continuously and invariably over time.

Поступила в редакцию:
29.01.2025

ВВЕДЕНИЕ

В процессе осуществления своей деятельности подавляющее большинство организаций сталкиваются с рисками, разрешение которых, как правило, может иметь несколько вариантов. В свою очередь, каждый из вариантов разрешения конкретного риска может по-разному сказаться на деятельности организации и привести её к различным результатам, как к потере производственных ресурсов, прибыли, доведения производственно-хозяйственной деятельности до критического уровня, так и к новым возможностям в виде положительного экономического результата.

В сложившихся современных условиях, когда экономика является достаточно нестабильной, происходит расширение области, в которой возникают новые рискованные ситуации, содержащие в себе неопределенность и неизвестность ожидаемого конечного результата. В такой ситуации от каждого управленческого решения будет зависеть сохранность производственных ресурсов, а также возможность получения им достаточного уровня доходов, позволяющих компенсировать влияние рисков организации. Для этого необходимо проводить мониторинг рисков, их анализ, давать оценку вероятности их возникновения рисков, а также определять величину непредвиденного ущерба, чтобы избиваться или же минимизировать всевозможные негативные последствия рискованных ситуаций.

Способность предвидеть возникновение рисков в производственной деятельности, производить оценку масштабов и ущерба данных рисков, дает возможность организации осуществлять своевременное планирование мероприятий, направленных на устранение рисков, которые не будут угрожать экономической безопасности организации и получению ей прибыли.

Актуальность исследования проблем управления рисками в контексте экономической безопасности организации состоит в выявлении главных причин существующих в организации проблем:

- своевременном установлении основных источников угроз, создающих препятствия в ходе достижения целей, поставленные организацией;

- оперативном сборе всей необходимой информации об источниках угроз, достаточной для принятия правильного и взвешенного управленческого решения в соответствии с заданными критериями;

- превентивном нивелировании ситуаций, связанных с возможностью появления новых рисков для организации, способных нанести значительный ущерб производственной деятельности или принятие мер снижения их влияния;

- выборе результативных методов управления рисками организации, наиболее подходящих для каждой конкретной рисковой ситуации.

Исследование проблематики управления рисками организации в условиях ограничительных мер конкретизируется по причине сложившейся конъюнктуры:

- способности организации эффективно управлять рисками и находить новые возможности для роста производства;

- активно использования своих конкурентных

преимуществ, а также оперативного адаптирования и реагирования на изменения в глобальной экономике;

- своевременно учета глобальных вызовов, связанных с конкуренцией на рынке производства, и ориентированных на поддержание устойчивого развития, энергоэффективной и экологически чистой продукции, пользующейся повышенным спросом.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В настоящий момент в экономической среде нет ни одной организации, которая бы не столкнулась в ходе осуществления своей деятельности с рисками, которые зачастую не имеют одного конкретного решения. Но при этом возникает необходимость обязательного выбора того или иного варианта разрешения риска из нескольких, каждый из которых может привести к различным результатам. В этой связи определенный интерес представляют исследования, направленные на выявление сущностного содержания и элементов риска организации [1–5]. При этом, позиции авторов незначительно отличаются друг от друга, поскольку в них присутствуют общие элементы или черты риска. В развитие проводимых исследований актуализируются подходы, связанные с выявлением положительных и отрицательных составляющих риска организации, а также наличием условий существования бескризисных ситуаций [6–8]. Необходимо подчеркнуть, что для поддержания необходимого уровня экономической безопасности, в ходе осуществления деятельности хозяйствующие субъекты должны постоянно приспосабливаться к условиям окружающей среды, которые регулярно изменяются. Такая ситуация приводит к появлению большого множества причин и дестабилизирующих факторов рисков организации [9–11]. Необходимо учесть тот факт, что на сегодняшний момент в научной литературе не существует единой общепризнанной классификации рисков организации. Существующие исследования позволяют констатировать наличие определенного критерия или признака, по которому происходит группировка рисков организации [12–14]. Значимым выводом является факт, что сложившаяся на данный момент ситуация в экономике, расширяет границы возможных угроз, которые влияют на хозяйственную деятельность организаций. Именно поэтому организации, как хозяйствующие субъекты, должны осуществлять мониторинг на постоянной основе, чтобы оперативно выявлять риски, а также выбирать методы сценарного управления ими [15–19]. От правильности принятия управленческих решений и выбора определенных методов управления рисками организации зависит её экономическая безопасность, сохранность ресурсов, а также вероятность получения прибыли, которая позволит компенсировать негативное влияние рисков.

Методы исследования

При проведении исследования были применены следующие методы. Методы описания и обобщения использованы для выявления видов рисков, присущих организации. С помощью метода конструирования сформулировано и аргументировано ключевое поня-

тие исследование «сценарий управления рисками», что позволила расширить представление о сущностном содержании рисков организации. Сравнительный анализ и метод обобщения информации позволили исследовать точки зрения авторов относительно элементов и основных признаков рисков организации, сгруппировать их в более узкие по определенным критериям. Благодаря методу логики дана аргументация целесообразности поэтапного построения сценария управления рисками. Основу методологических подходов, примененных в исследовании, составляют принципы процессного и сценарного подходов. Основываясь на принципах сценарного подхода раскрыто содержание каждого этапа управления рисками, определены источники возникновения угроз и обоснована современная среда экономической безопасности. Процессный подход позволил рассматривать исследуемые вопросы в структурированном виде, каждый элемент управления рисками во взаимосвязи и взаимозависимости.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Формирование сценариев управления рисками на данный момент является важным звеном в процессе поддержания экономической безопасности организации, позволяющей бесперебойно осуществлять хозяйственную деятельность, так как именно от поддержания рискованных ситуаций на допустимом уровне зависит успех развития организации, в том числе в части финансового благополучия, сохранности ресурсов, высокого качества производимой продукции, повышения производительности. Но стоит отметить, что не существует единого и универсального методического инструментария регулирования рисков, который был бы общепризнанным, позволял учитывать весь спектр рисков, оказывающих отрицательное влияние на безопасность деятельности организации, его экономические и финансовые показатели, и позволял проводить оценивание уровня возможного ущерба. Таким образом, можно констатировать, что под сценарием управления рисками необходимо понимать определенную совокупность взаимосвязанных процессов и последовательности шагов, обеспечивающих эффективность принимаемых управленческих решений в условиях неопределенности и изменчивости, потенциально возможные в экономическо-финансовой среде организации.

Деятельность любой организации включает в себя набор определенных рисков. Большую степень влияния на перечень рисков оказывает отраслевая принадлежность, в рамках которой функционирует конкретная организация. Это обусловлено тем, что степень влияния и тяжесть ущерба определенных рисков в каждой отрасли имеет специфический характер. Кроме этого, на перечень рисков организации существенное влияние оказывают современные вызовы и угрозы, особенно в экономической сфере. Современные вызовы и угрозы стимулируют процессы, связанные с актуализацией учетных и оценочных процедур уровня рисков и их влияния на экономическую безопасность организации. Кроме этого, становится необходимым разработка сценариев нивелирования потенциально

возможных рисков, в том числе сценариев, способных прогнозировать временной лаг возникновения вызовов и угроз.

В целях нивелирования возможных рисков и угроз в деятельности организации, необходима разработка сценария, который будет включать в себя все этапы управления рисками, каждый из которых должен подвержен цикличному повторению, а сам процесс управления целесообразно сформировать непрерывным и неизменным во времени. Известно, что большинство организаций функционируют в условиях непрерывного воздействия на них постоянно меняющихся внешних вызовов и угроз. Это способствует появлению всё новых и новых видов рисков, а также к смене их приоритетности и степени влияния на экономическую безопасность организации.

Если организация в ходе своей деятельности не будет производить детальную оценку каждого риска, а также оперативно разрабатывать сценарии воздействия на них с целью снижения степени их влияния и/или степени ущерба, который может быть потенциально нанесен, то в таком случае у организации велика вероятность получения большой суммы убытков, которые могут нанести значительный ущерб производственной деятельности, привести к резкому снижению уровня экономической безопасности организации, доведения его производственно-хозяйственной деятельности до критического уровня.

Исходя из этого, сценарий управления рисками организации будет включать в себя четыре ключевых этапа:

1. Идентификация рисков, функционально ориентирован на выявление и фиксацию всего перечня ожидаемых рисков.
2. Анализ рисков, направленный на определение степени влияния и опасности внешних вызовов и угроз.
3. Прогнозирование рисков, предполагающего формирование сценария оперативного планирования и прогнозирования возникновения потенциально возможных вызовов и угроз, а также разработку плана мероприятий по их нивелированию или нейтрализации, исходя из каждой конкретной рискованной ситуации.
4. Мониторинг рисков, который необходим для превентивного отслеживания всего перечня актуальных вызовов и угроз, ориентированного на обеспечение бесперебойной безубыточной деятельности организации и поддержаний уровня экономической безопасности на максимально необходимом уровне.

Назначение первого этапа состоит в структурировании внутренних и внешних рисков по направлениям деятельности организации: производственной, вспомогательной и обеспечивающей. По таком подходе, риски, связанные с производственной деятельностью, можно классифицировать так технологические риски; риски, связанные с поломками и техническими неисправностями основных фондов, участвующих в основном производственном процессе по производству продукции, оказанию услуг и выполнения работ; аварийные риски, связанные с производством профильной продукции. Среди рисков, характерных для вспомогательной деятельности, выделяются риски, связанные с

Таблица 1

Матрица рисков организации

Качественная оценка рисков организации				
Вероятность возникновения риска	Степень ущерба			
	Слабая	Умеренная	Сильная	Критичная
Вероятно	–	правовые риски	сбытовой риск логистический риск	–
Возможно	–	риск конкуренции	производственный риск кредитный риск	риск ликвидности
Маловероятно	–	–	–	–
Невозможно	–	–	–	–

Источник: составлено на основе первичных экспертных оценок АО «Омский ЭМЗ» [20]

невыполнение сроков ремонта основных фондов; риски, вызванные перебоями в электроснабжении основного производства; аварийные риски вспомогательных систем. Немаловажную роль играют риски обеспечивающей деятельности: сбой в работе информационных систем; ошибки специалистов обслуживающих служб, а также риски, вызванные нарушениями графиков поставок, прямые отказы поставщиков и партнеров или риски, связанные с их банкротством и финансовой неплатежеспособностью.

К внешним рискам, способным привести к нарушению производственного процесса организации, можно отнести: неисполнение заключенных контрактов, изменение конъюнктуры рынка; изменение конкурентной ситуации; возникновение незапланированных расходов и падение доходов; потеря имущества организации; рост величины невостребованной готовой продукции; иные риски, включая форс-мажорные.

Наличие широкого перечня ожидаемых рисков неизбежно приводит к корректировке целей, связанных с их управлением. Это потребует тщательного исследования и анализа экономической конъюнктуры, определения возможностей и потребностей организации в складывающихся условиях. Следует констатировать, что изменение целевой направленности в деятельности организации, напрямую связано с достижением конкретных результатов в нивелировании рисков ситуаций и обеспечением экономической безопасности.

Этап, связанный с анализом рисков, включает в себя качественный и количественный анализы. Этот этап ориентирован на выявления рисков организации, способных оказывать наибольшее влияние на угрозу наступления рисков производственного характера. Исследования показали, что существенное влияние на сохранение и поддержания бесперебойной деятельности организации оказывают следующие риски: риск ликвидности; кредитный риск; сбытовой риск; логистический риск; риск конкуренции; правовые риски. Для этих целей разработана специальная шкала оценивания всего перечня рисков организации. К разработке такой шкалы были привлечены эксперты. Чтобы оценивание было достоверным, а информация объективной, в составе экспертов включались работники, хорошо знакомые со спецификой и особенностями деятельности организации. В первую очередь к числу основных претендентов в эксперты были отнесены те работники, которые имеют большой опыт работы в организации,

знают сильные и слабые стороны, отличительные черты производственной деятельности. Но главным условием является то, что претенденты в эксперты имеют непосредственное отношение к рискам организации, работают с ними, понимают причины их возникновения, а также их потенциальную угрозу, которая исходит от каждого из рисков.

Для целей определения степени нанесения возможного ущерба хозяйственной деятельности экспертным путем была разработана матрица рисков организации (табл. 1).

Исходя из таблицы 1, видно, что наиболее опасным риском является риск ликвидности, который способен нанести деятельности организации максимальный ущерб. Существенную угрозу для организации представляют также такие риски, как сбытовой, логистический, производственный и кредитный. Менее опасными являются правовые риски и риск конкуренции. Важно отметить, что каждый из исследованных рисков способен нанести серьезный материальный и финансовый ущерб деятельности организации, привести к потере прибыли, а также вызвать снижение качества производимой продукции.

Так, правовые риски связаны с изменением законодательства в части ужесточения экологических норм, что может существенно сказаться на технологических процессах горячего цинкования, связанных с повышением экологических требований к выбросам. Высокая конкуренция среди производителей во многом зависит от применения альтернативных методов защиты металлоконструкций, таких как порошковое покрытие, антикоррозийное окрашивание, что в конечном счете может привести к снижению доли организации на рынке горячего цинкования.

Сбытовой риск напрямую зависит от изменения цен на цинк и компоненты расплава, что может отрицательно повлиять на стоимость услуг горячего цинкования и негативно сказаться на спросе металлоконструкций. Наличие внешних вызовов в форме санкционных ограничений, затрудняют организацию, как доставки товаров зарубежным партнерам, так и выбор оптимальных маршрутов и методов транспортировки, что, в конечном счете, приводит к дополнительным инвестиционным вложениям в транспортную инфраструктуру, транспортные маршруты, удорожанию экспортных операций. Одним из способов разрешения данной проблемы и снижения степени влияния данного риска

может являться поиск новых каналов сбыта продукции. Как вариант, осуществить переориентацию экспортных поставок АО «Омский ЭМЗ» с европейского рынка на азиатские. Данные направления могут считаться приоритетными в части снижения угрозы сбытового риска. Смена рынков сбыта значительно уменьшит степень влияния сбытового риска на деятельность организации, позволят ему продолжать функционировать и получать прибыль.

Так же еще одной из серьезных проблем является логистический риск, который заключается в срыве поставок. Данный риск также связан с влиянием санкций, в результате которых произошла потеря части рынка горячего цинкования, приносящего основную долю доходов организации, а также удорожанию материалов, необходимых для нормального функционирования производства. Выходом из данной ситуации может быть поиск новых поставщиков материалов, которые находятся как на территории России, так и за ее пределами. При этом важно производить оценку и ранжирование поставщиков, для того чтобы выявлять недобросовестных и ненадежных контрагентов. Для любой организации оценка поставщиков является важным элементом в ходе осуществления ее деятельности, а для этого необходим сбор информации о поставщике для того, чтобы понять: как долго он функционирует на рынке; какое впечатление сложилось о нем как о поставщике на рынке по мнению других заказчиков; не находится ли он на стадии банкротства; как быстро он исполняет договор поставки; каков объем максимальной поставки; отвечает ли требованиям качества поставляемой им продукция; соответствует ли цена качеству и наоборот; какие существуют гарантии в случае срыва поставки и т. д.

Исходя из того, насколько поставщик будет надежным и добросовестным, будет зависеть работа самой организации, выступающей в роли заказчика, а также финансовые показатели ее деятельности. Организация может значительно пострадать из-за недобросовестных поставщиков, что в дальнейшем может отразиться на репутации данного партнера-заказчика. Основными критериями при выборе поставщиков на рынке должны являться: цена, которую поставщик устанавливает на конкретную продукцию; качество поставляемой продукции; срок поставки и ее стабильность. Указанные критерии должны стать главными и основными при выборе поставщиков. Каждая организация вправе выбрать свои критерии оценки поставщиков, которые позволят ей получить необходимую и полную информацию, позволяющую сделать выводы по поводу возможного сотрудничества, а также разрывы взаимоотношений в связи с несоответствием выбранным критериям, а следовательно, низким рейтингом поставщика. Важно, что оценка поставщиков должна быть комплексной и осуществляться группой экспертов организации, которые имеют большой опыт работы на нем, в курсе всех нюансов деятельности предприятия.

Как правило, организации в процессе оценки поставщиков используют метод рейтинговых оценок, в который будут включены наиболее значимые критерии оценки, а именно: цена поставляемой продукции;

качество поставляемой продукции; соблюдение сроков поставки; лояльность поставщиков (их реакция на претензии, замена брака и возмещение денежных средств); продолжительность работы с поставщиком; финансовое состояние поставщика. Осуществляется оценка каждого из поставщиков по данным критериям, которые имеют свой удельный вес. Данная оценка осуществляется по пятибалльной шкале (от наиболее худшего к лучшему). Итоговое значение по всем критериям для каждого из поставщиков позволит определить того, кто является наиболее надежным и добросовестным, с кем можно продолжать свое сотрудничество без последствий, которые могут негативно сказаться на деятельности организации и ее репутации. Одним из вариантов работы с недобросовестными поставщиками может стать система штрафов в связи с нарушением срока поставки. Важно отметить, что в соответствии с законодательством Российской Федерации штраф за один просроченный день не может превышать 1% от общей стоимости поставки. Такая мера простимулирует поставщиков продукции, будет способствовать соблюдению сроков поставки и недопущению дополнительных расходов со своей стороны.

Кредитный риск подвержен влиянию возможных колебаний депозитной и кредитной процентной ставки Банка России. Наличие зарубежных партнеров усиливает последствия кредитного риска, поскольку ожидаемые объемы доходов от хозяйственной деятельности могут снижаться еще и из-за колебания курсов иностранных валют.

Следует также подчеркнуть, что собственно производственный риск носит вероятностно возможный характер, но в случае его допущения может привести к серьезным материальным и финансовым последствиям. Проведенный анализ показал, что нивелирование угроз, связанных с возникновением производственных рисков можно осуществлять по двум направлениям: путем принятия превентивных или оперативных мер. Если превентивные меры в значительной степени связаны с мероприятиями предварительного плана, носящих предупредительный и заблаговременный характер, то мероприятия, относимые к оперативным мерам, осуществляются непосредственно во временном периоде осуществляемого производственного процесса. Именно эти угрозы способны вызвать производственные риски с высокой степенью нанесения ущерба (см. рис. 1).

Расчетным методом, используя данные первичного учета АО «Омский ЭМЗ» установлено, что принятие, как превентивных, так и оперативных мер нивелирования угроз возникновения производственных рисков, позволяет организации избежать реального экономического ущерба на сумму 86,3 млн. руб.

Наибольшую опасность для организации представляет риск ликвидности, который подразумевает под собой проблемы, связанные с невозможностью организацией выполнять свои финансовые обязательства. Большое влияние на ликвидность организации оказывает дебиторская задолженность. Так, по открытым данным АО «Омский ЭМЗ», динамика дебиторской задолженности носит нестабильный характер, что приве-

Рис. 1. Меры нивелирования угроз возникновения производственного риска

Источник: составлено автором

ло к ее росту за 2022–2023 гг. на 37,42 %. Данный рост следует считать достаточно большим, что является отрицательным моментом в деятельности организации.

В практике деятельности производители металлических конструкций, изделий и их частей испытывают трудности в ходе своей производственно-хозяйственной деятельности в связи с дебиторской задолженностью, в результате чего испытывают нехватку оборотных средств. Также дебиторская задолженность затрудняет расширение производственных мощностей. Увеличение дебиторской задолженности в структуре баланса связано с тем, что большинство потребителей работают только на условиях отсрочки платежа.

Для решения вопросов, вызванных сложившейся ситуацией по дебиторской задолженности, можно воспользоваться преимуществами факторинга, который представляет собой услугу по финансированию на условии уступки денежного требования. Иными словами, возникающие риски передаются третьему лицу, который имеет возможности по их минимизации. В факторинге всегда участвуют три стороны: производитель продукции, который испытывает трудности в виде недостатка оборотных средств в ходе своей деятельности; потребитель, который функционирует на условиях отсрочки платежа; фактор (банк) — третья сторона, которая осуществляет финансирование с переуступкой дебиторской задолженности. Исследования, проведенные среди российских банков, позволили установить, что наиболее выгодные условия факторинга на сегодняшний день предлагает ПАО «Сбербанк». Выгода заключается в том, что банк может профинансировать до 95% от суммы дебиторской задолженности. Взимаемая комиссия за предоставляемую услугу для каждой сделки рассчитывается индивидуально и не превышает 1,5% [21].

Исходя из расчетных данных, в случае применения организацией факторинга дебиторской задолженности, она сможет привлечь более полумиллиона рублей. Тем самым, услуга факторинга дебиторской задолженности позволит улучшить положение АО «Омский ЭМЗ», снизить степень влияния риска ликвидности, а, одно-

временно с ним, и кредитного риска. Дополнительные денежные средства будут направлены на приобретение современного оборудования, которое необходимо осуществления основного вида деятельности, а также комплектующих и запчастей к ним; приобретение необходимых материалов; ремонт эксплуатируемого оборудования; проведение научных исследований и опытно-конструкторских разработок, что также будет способствовать снижению вероятности возникновения рисков организации.

Третий этап ориентирован на составление вариантов сценариев оперативного планирования и прогнозирования возникновения потенциально возможных вызовов и угроз. В большей степени данный этап связан с выбором методов воздействия на риски организации. Данный этап играет важную роль в прогнозном процессе конкретизации рисков, поскольку выбор того или иного метода конкретизации рисков сказывается на итоговых финансовых результатах деятельности организации, на уровне качества производимой продукции, на ресурсном обеспечении организации и на её репутации в целом.

Выбор методов воздействия на риски организации напрямую связан с процессом принятия управленческих решений, формированием плановой и прогнозной стратегий, которые позволяют осуществлять комплексное управление всеми рисками организации. В настоящее время все плановые и прогнозные методы оценки рисков, которым подвержена организация, можно разделить на две большие группы: качественные и количественные. Для целей исследования, наибольший интерес представляют количественные методы, представляющие собой аналитический инструментарий, позволяющий оценить вероятность появления угроз в виде потери материальных, трудовых, финансовых, интеллектуальных и иных ресурсов организации, способных стать причинами рисков организации. Количественные методы оценки рисков состоят из численного определения: степени влияния конкретных рисков на деятельность организации; степени влияния факторов рисков; вероятности наступления того или иного ри-

ска; величины ущерба наступившего риска; уровень конкретного риска, который будет являться допустимым для каждой конкретной ситуации. Соответственно основной задачей методов количественной оценки рисков, которым подвержена организация, будет являться численное измерение степени влияния каждого фактора конкретного риска на финансовые результаты организации. Для этого следует структурировать количественные методы оценки рисков и обосновать их функциональное назначение (табл. 2).

Выбор какого-то конкретного количественного метода оценки рисков организации в значительной мере зависит от совокупности факторов: как часто тот или иной риск, которому подвержена организация, имеет вероятность появления, какова степень влияния каждого риска на результаты деятельности организации и т. д. Такое разнообразие в существующих методах оценки рисков организации подводит к тому, что руководство организации должно производить их тщательный отбор. Следует подчеркнуть, что оценка рисков организации должна проводиться комплексно, то есть при использовании как качественных методов оценки, так и количественных. Это позволит дать более точную

оценку вероятности появления тех или иных рисков организации, определить степень их влияния, а также всевозможные последствия и сценарии развития ситуации в дальнейшем. Все это возможно в том случае, если система оценки всего спектра рисков организации работает эффективно

В связи с неизбежностью возникновения вызовов, оказывающих влияние на деятельность организации в контексте экономической безопасности, появляется необходимость осуществления постоянного отслеживания угроз бесперебойной безубыточной деятельности путем мониторинга рисков организации, что является содержанием четвертого этапа.

В ходе выявления значимости возникновения и проявления рисков, возникает необходимость конкретизации вектора исследования, относящегося к оценке состояния среды экономической безопасности [21], внутри которой организация осуществляет производственную деятельность (см. рис. 2).

Рассматривая организацию как микроуровень экономической безопасности, к определяющими необходимо считать вызовы, угрозы и риски. Так, неустойчивый и непредсказуемый характер поведения внешней

Таблица 2

Количественные методы оценки рисков организации

№ п/п	Наименование метода	Функциональное назначение метода
1	Статистический метод	Суть — позволяет выявить вероятность появления того или иного риска, а также установить величину каждого из них. К положительным моментам относится возможность анализа и оценки данных статистики конкретной организации, с высокой точностью определить наличие вероятности потерь, которые могут быть вызваны конкретными видами рисков. Недостатки: метод не всегда возможно использовать, потому что, во-первых, отсутствует необходимый массив статистической информации, а, во-вторых, метод основывается на статистике прошлых лет, хотя оценка рисков относится к событиям в будущем, которые возникают под воздействием изменяющейся конъюнктуры рынка.
2	Метод проверки устойчивости (анализ чувствительности)	Суть — применяется, чтобы определить факторы, которые в значительной степени оказали влияние на итоги запланированных мероприятий. Это необходимо для того, чтобы сравнить разные варианты развития событий. В случае, когда показатель эффективности сценарного варианта существенно реагирует на изменение фактора, то такой вариант в большей степени подвержен влиянию рисков. Соответственно, выбор будет отдан тем сценарным вариантам, которые меньше реагируют на изменения.
3	Метод сценариев	Суть — разрабатываются сценарии развития определенных событий. Осуществляется группировка сценарных вариантов, их анализ, исходя из которого возможно выбрать рациональную стратегию воздействия на рисковую ситуацию. Преимущества: можно производить оценку влияния сразу несколько параметров на итоговые результаты конкретного варианта посредством планирования наступления каждого из видов сценария. Недостатки: слабая согласованность сценариев.
4	Метод целесообразности затрат	Суть — основывается на определении критического уровня объема производства или продаж. Позволяет определить такой объем выпускаемой продукции, при котором прибыль будет равняться нулю. Важно, что все затраты, связанные с производством продукции, делятся на постоянные и переменные.
5	Метод оценки платежеспособности и финансовой устойчивости	Суть — основывается на том, что происходит расчет показателей, которые позволяют охарактеризовать финансовое состояние организации (коэффициент ликвидности, коэффициент платежеспособности, коэффициент финансовой устойчивости). Позволяет оценить вероятность банкротства.
6	Метод имитационного моделирования (метод Монте-Карло)	Суть — заключается в том, что компьютер осуществляет выбор комбинации случайным образом и производит расчет эффективности, после чего выбранная комбинация анализируется при помощи теории вероятности. Исходя из данной статистической информации будет определен риск. Недостатки: результат будет зависеть от большого количества итераций; проблематично моделировать события, у которых вероятность появления является либо очень высокой, либо очень низкой.

Источник: составлено автором

Рис. 2. Современная среда экономической безопасности организации

Источник: составлено автором

среды будет трактоваться как трудно предсказуемое явление, которое не будет соответствовать сложившемуся состоянию среды экономической безопасности, а также не соответствовать критериям и условиям управления рисками. Расширение условий и факторов, связанных с многогранным спектром изменений производственной направленности, будут предопределять причины возникновения и направленность угроз. Непрерывная обновляемость ограничительных ситуаций, не зависящих от организации, показательна для современных вызовов. Расширение инструментальных методов управления рисками организации ориентировано на предотвращение негативных последствий вызов, угроз и рисков.

Следующим шагом обеспечения действенности мониторинга рисков организации является выявление проблемных зон их проявления. Тем самым, к таким проблемным направлениям, на которых должно быть сконцентрировано внимание мониторинга следует отнести: мониторинг рынка сбыта, необходимый для определения основных предпочтений у потребителей в той или иной продукции у конкретной организации-конкурента; мониторинг цен организаций-конкурентов, необходимый для определения ситуации с ценами на определенную продукцию на рынке сбыта в данный момент с целью выявления изменений, которые происходят с ценами, и оперативного реагирования на них; мониторинг поставщиков оборудования и материалов и их ранжирование; постоянный мониторинг всех изменений, происходящих в законодательстве, нормативно-правовых актах, а также судебной практике, связанной с профилем деятельности организации. Проведение указанных видов мониторинга рисков организации существенно повысит эффективность принимаемых управленческих решений, провести корректировку цели управления рисками, которые были поставлены изначально, или же методов управления рисками в случае их неэффективности.

Главное значение мониторинга рисков организации состоит в том, что АО «Омский ЭМЗ» получает возможности своего развития по таким направлениям как: рост спроса на устойчивые экологически чистые тех-

нологии, позволит расширить рынок горячего цинкования; развитие новых технологий в части внедрения новых методов обработки повышает эффективность и качество горячего цинкования; расширение отраслей применения горячего цинкования (энергетика, строительство и другие); реализация программ развития инфраструктуры повысит спрос на качественные металлоконструкции с защитным покрытием.

Реализуемые мероприятия, направленные на минимизацию рисков, которые присущи данной организации, позволят снизить возникновение потенциально возможных вызовов и угроз, повысить платежеспособность и конкурентоспособность, улучшить финансовое состояние, достичь максимально уровня экономической безопасности производственной деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разработку сценария управления рисками организации следует воспринимать в качестве непрерывного процесса, формирующийся и реализуемый благодаря воздействию многоаспектных факторов. Сценарии управления рисками дают возможность выстроить логически стройную последовательность действий, направленных на достижение необходимого уровня экономической безопасности организации.

Осуществимость реализации заданных направлений достижения нужных результатов становится реальной исходя из совокупности обстоятельств:

- учет всего спектра возникающих рисков и угроз производственной деятельности организации;
- обоснование предпосылок и гипотез проводимого исследования с учетом современных, актуальных и научно достоверных результатов.

Применение совокупности методологических подходов для достижения заявленных целей устойчивого развития хозяйственной деятельности организации, выражающихся в научном обосновании каждого этапа управления рисками с учетом своевременного выявления источников возникновения вызовов и угроз, позволяет рассматривать проблемные вопросы в интегрированном виде, а каждый компонент управления рисками во взаимосвязи и взаимозависимости.

Список источников

1. Аксенова Н. И., Усачева О. В. Угрозы экономической безопасности компании: понятие и классификации // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7. № 4. С. 833–848.
2. Городецкая А. Е., Караваева И. В. Экономическая безопасность России: теоретическое обоснование и методы регулирования: монография. М.: Институт экономики РАН, 2023. 361 с.
3. Портунова А. М., Шехова Н. В. Моделирование системы категорий «вызов», «опасность», «угроза», «ущерб», «риск» на основе сопоставления и анализа их экономического содержания // Теоретическая экономика. 2023. № 7. С. 86–97.
4. Ростова Е. П. Анализ подходов к определению промышленного риска и их классификация // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2020. №1. С. 52–58.
5. Сапожникова С. М., Рейхерт Н. В. Экономическая безопасность: теоретические и практические подходы: монография. Чебоксары: ИД «Среда», 2021. 120 с.
6. Караваева И. В., Лев М. Ю. Приоритеты государственного регулирования экономической безопасности России в условиях новых глобальных вызовов // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6. № 2. С. 453–466.
7. Ларина И. Е., Соколов П. В. Современные стандарты управления рисками и их роль в обеспечении эффективной финансово-хозяйственной деятельности предприятия // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 5. С. 415–421.
8. Няргинен В. А., Тимошенко К. Б. Риски и угрозы экономической безопасности предприятия // Вектор экономики. 2022. № 5(71). С. 79.
9. Каримов Т. Т., Атаханов А. Т., Утешова М. Б. Управление рисками в современных условиях развития предпринимательства // Russian Economic Bulletin. 2020. Т. 3. №. 5. С. 138–143.
10. Корнеева В. М., Пупенцова С. В. Современные методы управления рисками на предприятиях // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. №. 2. С. 33–38.
11. Химченко А. Н., Дегтярев С. В. Проблема и пути обеспечения экономической безопасности предприятия // Актуальные проблемы экономики и управления. 2019. № 3(23). С. 54–58.
12. Камагуров И. С. Классификация рисков деятельности предприятия // Инновационная наука. 2021. № 4. С. 104–107.
13. Караулов В. М., Нахрачева В. М. Методы оценки рисков современных предприятий // Актуальные вопросы современной экономики. 2021. № 10. С. 56–63.
14. Салманова И. П., Самошкина М. В. Комплексный подход к обеспечению экономической безопасности предприятий в современных условиях // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. № 3. С. 39–49.
15. Вязкина И. В. Методы оценки экономической безопасности предприятия как инструментальный диагностический угрозы развития // Экономический анализ: теория и практика. 2020. № 19. С. 835–859.
16. Григорьева В. В., Шумейко В. В. Методика оценки уровня экономической безопасности предприятия // Наука и Просвещение. 2019. № 4. С. 163–167.
17. Логинова Н. А., Трысячный В. И., Молодых В. А. Особенности формирования механизма обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 4А. С. 316–323.
18. Сальников И. И., Маширов Д. П. Механизм обеспечения экономической безопасности предприятия: сущность и структура // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2023. № 2(99). С. 124–133.
19. Тихонова Е. В., Бобошко А. А. Методы оценки и управление риском на предприятии // Актуальные исследования. 2021. № 10(37). С. 93–96.
20. Официальный сайт АО «Омский ЭМЗ» [Электронный ресурс]: URL: <https://www.oemz.ru> (дата обращения: 24.01.2025).
21. Официальный сайт ПАО «Сбербанк» [Электронный ресурс]: URL: <http://www.sberbank.ru/> (дата обращения: 24.01.2025).
22. Миллер А. Е. Риски и угрозы устойчивости региональной экономики в условиях современных вызовов // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7. № 10. С. 2565–2584.

References

1. Aksenova N. I., Usacheva O. V. Threats to the economic security of a company: concept and classification. *E`konomicheskaya bezopasnost` = Economic security*. 2024; Vol. 7, 4: 833–848. (In Russ.).
2. Gorodetskaya A. E., Karavaeva I. V. Economic security of Russia: theoretical justification and methods of regulation: monograph. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2023. 361 p.
3. Portunova A. M., Shekhova N. V. Modeling the system of categories “challenge”, “danger”, “threat”, “damage”, “risk” based on comparison and analysis of their economic content. *Teoreticheskaya e`konomika = Theoretical economics*. 2023; 7: 86–97. (In Russ.).
4. Rostova E. Analysis of approaches to determining industrial risk and their classification. *Vestnik Samarskogo*

universiteta. *E'konomika i upravlenie* = *Bulletin of Samara University. Economics and Management*. 2020; 1: 52–58. (In Russ.).

5. Sapozhnikova S. M., Reikher N. V. Economic security: theoretical and practical approaches: monograph. Cheboksary: ID «Sreda», 2021. 120 p.

6. Karavaeva I. V., Lev M. Yu. Priorities of state regulation of Russia's economic security in the context of new global challenges. *E'konomicheskaya bezopasnost'* = *Economic security*. 2023; Vol. 6, 2: 453–466. (In Russ.).

7. Larina I. E., Sokolov P. V. Modern risk management standards and their role in ensuring effective financial and economic activities of an enterprise. *Aktual'ny'e voprosy' sovremennoj e'konomiki* = *Actual issues of the modern economy*. 2022; 5: 415–421. (In Russ.).

8. Nyarginen V. A., Timoshenko K. B. Risks and threats to the economic security of the enterprise. *Vektor e'konomiki* = *Vector of Economy*. 2022; 5(71): 79. (In Russ.).

9. Karimov T. T., Atakhanov A. T., Uteshova M. B. Risk management in modern conditions of entrepreneurship development. *Russian Economic Bulletin*. 2020; Vol. 3, 5: 138–143. (In Russ.).

10. Korneeva V. M., Pupentsova S. V. Modern methods of risk management at enterprises. *Problemy' social'no-e'konomicheskogo razvitiya Sibiri* = *Problems of socio-economic development of Siberia*. 2020; 2: 33–38.

11. Khimchenko A. N., Degtyarev S. V. The problem and ways of ensuring the economic security of the enterprise. *Aktual'ny'e problemy' e'konomiki i upravleniya* = *Actual problems of economics and management*. 2019; 3 (23): 54–58. (In Russ.).

12. Kamagurov I. S. Classification of enterprise risks. *Innovacionnaya nauka* = *Innovative science*. 2021; 4: 104–107. (In Russ.).

13. Karaulov V. M., Nakhracheva V. M. Methods of risk assessment of modern enterprises. *Aktual'ny'e voprosy' sovremennoj e'konomiki* = *Actual issues of modern economics*. 2021; 10: 56–63. (In Russ.).

14. Salmanova I. P., Samoshkina M. V. An integrated approach to ensuring the economic security of enterprises in modern conditions. *Vestnik RGGU. Seriya: E'konomika. Upravlenie. Pravo* = *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Economy. Management. Law*. 2023; 3: 39–49. (In Russ.).

15. Vyakina I. V. Methods for assessing the economic security of an enterprise as a tool for diagnosing development threats. *E'konomicheskij analiz: teoriya i praktika* = *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2020; 19: 835–859. (In Russ.).

16. Grigorieva V. V., Shumeiko V. V. Methodology for assessing the level of economic security of an enterprise. *Nauka i Prosveshchenie* = *Science and Education*. 2019; 4: 163–167. (In Russ.).

17. Loginova N. A., Trysyachny V. I., Molodykh V. A. Features of the formation of a mechanism for ensuring the economic security of an economic entity. *E'konomika: vchera, segodnya, zavtra* = *Economy: yesterday, today, tomorrow*. 2023; 4A: 316–323. (In Russ.).

18. Salnikov I. I., Mashirov D. Mechanism for Ensuring Economic Security of an Enterprise: Essence and Structure. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, e'konomiki i prava* = *Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*. 2023; 2 (99): 124–133. (In Russ.).

19. Tikhonova E. V., Boboshko A. A. Methods of Risk Assessment and Management at an Enterprise. *Aktual'ny'e issledovaniya* = *Current Research*. 2021; 10 (37): 93–96. (In Russ.).

20. Official website of Omsk EMZ JSC [Electronic resource]: URL: <https://www.oemz.ru> (accessed: 01/24/2025).

21. Official website of Sberbank PJSC [Electronic resource]: URL: <http://www.sberbank.ru/> (date of access: 24.01.2025).

22. Miller A. E. Risks and threats to the sustainability of the regional economy in the context of modern challenges. *E'konomicheskaya bezopasnost'* = *Economic security*. 2024; Vol. 7, 10: 2565–2584. (In Russ.).

Научная статья

УДК 338.23© А. И. Сухоруков, Шухун Го, С. Ю. Ерошкин

DOI: 10.24412/2225-8264-10.24412/2225-8264-2025-1-924

Ключевые слова: процессная модель, инвестиционно-строительная компания, управление бизнес-процессами, инвестиционно-строительный проект, цифровой двойник, цифровая трансформация

Keywords: process model, investment and construction company, business process management, investment and construction project, business process management system, digital twin, digital transformation

¹**Сухоруков Александр Ильич** — доктор технических наук, доцент, профессор базовой кафедры управления проектами и программами Капитал Групп, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (Россия, Москва, Стремянный переулок, д. 36).
E-mail: Sukhorukov.AI@rea.ru, ORCID: 0000-0001-5164-3135

²**Го Шухун** — заместитель директора Совместного Института Даляньского политехнического университета — Белорусского государственного университета, Даляньский политехнический университет (Китай, провинция Ляонин, г. Далянь, район Ганьцзинцзы, ул. Лингун, д. 2).
E-mail: lenaguo@dlut.edu.cn

³**Ерошкин Сергей Юрьевич** — кандидат экономических наук, доцент кафедры управления, Федеральный Российский государственный аграрный университет — Московская государственная сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева, доцент кафедры прикладной экономики Высшей школы управления, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Россия, Москва, ул. Тимирязевская, д. 49).
E-mail: eroshkin-syu@pfur.ru, ORCID: 0000-0003-3617-8719

Поступила в редакцию: 18.01.2025

УПРАВЛЕНИЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИМИ ИНВЕСТИЦИОННО-СТРОИТЕЛЬНЫМИ ПРОЕКТАМИ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ЦИФРОВЫХ СИСТЕМАХ

Сухоруков А. И.¹

Го Шухун²

Ерошкин С. Ю.³

Аннотация. В статье рассмотрена возможность управления совместными российско-китайскими инвестиционно-строительными проектами в условиях стремительной цифровизации. Предложена система управления проектами и бизнес-процессами инвестиционно-строительной компании с использованием известного и популярного в мире современного программного обеспечения, которое предлагается интегрировать на единой цифровой платформе. Учитывая совместную российско-китайскую деятельность, целесообразно строить управление на международных управленческих принципах, используя известные информационные системы и их аббревиатуры, которые будут понятны для специалистов из России и Китая. Это инновационное предложение позволит эффективно перейти на процессную бизнес-модель инвестиционно-строительной компании и осуществить поэтапную цифровую трансформацию в цифровой двойник, что повысит эффективность, снизит риски и повысит прибыльность.

MANAGEMENT OF RUSSIAN-CHINESE INVESTMENT AND CONSTRUCTION PROJECTS IN SPECIALIZED DIGITAL SYSTEMS

Alexander I. Sukhorukov

Doctor of Engineering Sciences, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Russia

Shuhun Guo

Deputy Director of the Joint Institute of Dalian Polytechnic University — Belarusian State University, Dalian University of Technology, China

Eroshkin Sergey Yuryevich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Federal Russian State Agrarian University — Moscow State Agricultural Academy named after K. A. Timiryazev, Graduate School of Management, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Russia

Abstract. The article considers the possibility of managing joint Russian-Chinese investment and construction projects in the context of rapid digitalization. A project and business process management system for an investment and construction company is proposed using well-known and popular modern software in the world, which is proposed to be integrated on a single digital platform. Given the joint Russian-Chinese activities, it is advisable to build management on international management principles, using well-known information systems and their abbreviations, which will be understandable for specialists from Russia and China. This innovative proposal will make it possible to effectively switch to the process business model of an investment and construction company and implement a phased digital transformation into a digital twin, which will increase efficiency, reduce risks and increase profitability.

Сотрудничество России и Китая в развитии Дальнего Востока и, в частности, Большого Уссурийского острова является важной составляющей двусторонних отношений и имеет значительный потенциал для обеих сторон. Это сотрудничество охватывает различные сферы и имеет экономические, культурные и геополитические аспекты. Сотрудничество в области развития непосредственно Большого Уссурийского острова, как пилотного проекта, подразумевает совместное управление островом, так как часть Большого Уссурийского острова находится под управлением Китая, а часть — России. Это огромный стимул к сотрудничеству, которое направлено на развитие общей инфраструктуры и туристических возможностей острова.

На Большом Уссурийском острове планируется развернуть широкомасштабное совместное строительство. Так уже решено построить российско-китайский центр беспощинной торговли, где разместят гостиничный комплекс, парк аттракционов, прогулочные и рекреационные зоны, музейный комплекс мировых шедевров архитектуры.

В последнее время в мировой практике большую популярность приобрел переход на процессную модель управления строительными компаниями [1–10]. Это такой подход, при котором управление компанией сосредотачивается преимущественно вокруг ее деятельности (основных бизнес-процессов), а организационно-штатная структура строится в соответствии с распределением ответственностей сотрудников за бизнес-процессы, в том числе управляющие и обеспечивающие. Однако такая модель управления сопряжена с целым рядом трудностей, которые возникают практически у всех компаний в строительной сфере [11–15]. Для успешного управления инвестиционно-строительными проектами и процессами нужна качественная цифровая стратегическая и операционная аналитика от простейших сравнительных таблиц до обработки больших данных при помощи искусственного интеллекта. Бизнес-модель в современных условиях должна опираться не только на получение прибыли любой ценой, но и ESG-принципы, основанные на защите окружающей среды, создании благоприятных социальных условий, добросовестном отношении к сотрудникам и клиентам, а также надлежащем корпоративном управлении [16–18].

Ключевым фактором успеха для любой инвестиционно-строительной компании является правильное управление проектами и бизнес-процессами [19–21]. Оно позволяет повысить эффективность, снизить риски и повысить прибыльность.

В настоящее время эффективно управлять инвестиционно-строительными проектами и бизнес-процессами невозможно без использования цифровых систем управления различными функционалами и сложности [22–25].

Учитывая совместную российско-китайскую деятельность, целесообразно строить управление на междонародных управленческих принципах, используя известные информационные системы и их аббревиатуры, которые будут понятны для специалистов из России и Китая.

Так как инвестиционно-строительная компания имеет проектную направленность, то основу процессной модели будут составлять инвестиционно-строительные проекты, а основную деятельность инвестиционно-строительной компании можно представить основными бизнес-процессами верхнего уровня, которые целесообразно распределить по фазам:

1. Бизнес-процессы прединвестиционной фазы:
 - Поиск и анализ инвестиционных проектов;
 - Оценка рисков и рентабельности;
 - Проведение технико-экономических обоснований;
 - Получение разрешительной документации.
2. Бизнес-процессы фазы строительства:
 - Планирование и организация работ;
 - Управление проектами и рисками;
 - Закупка материалов и оборудования;
 - Мониторинг качества и сроков строительства;
 - Сдача объектов в эксплуатацию.
3. Бизнес-процессы фазы эксплуатации:
 - Управление эксплуатацией объектов;
 - Обеспечение технического обслуживания;
 - Мониторинг состояния объекта и внесение корректировок.

В перечисленных инвестиционно-строительных бизнес-процессах большую долю занимают процессы, относящиеся к операционной деятельности инвестиционно-строительной компании, которые достаточно детерминированы, изучены и стандартизированы. На основе моделей оцифрованных операционных бизнес-процессов намного проще рассчитать сроки, бюджет и другие параметры инвестиционно-строительных проектов. Владельцы бизнес-процессов процессной составляющей проектов взаимодействуют между собой, например, в автоматизированных системах управления ERP и CRM.

К основным методам и цифровым инструментам управления проектами и бизнес-процессами инвестиционно-строительной компании можно отнести:

1. Моделирование проектов и бизнес-процессов:
 - Визуализация проектов с помощью диаграмм Ганта, календарно-сетевых графиков;
 - Визуализация бизнес-процессов с помощью диаграмм (BPMN, UML);
 - Анализ и описание последовательности действий, участников и ресурсов;
 - Финансовое моделирование проектов и бизнес-процессов (ProjectExpert);
 - Информационное моделирование строительного объекта (BIM).
2. Автоматизация и роботизация проектов и бизнес-процессов:
 - Использование цифровых систем для автоматизации стандартизированных бизнес-процессов и роботизации рутинных операций (ERP-системы, CRM-системы, RPA);
 - Внедрение систем управления бизнес-процессами (BPM-системы).
3. Организация системы документооборота:
 - Электронный и умный документооборот для оптимизации обмена документами (ECM-системы);

- Организация исполняемых бизнес-процессов на базе электронного документооборота.

4. Организация системы управления проектами:

- Планирование, мониторинг и управление проектами (PM-системы);
- Стратегическое планирование, мониторинг и управление портфелями проектов (PPM-системы).

5. Организация системы управления рисками:

- Идентификация, оценка и управление операционными, финансовыми рисками и андеррайтингом на всех этапах проекта (PRM-системы);
- Стратегическое управление рисками компании (GRC-системы).

Моделирование проектов и бизнес-процессов — это два взаимосвязанных, но отличающихся друг от друга инструмента, которые используются для оптимизации работы инвестиционно-строительной компании и повышения ее эффективности. Они помогают лучше понять структуру деятельности, идентифицировать проблемы, разработать решения и управлять рисками. Моделирование проектов часто включает в себя моделирование бизнес-процессов для определения конкретных задач и процессов в проекте. Моделирование бизнес-процессов в свою очередь может быть использовано для оптимизации проектных работ, например, для сокращения сроков и снижения стоимости проекта.

Автоматизация и роботизация проектов и бизнес-процессов — это важный шаг в развитии инвестиционно-строительной компании, который позволяет достичь новых уровней эффективности и конкурентоспособности. Ядром автоматизированных бизнес-процессов инвестиционно-строительной компании являются ERP-системы. На базе ERP можно создать единое информационное пространство инвестиционно-строительной компании и на этой общей цифровой платформе организовать бизнес-аналитику. ERP наиболее сложная и дорогостоящая система. Цикл эксплуатации ERP составляет более 10 лет, поэтому в последнее время стала популярной концепция постоянного совершенствования бизнес-процессов за счет внедрения RPA поверх ERP. Создаются «роботы» (программные боты), которые выполняют определенную последовательность действий в ERP-системах, например, бот может автоматизировать процесс обработки заказов, включая прием заказа, проверку наличия ресурса, формирование счета, отправку заказа на склад и т. п. То есть совершенствование ERP на всем цикле эксплуатации идет за счет RPA. ERP можно сделать элементом стратегии развития бизнеса инвестиционно-строительной компании, инструментом масштабирования бизнеса, работы с рентабельностью, повышением удовлетворенности заказчиков, изменением бизнес-модели.

Ну и конечно создание таких современных ERP-систем невозможно без моделирования в системах управления бизнес-процессами (BPM-системы), которые помогают инвестиционно-строительной компании моделировать, автоматизировать, оптимизировать и управлять своими бизнес-процессами и проектами. Выбор подходящей BPM-системы является важным

шагом для успешной автоматизации бизнес-процессов в ERP-системах.

Организация системы документооборота в инвестиционно-строительной компании заключается в автоматизированном и роботизированном управлении соответствующими бизнес-процессами документооборота. Как это работает?

1. Определение бизнес-процесса. Определяются ключевые этапы бизнес-процесса, которые нужно автоматизировать. Например, процесс «Заключение договора» может включать этапы:

- Получение заявки;
- Проверка заявки;
- Подготовка договора;
- Подписание договора;
- Отправка договора.

2. Внедрение системы электронного документооборота, которая обеспечивает:

- Безопасный обмен документами;
- Хранение электронных документов;
- Автоматическое выполнение задач и действий по согласованию;

- Отслеживание статуса документов.

3. Настройка workflow, который определяет последовательность действий, необходимых выполнить для каждого этапа процесса:

- Определение ответственных лиц;
- Назначение ролей и прав доступа к документам;
- Установку сроков выполнения задач;
- Настройка автоматических уведомлений.

4. Исполнение процесса:

- Каждый этап бизнес-процесса запускается автоматически при получении соответствующего документа;
- Ответственные лица получают уведомления о необходимости выполнения своих действий;
- Документы автоматически передаются дальше по workflow после выполнения каждого шага.

5. Контроль и анализ, при котором система электронного документооборота (ЭДО, или ЕСМ) позволяет отслеживать выполнение бизнес-процессов, анализировать их эффективность, что помогает:

- Оптимизировать workflow;
- Уменьшить время прохождения процесса;
- Снизить количество ошибок.

Исполняемые бизнес-процессы на базе ЭДО — это эффективный способ повысить эффективность деятельности инвестиционно-строительной компании, сократить издержки, повысить прозрачность и контроль над бизнес-процессами.

Организация системы управления проектами — это комплексная деятельность, включающая в себя определение целей, структуры, процессов, инструментов и ресурсов для успешной реализации проектов. Для управления основными процессами проектов (инициация проекта; планирование проекта; исполнение проекта; мониторинг и контроль проекта; управление рисками проекта; управление интеграцией проекта; закрытие проекта) используются хорошо известные цифровые инструменты такие, как:

- Программное обеспечение для управления проектами PM (MS Project, Jira, Asana);

- Инструменты для коммуникации (Slack, Microsoft Teams);
- Инструменты для видеоконференций (Zoom, Skype);
- Инструменты для совместной работы (Google Docs, Dropbox).

Для стратегического управления инвестиционно-строительной компанией используются цифровые инструменты управления портфелями проектом PPM.

Организация эффективной системы управления проектами является важным шагом для успешной реализации проектов и достижения целей инвестиционно-строительной компании. Правильно выбранные элементы и принципы системы помогают повысить эффективность, управлять рисками и улучшить коммуникацию в проектах.

Система управления рисками — это структурированная деятельность, которая помогает инвестиционно-строительной компании идентифицировать, оценить, управлять и контролировать риски, связанные с ее деятельностью. Здесь можно выделить цифровые инструменты управления рисками проектов (PRM-системы) и управление рисками инвестиционно-строительной компании в целом (GRC-системы).

Бизнес-процессы верхнего уровня — это те, которые определяют общую стратегию и направление работы инвестиционно-строительной компании. Они задают рамки для всех остальных процессов и направляют деятельность всех отделов. На рисунке 1 представлена система управления основным бизнес-процессом верхнего уровня «Управление инвестиционно-строительным проектом».

тельным проектом». Диаграмма из BPM-системы Бизнес-инженер [26].

На верхнем уровне отражается и стратегическое управление: определение миссии, видения и ценностей компании; анализ внешней среды (рынка, конкурентов, законодательства); формирование долгосрочной стратегии развития компании; установка ключевых показателей эффективности (KPI). Все это отражается в цифровой модели. Там же может быть организован и автоматизированный контроллинг выполнения стратегических целей по методике Сбалансированной системы показателей.

На рисунке 2 приведен фрагмент корреляционного SWOT-анализа инвестиционно-строительной компании, рассчитанного в BPM-системе «Бизнес-инженер».

На рисунке 3 приведен фрагмент управления инвестиционно-строительным проектом в системе MS Project.

В принципе практически любую деятельность в инвестиционно-строительной компании можно оцифровать и автоматизировать. В настоящее время сложилась тенденция создания полноценных цифровых двойников компаний, в которых есть и имитационные модели проектов и бизнес-процессов, есть развернутая цифровая бизнес-аналитика в том числе и предиктивная. Обязательно присутствует и цифровой двойник продукта производства. Для инвестиционно-строительной компании это может быть информационная модель строительного объекта, или BIM-модель.

Создание единой цифровой платформы для всех этих цифровых инструментов управления проектами

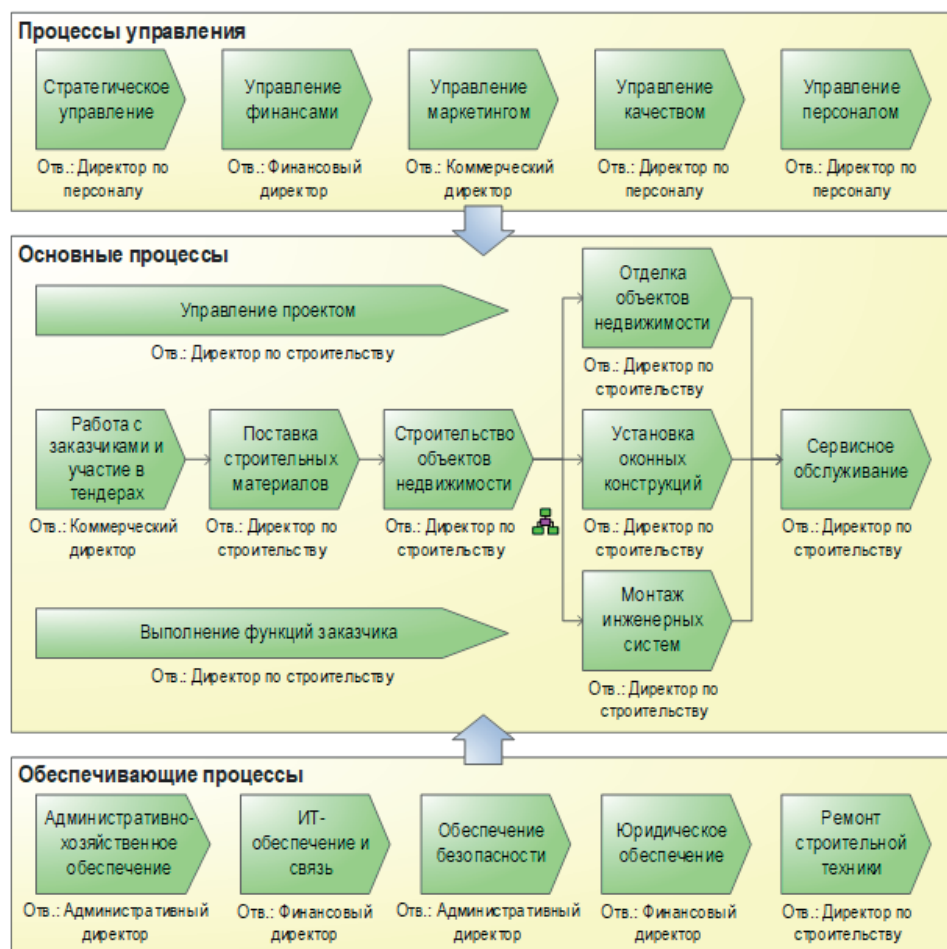
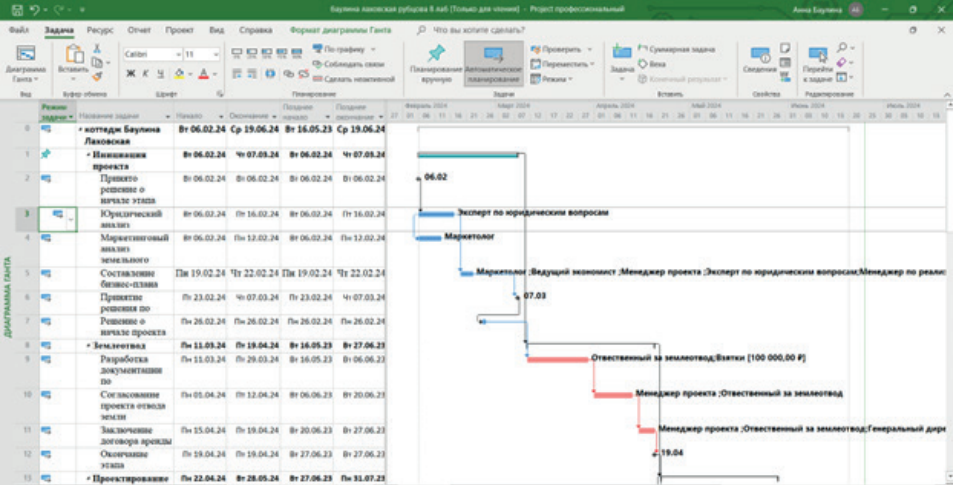

Рис.1. Система управления бизнес-процессом верхнего уровня «Управление инвестиционно-строительным проектом»

Сумма значений факторов среды: 43
Корреляционный ранг факторов среды: 22,7 %
Сумма баллов факторов среды: 974,7

Код	Фактор	Значение	Корреляция, %	Баллы	Сила связи факторов	Код	Связанные факторы	Значение
1.1.	Факторы внешней среды	22,6	22,8	515,6				
1.1.1.	Возможности	8,8	20,6	181,0				
1.1.1.1.	Рост рынка недвижимости	3,2	22,9	73,3	1 Очень сильная связь	1.2.1.4.	Повышенный спрос на рынке	3,2
					0,8 Сильная связь	1.2.1.1.	Уникальное местоположение	3,2
					0,8 Сильная связь	1.2.2.1.	Финансовые ограничения	3,2
					0,6 Средняя связь	1.2.2.2.	Недостаточная инфраструктура	2,4
					0,6 Средняя связь	1.2.2.3.	Возможные экологические ограничения	1,8
					0,6 Средняя связь	1.2.1.3.	Использование экологически чистых материалов	1,8
					0,6 Средняя связь	1.2.1.2.	Профессиональная команда	2,4
					0,4 Низкая связь	1.2.2.4.	Недостаточное управление рисками	2,4
1.1.1.2.	Использование новых технологий	3,2	21,8	69,8	1 Очень сильная связь	1.2.1.3.	Использование экологически чистых материалов	1,8
					0,8 Сильная связь	1.2.1.4.	Повышенный спрос на рынке	3,2
					0,6 Средняя связь	1.2.2.2.	Недостаточная инфраструктура	2,4

Рис.3. Фрагмент корреляционного SWOT-анализа инвестиционно-строительной компании, рассчитанного в BPM-системе «Бизнес-инженер»

и бизнес-процессами в инвестиционно-строительной компании позволит строить полноценные цифровые двойники.

Предложенная система управления проектами и бизнес-процессами инвестиционно-строительной компании при помощи широкого спектра известного программного обеспечения совпадает с вектором направления развития цифровизации инвестиционно-строительных компаний в сторону создания цифрового двойника.

Учитывая накопленный опыт автоматизации различных аспектов деятельности инвестиционно-строительных компаний целесообразно предложить алгоритмы перехода от различных моделей к цифровым двойникам через единую цифровую платформу обмена информацией.

За основу можно взять полноценную ERP-систему с автоматизированными бизнес-процессами и усовершенствовать ее другими системами по образцу внедрения программных роботов [27]. Такой подход является итерационным, экономически эффективным, позволяет постепенно обновлять систему управления проектами и бизнес-процессами и двигаться в сторону создания цифрового двойника инвестиционно-строительной компании.

Создание предложенной системы управления проектами и бизнес-процессами инвестиционно-строительной компании при помощи широкого спектра

известного программного обеспечения, совпадающее с вектором направления развития цифровизации инвестиционно-строительных компаний в сторону создания цифрового двойника обеспечит:

1. Постепенный переход инвестиционно-строительной компании на процессную бизнес-модель, что исключит риски реинжиниринга.
2. Поэтапное внедрение моделей проектов и бизнес-процессов в цифровую систему управления, что сократит издержки на внедрение ERP-систем, как ядра автоматизации роботизации проектов и бизнес-процессов.
3. Рациональный ввод в цифровые модели систем современной бизнес-аналитики, что сделает имитационные модели предсказательными и позволит аналитике работать в реальном времени.
4. Эффективное внедрение информационного (BIM) моделирования строительного объекта, что обеспечит единый подход к созданию цифрового двойника инвестиционно-строительной компании.

Цифровые системы стали неотъемлемой частью управления проектами и бизнес-процессами в инвестиционно-строительной сфере. Они предоставляют мощные инструменты для оптимизации, автоматизации и повышения прозрачности работы. В целом цифровые системы играют все более важную роль в управлении проектами и бизнес-процессами инвестиционно-строительных компаний. Правильное использование этих

Рис.2. Фрагмент корреляционного SWOT-анализа инвестиционно-строительной компании, рассчитанного в BPM-системе «Бизнес-инженер»

систем позволяет повысить эффективность, снизить издержки, улучшить качество работы и создать конкурентное преимущество на рынке.

Сотрудничество России и Китая в развитии Дальнего Востока и Большого Уссурийского острова имеет значительный потенциал для обеих стран. Совместные

инвестиционно-строительные проекты могут принести значительную экономическую выгоду и укрепить двусторонние отношения. Однако, для реализации этого потенциала необходимо преодолевать существующие вызовы и создавать благоприятную деловую среду на базе уже имеющихся цифровых инструментов.

Список литературы

1. Андерсен Б. Бизнес-процессы. Инструменты совершенствования. М.: РИА «Стандарты и качество», 2003. 272 с.
2. Вахромеева М. П., Куликова И. Ю., Муравьева Н. В. Реинжиниринг бизнес-процессов: учебное пособие. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2021. 192 с.
3. Корягин Н. Д. Управление бизнес-процессами: учебник. М.: МГТУ ГА, 2023. 388 с.
4. Корягин Н. Д., Сухоруков А. И., Медведев А. В. Реализация современных методологических подходов к менеджменту в информационных системах управления: монография. М.: Издательство: Московский государственный технический университет гражданской авиации, 2015. 148 с.
5. Ковалев С. М., Ковалев В. М. Настольная книга аналитика. Практическое руководство по проектированию бизнес-процессов и организационной структуры. М.: «1С-Паблишинг, 2021.
6. Michael Hammer, James Champy. Reengineering the corporation: A manifesto for business revolution // Business Horizons. 1993-09. Т. 36, вып. 5. С. 90–91. doi:10.1016/s0007-6813(05)80064-3.
7. Warren K. Strategic management dynamics. London Business School, John Wiley&Sons Ltd, 2008.
8. Sukhorukov A., Bogdanova E., Eroshkin S., Vanyurikhin P., Karabahciev S. Robotization of business processes of enterprises of housing and communal services // E3S Web of Conferences 2019. P. 02082.
9. Шеер А.-В. Бизнес-процессы. Основные понятия. Теория. Методы. М.: Весть-МетаТехнология, 1999. 182 с.
10. Бенедикт Т., Кирхмер М., Шарсиг М., Франц П., Саксена Р., Моррис Д., Хилти Дж. Свод знаний по управлению бизнес-процессами: BPM СВОК 4.0. М.: Альпина Паблишер, 2022. 504 с.
11. Владимирова И. Л., Бачурина С. С., Ресин В. И., Попков Ю. С., Дмитриев А. Н. и др. Цифровые методы в инновационном управлении инвестиционно-строительными проектами: монография. М.: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2020. 448 с.
12. Тельнов Ю. Ф., Федоров И. Г. Инжиниринг предприятия и управление бизнес-процессами. Методология и технология: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 207 с.
13. Davenport T.H. Business Innovation, Reengineering Work through Information Technology. Boston: Harvard Business School Press, 1993. 337 pp.
14. Сухоруков А. И., Швецов Е. В., Сухоруков И. А. Развитие цифрового моделирования бизнес-процессов инвестиционно-строительных предприятий: от графического описания к имитационному моделированию // Современные проблемы управления проектами в инвестиционно-строительной сфере и природопользовании: материалы XIII Международной научно-практической конференции. М., 2023. С. 77–82.
15. Федоров Ю. Н. Справочник инженера по АСУТП: Проектирование и разработка: учебно-практическое пособие. М.: Инфра-Инженерия, 2008. 926 с.
16. Sukhorukov A. I., Shuhong G., Koryagin N. D., Eroshkin S. Yu. Tendencies of information management development in the conditions of the origin of a new ecosystem of the digital economy // Proceedings of 2018 11th International Conference «Management of Large-Scale System Development», MLSD 2018. 2018. С. 8551859.
17. Сухоруков А. И., Ерошкин С. Ю., Каллаур Г. Ю., Папикян Л. М. Технологии информационного моделирования всех этапов жизненного цикла технического объекта // Вестник машиностроения. 2018. № 4. С. 84–86.
18. Го Ш., Сухоруков А. И., Ерошкин С. Ю. Устойчивое управление радиационно-опасными строительными проектами (green project management // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2018): материалы XI Международной конференции: в 2-х томах. М., 2018. С. 232–235.
19. ГОСТ Р ИСО 22514-2-2015. Статистические методы. Управление процессами. Часть 2. Оценка пригодности и воспроизводимости процесса на основе модели его изменения во времени.
20. Менеджмент процессов / Под ред. Й. Беккера, Л. Вилкова, В. Таратухина, М. Кугелера, М. Роземанна. М.: Эксмо, 2007. 384 с.
21. Коптелов А. К. Бенчмаркинг — инструмент совершенствования бизнес-процессов. URL: <https://koptelov.info/publikatsii/benchmarking/> (дата обращения 08.06.2023).
22. Корягин Н. Д., Большедворская Л. Г. Организация бизнес-процессов контроллинга авиапредприятий: учебное пособие. М.: ИД Академии Жуковского, 2018. 64 с.
23. Коптелов А. К. Выбор информационной системы для управления бизнес-процессами (BPMS. URL: <https://koptelov.info/publikatsii/bpms/> (дата обращения 08.06.2023).
24. Родионов М. А. Риск-менеджмент. М., МГТУГА, 2022. 64 с.
25. Руководство к своду знаний по бизнес-анализу. ВАВОК: Версия 3.0 / Международный институт бизнес-анализа. М.: Олимп-Бизнес, 2022. 626 с.

26. Сайт консалтинговой компании Битек. URL: <http://betec.ru> (дата обращения 08.06.2024).
27. Sukhorukov A., Koryagin N., Sulyagina J., Eroshkin S., Ulitskaya N. Digital transformation of airline management as the basis of innovative development. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020. T. 1115. C. 845-854.

References

1. Andersen B. Business processes. Improvement tools. Moscow: RIA «Standards and quality», 2003. 272 p.
2. Vakhromeeva M. P., Kulikova I. Yu., Muravyova N. V. Business process reengineering: a tutorial. Vladimir: VISU Publishing House, 2021. 192 p.
3. Koryagin N. D. Business process management: a textbook. Moscow: MSTU GA, 2023. 388 p.
4. Koryagin N. D., Sukhorukov A. I., Medvedev A. V. Implementation of modern methodological approaches to management in management information systems: a monograph. Moscow: Publishing house: Moscow State Technical University of Civil Aviation, 2015. 148 p.
5. Kovalev S. M., Kovalev V. M. Analyst's Handbook. A Practical Guide to Designing Business Processes and Organizational Structure. Moscow: «IC-Publishing, 2021.
6. Michael Hammer, James Champy. Reengineering the corporation: A manifesto for business revolution. *Business Horizons*. 1993; 09. Vol. 36, issue. 5. Pp. 90–91. doi:10.1016/s0007-6813(05)80064-3.
7. Warren K. Strategic management dynamics. London Business School, John Wiley&Sons Ltd, 2008.
8. Sukhorukov A., Bogdanova E., Eroshkin S., Vanyurikhin P., Karabahciev S. Robotization of business processes of enterprises of housing and communal services // *E3S Web of Conferences* 2019. P. 02082.
9. Scheer A.-V. Business processes. Basic concepts. Theory. Methods. Moscow: Vest-MetaTechnology, 1999. 182 p.
10. Benedict T., Kirchmer M., Scharsig M., Franz P., Saxena R., Morris D., Hilti J. Body of knowledge on business process management: BPM CBOK 4.0. Moscow: Alpina Publisher, 2022. 504 p.
11. Vladimirova I. L., Bachurina S. S., Resin V. I., Popkov Yu. S., Dmitriev A. N., et al. Digital methods in innovative management of investment and construction projects: monograph. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics, 2020. 448 p.
12. Telnov Yu. F., Fedorov I. G. Enterprise engineering and business process management. Methodology and technology: textbook. Moscow: UNITY-DANA, 2015. 207 p.
13. Davenport T. H. Business Innovation, Reengineering Work through Information Technology. Boston: Harvard Business School Press, 1993. 337 pp.
14. Sukhorukov A. I., Shvetsov E. V., Sukhorukov I. A. Development of digital modeling of business processes of investment and construction enterprises: from graphic description to simulation modeling // *Modern problems of project management in the investment and construction sphere and nature management: materials of the XIII International scientific and practical conference*. Moscow, 2023. pp. 77–82.
15. Fedorov Yu. N. Engineer's Handbook on APCS: Design and Development: a training and practical manual. Moscow: Infra-Engineering, 2008. 926 p.
16. Sukhorukov A. I., Shuhong G., Koryagin N. D., Eroshkin S. Yu. Tendencies of information management development in the conditions of the origin of a new ecosystem of the digital economy // *Proceedings of 2018 11th International Conference «Management of Large-Scale System Development», MLSD 2018*. 2018. P. 8551859.
17. Sukhorukov A. I., Eroshkin S. Yu., Kallaur G. Yu., Papikyan L. M. Technologies of information modeling of all stages of the life cycle of a technical object. *Vestnik mashinostroeniya = Bulletin of Mechanical Engineering*. 2018; 4: 84–86. (In Russ.).
18. Go Sh., Sukhorukov A. I., Eroshkin S. Yu. Sustainable management of radiation-hazardous construction projects (green project management // *Management of Large-Scale Systems Development (MLSD'2018): Proceedings of the XI International Conference: in 2 volumes*. Moscow, 2018. Pp. 232–235.
19. GOST R ISO 22514-2-2015. Statistical methods. Process management. Part 2. Evaluation of process suitability and reproducibility based on a model of its change over time.
20. Process management / Ed. by J. Becker, L. Vilkov, V. Taratukhin, M. Kugeler, M. Rosemann. Moscow: Eksmo, 2007. 384 p.
21. Koptelov A. K. Benchmarking — a tool for improving business processes. URL: <https://koptelov.info/publikatsii/benchmarking/>.
22. Koryagin N. D., Bolshedvorskaya L. G. Organization of business processes of controlling of air enterprises: a tutorial. M.: ID Zhukovsky Academy, 2018. 64 p.
23. Koptelov A. K. Selection of an information system for business process management (BPMS). URL: <https://koptelov.info/publikatsii/bpms/>.
24. Rodionov M. A. Risk management. M., MSTUGA, 2022. 64 p.
25. A guide to the body of knowledge on business analysis. BABOK: Version 3.0 / International Institute of Business Analysis. M.: Olimp-Business, 2022. 626 p.
26. Website of the consulting company Bitek. URL: <http://betec.ru>.
27. Sukhorukov A., Koryagin N., Sulyagina J., Eroshkin S., Ulitskaya N. Digital transformation of airline management as the basis of innovative development. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020; Vol. 1115: 845-854.

Научная статья

УДК 338.012 © Е. Г. Успен-
ская

DOI: 10.24412/2225-8264-
10.24412/2225-8264-2025-
1-910

Keywords: machine-
tool industry, sustainable
development, ESG,
technological sovereignty

Ключевые слова: станко-
строение, устойчивое разви-
тие, ESG, технологический
суверенитет

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN MACHINE-TOOL INDUSTRY AS A FACTOR IN ENSURING THE TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF THE COUNTRY

Elena G. Uspenskaia

Graduate student, Moscow State University of Technology «STANKIN»

Abstract. The article addresses the issue of integration of the provisions of the sustainable development into the machine tool-industry in order to achieve technological sovereignty of the Russian Federation. The theoretical foundations of the concept of sustainable development and ESG principles are discussed. The author analyzes the existing manifestations of sustainable development in mechanical engineering and develops possible ways to introduce sustainable development strategy into the machine-tool industry in Russia. Foreign expertise in implementing ESG principles in mechanical engineering is considered. In conclusion, the author evaluates the place of sustainable development in the development of the machine-tool industry and the achievement of technological sovereignty of the Russian Federation.

¹Успенская Елена Григорьевна — аспирант кафедры финансового менеджмента, Московский государственный технологический университет «СТАНКИН» (Россия, Москва, Вадковский пер., д. 3А, стр. 1)
E-mail: e-uspens@yandex.ru

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО СТАНКОСТРОЕНИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА СТРАНЫ

Успенская Е. Г.¹

Аннотация. В статье рассматривается вопрос интеграции положений устойчивого развития в станкостроение в целях достижения технологического суверенитета Российской Федерации. Обсуждаются теоретические основы концепции устойчивого развития и принципы ESG. Автор анализирует существующие проявления устойчивого развития в машиностроении и разрабатывает возможные пути внедрения стратегии устойчивого развития в станкостроительную отрасль России. Рассмотрен зарубежный опыт внедрения принципов ESG в машиностроении. В заключении автор оценивает место устойчивого развития в развитии станкостроения и достижении технологического суверенитета Российской Федерации.

Поступила в редакцию:
13.12.2024

INTRODUCTION

Over the past 30 years, since the collapse of the USSR, the machine-tool industry of the Russian Federation has been stagnating. Soviet industry was the third in the world in terms of quality and volume of machine-building and engineering production after the USA and Japan. Still, at the current moment only autonomous islands of production remain.

Given the ongoing state policy in the field of machine-tool industry aimed at achieving the technological sovereignty of the Russian Federation, the need to implement the principles of sustainable development in the industry meets the modern requirements of Russian development.

The development of the green agenda in Russia can become an important component of building up the country's technological sovereignty, which is based on the ability to independently develop and apply technologies in order to reduce dependence on external factors. It is necessary to achieve environmental sustainability and strengthen its position in the global technological landscape.

MAIN BODY

According to the most frequently cited definition of the concept of sustainable development also known as the Brundtland Report, sustainable development is development that meets the needs of the present without compromising the ability of future generations to meet their own [1].

Sustainable development is a holistic approach to meet the needs of current and future generations without damaging or depleting the resources on which we depend. It is a question of finding a balance between environmental protection, economic development and social equity [2].

Environmental, social and governance (ESG) principles have shaped the industry from the beginning of prospecting to the production of assets. The goal of achieving net-zero emissions by 2050 (or earlier) is well established.

The attention paid to the social responsibility of machine-tool companies around the world continues to grow as the industry struggles with the consequences of extreme weather conditions on its sites, equipment, energy supplies and transport routes.

The following issues are covered by the industry's ESG agenda:

- E — Environment implies ecosystem services, air, noise, energy, climate change (carbon footprint and greenhouse gas emissions), hazardous substances;
- S — Social goes about human rights, land use, resettlement, vulnerable people, gender, work practices, health and safety of workers and the community, safety;
- G — Governance: legal compliance, ethics, anti-corruption and transparency [3].

These are all significant elements to take into account while having the ESG conversation. The industry must assess whether there are any dangers that might compromise its capacity to raise funds, secure licenses, work with local governments and regulatory bodies, and safeguard its assets from depreciation. As a result, it is feasible to lower carbon emissions, energy and water bills,

enhance operational effectiveness, fortify links between the community and government agencies, and oversee the closure's profitability.

Many companies in the sector are already actively working on their ESG program, identifying priorities and measuring performance. However, the real advantages appear when the state policies put the spotlight on the importance of ESG principles implementation.

Consumers want industrial companies to think not only about their growth, but also about the quality of life of workers, consumers and everyone involved in the production and development of their products and services.

ESG strategies have a direct impact on cost reduction. They make it possible to reduce operational expenses, such as raw material, water or electricity costs. Studies prove that companies that go further in their sustainable development strategies are the ones that achieve the best results in terms of resource efficiency and financial performance.

Cost reduction can be achieved through different solutions, such as: reduction of water consumption, reduction of energy consumption and switch to renewable energies, optimization of raw material consumption, waste reduction, production of recyclable or biodegradable products, reduction and recycling of waste produced and creation of partnerships for their treatment, improvement of logistics thanks to the optimization of routes.

ESG criteria can contribute to a holistic approach to risk management. As ESG integrates criteria relating to environmental management, working and safety conditions, respect for human rights, the fight against corruption and compliance with current laws and regulations, companies guarantee their compliance by avoiding fines and other penalties provided for and by ensuring the proper functioning of the entire organization.

On the other hand, investors are also more interested in integrating companies with sound ESG policies. Organizations that manage risks well are the ones that are most likely to attract major investors. Recent studies show that 89% of investors in the main global markets consider ESG as a criterion to be taken into account when evaluating an investment [4].

When it comes to sustainability issues, it is important to be proactive, because

The field of sustainability is expected to evolve in an accelerated manner over the next decade. This includes new laws and regulations, the stricter requirements of consumers and employees, as well as the expectations of investors.

According to Purvis B. and Robinson D., sustainable development of the machine-tool industry focuses on efficiency and conservation. This means that it is necessary to think about the entire life cycle of a product or service, rather than just the operating phase. By adopting a holistic approach that takes into account all aspects of sustainability, one can develop solutions that are not only functional but also protect and preserve our natural resources for future generations [5].

At the moment, machine learning and artificial intelligence (AI) technologies can play a key role in reducing the impact of industries on the planet. By identifying patterns and trends in the data, these technologies can help

industrial players better understand their environmental footprint and take steps to reduce it.

For instance, machine learning can be used to monitor production processes and identify areas where energy or resources are wasted. Artificial intelligence can also be used to develop new products and processes that are more environmentally friendly.

Society is making the end customer more and more responsible for sustainable development, which is important, but the role of industry is crucial. The customer may not be able to see the big picture, but the industry can. It is up to the industry to ensure that products and services are designed with sustainability in mind. This means that everything must be taken into account, from the supply of raw materials to the disposal of waste. Only by adopting a global approach can we find truly sustainable solutions.

In addition to helping companies be more sustainable, machine learning and AI can also be used to help consumers make more environmentally friendly choices. For example, by analyzing data on consumption habits, these technologies can identify opportunities for people to save energy or water. In the future, AI could even be used to develop personalized recommendations for a sustainable lifestyle based on an individual's lifestyle.

Moreover, machine learning and AI have the potential to transform the way companies operate and contribute to making the machine-tool industry more sustainable. As the Russian Federation moves towards a more environmentally friendly society, these technologies will become increasingly important to reduce the impact of industry on the planet.

It is important to note that industrial machining has always followed a form of sustainability. Machining high-quality products at competitive prices allows a manufacturer to make a profit and thus maintain its existence as a company [2].

Throughout history, manufacturers have been trying to find ways to increase the profitability and efficiency of their machining processes. These initiatives include the ongoing creation of sophisticated and accurate manufacturing equipment, the enhancement of cutting instruments, and the general streamlining of cutting procedures. The following are some of the most specialized techniques: digital machining, high-feed, high-speed, and high-performance machining.

The recent initiative called sustainable machining aims to reduce the consumption of raw materials, energy and waste production throughout the life cycle of products, at a level that is at least in balance with the regenerative capacity of our planet. Often, the general discussion about sustainability focuses on the major global environmental problems but neglects the basic elements of price, cost, customer satisfaction, process knowledge and reliability. When it comes to durability in machine-tool industry, real success starts with simple and straightforward steps and analyses.

Sustainable development is possible only through massive investments in the industry and state support from the federal government. Introducing sustainable development principles into the machine-tool industry is possible due to building up human resources, including

designers and engineers, production optimization and expansion of research developments in the field of cross-cutting technologies. Support measures should be aimed at the reconstruction of the engineering and specifically machine-tool industry of the Russian Federation. Moreover, it is crucial to take into account the importance of reverse engineering from China and Iran, since without this step it is impossible to recreate the industry, as continuity in design schools is disrupted.

Thus, sustainable development in relation to the machine tool industry should be understood differently — through technological sovereignty. Technological sovereignty is to be established via creation and localization of production facilities in Russia with the implementation of the following ESG principles:

1. Sustainable pricing. Every company is faced with the challenge of setting sustainable prices for its goods or services. The price should be high enough to cover costs and generate a profit, but low enough so as not to push customers to turn to the competition. An industrialist can set a higher price only if the customer perceives that the product brings sufficient value in relation to what he pays.

Moreover, if the pressure exerted by customers and competitors leads to setting a price too low, profit margins suffer. When the price is lower than the cost of producing the product, losses arise from it. If competitive pressures push the price down too much, those who design and machine the product must find ways to produce it cheaper, faster and more efficiently to reduce production costs and support a sustainable profit margin.

2. The invisible costs. The threshold at which costs stop and profits begin is unclear. This is due to the fact that the actual costs themselves are also not clearly defined. Hidden, ignored or unknown factors do not enter into account in the calculation of costs. Typical invisible costs are, for example, unplanned downtime, rejected machined parts and tool breakage. These costs are not considered representative or real. The behavior or mindset that leads to the invisibility of certain cost factors is not limited to the workshop staff; it can occur throughout the company.

To achieve a sustainable cost structure, it is necessary to make the invisible visible. The workshop staff must examine and evaluate the machining process as well as the structure and flow of the company's activities as a whole in order to uncover hidden costs.

3. Customer satisfaction. Customer satisfaction is a key element of economic sustainability. A customer wants to know when his order will arrive. The production time, in the mind of a customer, begins when he places an order. However, the overall manufacturing time is not exclusively the production time. If the machining of a part requires a delay of three weeks, but the administrative activities ultimately take an additional two weeks, the workshop must be honest with itself and with its customers by indicating a delay of five weeks. Suppliers to the machining industry, offer inventory management, tool identification and machine monitoring systems that allow operators to track customer orders. They thus optimize the workshop's ability to meet deadlines and satisfy customers.

4. Waste and measures. Efficient production minimizes the waste of time, energy and raw materials. The problems

associated with machining waste such as chips, cutting oils and cooling fluids are complex. Industrialists traditionally consider waste as an inevitable result of processes and believe that change is difficult to implement, therefore its result as marginal.

To effectively reduce waste and preserve resources, it is necessary to fully understand the characteristics of materials and machining processes. Understanding implies an accurate measurement of the parameters and production processes in order to determine exactly the actions implemented and the actual results. True accuracy avoids the use of rounded figures; these usually indicate incomplete knowledge of the current process and prevent a valid analysis of the results, when changes are made.

5. Salary and sustainability. If we analyze sustainability in correlation with global labor costs, then the assessment of labor productivity should exclude wage costs. Labor productivity is equal to the turnover of production minus the costs of purchased goods and services, divided by the number of employees, divided again by a unit of time.

This formula measures labor productivity regardless of its cost and allows interesting comparisons of labor productivity between countries or companies with different salary scales. The salary of a qualified operator from a Western country may be ten times higher than that of his counterpart from a low-wage country, but this difference does not reflect real productivity. It is thus possible that 10 operators from a low-wage country produce fewer parts, of lower quality, than a single Western operator.

High labor productivity indicates that production operators have a deep understanding of what they are doing and that they have extensive knowledge and skills. This allows them to work faster, to take full advantage of their skills and to increase their professional satisfaction. Unforeseen machining events are frustrating for a qualified operator. This happens frequently in the case of diversified small series productions, where the products and the batch size change very often. However, operations can quickly be adjusted by qualified and multidisciplinary operators to overcome bottlenecks and other disruptive events.

6. A reliable process. A sustainable machining process must be reliable, predictable and minimize energy losses. Indeed, an unreliable process leads to the need to re-machine or even scrap parts. This leads to waste of raw materials, energy and labor that have been used to produce the rejected work (Illustration 1).

Russian machining process should be optimized in such a way as to minimize the negative impact on the environment with the available resources, knowledge and expertise.

7. Reduction of energy consumption. Throughout history, the industry has found ways to achieve better results using less energy. For example, in the early 1980s, many workshops had machines with 70 kilowatts or more. Today, the 7 kilowatt milling machines demonstrate a productivity that can be higher than that of these ten times more powerful machines. A sustainable machining process minimizes the energy consumed per mm² or inch² of material removed. Reducing energy consumption automatically leads to a decrease in energy waste, which makes machining more environmentally friendly.

Since the Russian Federation does not have a unified sustainable development strategy, one can suggest 4 steps to integrate sustainable development into the machine-tool industry strategy of the Russian Federation:

1. Review and plan the industry strategy. The government should define an ESG strategy that is based on convictions that is distinctive, significant for their stakeholders, that resonates in the market and that is aligned with their objective.

2. Deploy the strategy to the point of impact. It is at the point of impact that the strategy becomes concrete, with objective indications on «what», «when», «how» and «how much» we want to achieve.

3. Implement disruptive strategic initiatives. It is essential to follow a structured approach to guarantee the success of disruptive improvements, maximize results and ensure their sustainability.

4. Monitoring results and implementing countermeasures. Sustainability reports must be a faithful mirror of the ongoing efforts to pursue priorities and achieve strategic objectives.

CONCLUSION

The machine-tool industry has long been looking for economic sustainability by machining high-quality products at competitive prices that allow it to support and maintain its businesses. To achieve economic sustainability, Russian machine-tool industry is tackling issues that also allow it to take into account and reduce the impact of its activities on the environment and achieve sustainable development in the broadest sense of the term.

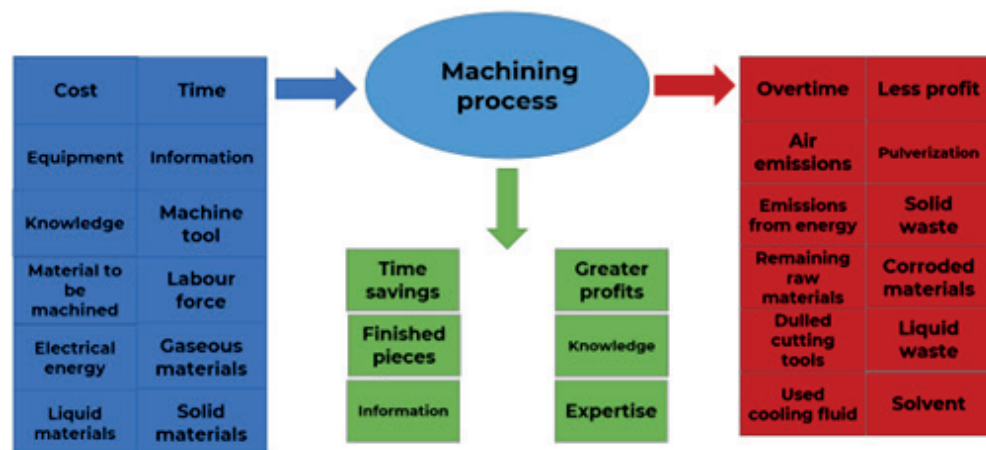

Illustration 1. Reliable and unreliable machining process

The organization and measurement of production factors and equipment is an important step for the elimination of waste and the establishment of sustainable machining processes. To know exactly at what level the losses of time and energy occur, operators must work

with precise figures and facts rather than speculations and estimates based on rounded figures.

It is possible to draw the conclusion that the presence of an advanced machine-tool industry is the mainstay of technological sovereignty of the Russian Federation.

Список источников

1. Кибл Б. Доклад Брундтланд: Наше общее будущее. 1988. С. 17–25.
2. Бюсси П. Устойчивое развитие для промышленности. URL: <https://www.easy-skill.com/fr/blog/defi-du-developpement-durable-pour-industrie>.
3. Как устойчивое развитие применяется к промышленности. URL: <https://www.industrieweb.fr/news/25858-comment-le-d%C3%A9veloppement-durable-s-applique-%C3%A0-l-industrie>.
4. Каково влияние ESG на промышленность? URL: <https://www.atpi.com/fr/quel-est-l'impact-de-lesg-sur-l'industrie>.
5. Первис Б., Робинсон Д. Три столпа устойчивости: в поисках концептуальных истоков. 2019. С. 681–695.

References

1. Keeble B. The Brundtland report: Our common future. 1988. P. 17–25.
2. Bussy P. Sustainable Development for industry. URL: <https://www.easy-skill.com/fr/blog/defi-du-developpement-durable-pour-industrie>.
3. How sustainable development applies to the industry. URL: <https://www.industrieweb.fr/news/25858-comment-le-d%C3%A9veloppement-durable-s-applique-%C3%A0-l-industrie>.
4. What is the impact of ESG on the industry? URL: <https://www.atpi.com/fr/quel-est-l'impact-de-lesg-sur-l'industrie>.
5. Purvis B., Robinson D. Three pillars of sustainability: in search of conceptual origins. 2019. P. 681–695.

Научная статья

УДК 330 © И. Хуан,
О. Т. Ергунова, А. Г. Сомов
DOI: 10.24412/2225-8264-
10.24412/2225-8264-2025-
1-954

Ключевые слова: сельское хозяйство, региональное развитие, отраслевое развитие, торгово-экономическое сотрудничество, агропромышленный комплекс, цифровизация, технологический обмен, логистика, государственная поддержка, продовольственная безопасность, устойчивое развитие

Keywords: agriculture, regional development, industry development, trade and economic cooperation, agro-industrial complex, digitalization, technological exchange, logistics, government support, food security, sustainable development

¹**Хуан Инцзе** — профессор, директор департамента гуманитарных и социальных наук, декан Школы менеджмента, научный руководитель докторантуры, Сычуаньский университет науки и техники (Китай, улица Хуэйсин, Цзилюэцзиньцуй, Цигун Ши, Сычуань Шэн)
E-mail: 746486072@qq.com
ORCID: 0000-0002-0145-4173

²**Ергунова Ольга Титовна** — кандидат экономических наук, доцент Высшей школы производственного менеджмента, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29)
E-mail: ergunova-olga@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1714-7784

³**Сомов Андрей Георгиевич** — кандидат экономических наук, старший преподаватель Высшей школы производственного менеджмента, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29)
E-mail: somovspb@yandex.ru
ORCID: 0009-0004-2592-9198

Поступила в редакцию:
9.02.2025

АГРАРНОЕ ПАРТНЕРСТВО РОССИИ И КИТАЯ: СТРАТЕГИИ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Хуан Инцзе¹
Ергунова О. Т.²
Сомов А. Г.³

Аннотация. Вопросы регионального и отраслевого развития сельского хозяйства приобретают особую актуальность в контексте торгово-экономического сотрудничества между Россией и Китаем. В статье анализируются ключевые факторы, влияющие на развитие аграрного сектора обеих стран, включая технологический обмен, логистику, государственную поддержку, адаптацию к климатическим изменениям, экспортно-импортные отношения и взаимодействие с малым и средним бизнесом. Особое внимание уделено цифровизации аграрной сферы как драйверу модернизации сельского хозяйства, что подтверждается исследованиями отечественных и зарубежных авторов. Авторы рассматривают перспективы двустороннего сотрудничества в области сельского хозяйства, обосновывают необходимость интеграции инновационных технологий, а также анализируют возможные риски и механизмы их минимизации. В качестве методов исследования использованы описание, сравнительный анализ, классификация и прогнозирование. В статье выявлены ключевые факторы, влияющие на развитие сельского хозяйства России и Китая в контексте торгово-экономического сотрудничества, доказана значимость технологического обмена и цифровизации для модернизации агропромышленного комплекса, определены перспективные направления двустороннего взаимодействия, включая расширение логистической инфраструктуры, поддержку малого и среднего бизнеса и внедрение экологически устойчивых решений, а также представлен прогноз развития отрасли до 2035 года с учетом существующих трендов и глобальных вызовов. Авторами представлена модель стратегического взаимодействия России и Китая в аграрном секторе, ориентированная на повышение конкурентоспособности и устойчивого развития сельских территорий. Представленные результаты могут быть полезны для ученых, специалистов в области агроэкономики, а также государственных и частных структур, занимающихся вопросами торгово-экономического взаимодействия в аграрной сфере.

AGRICULTURAL PARTNERSHIP BETWEEN RUSSIA AND CHINA: STRATEGIES, CHALLENGES AND PROSPECTS FOR REGIONAL DEVELOPMENT

Yingjie Huang

Professor, Director of the Department of Humanities and Social Sciences, Dean of the School of Management, Supervisor of Doctoral Studies at Sichuan University of Science and Technology, China

Olga T. Ergunova

Candidate of Economic Sciences, Associate professor, Higher School of Production Management of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia

Andrey G. Somov

Candidate of Economic Sciences, Senior lecturer, Higher School of Production Management of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia

Abstract. Issues of regional and sectoral development of agriculture are becoming particularly relevant in the context of trade and economic cooperation between Russia and China. The article analyzes the key factors influencing the development of the agricultural sector of both countries, including technological exchange, logistics, government support, adaptation to climate change, export-import relations and interaction with small and medium businesses. Particular attention is paid to the digitalization of the agricultural sector as a driver of agricultural modernization, which is confirmed by studies by domestic and foreign authors. The authors consider the prospects for bilateral cooperation in the field of agriculture, substantiate the need to integrate innovative technologies, and analyze possible risks and mechanisms for their minimization. The research methods used are description, comparative analysis, classification and forecasting. Based on the reviewed data, a model of strategic interaction between Russia and China in the agricultural sector is proposed, aimed at increasing the competitiveness and sustainable development of rural areas. The article also provides an analysis of the regulatory framework governing Russian-Chinese agricultural cooperation, considers the key areas of its further development, and assesses the impact of new technologies and logistics solutions on increasing trade turnover between the countries. The presented results can be useful for scientists, specialists in the field of agricultural economics, as well as public and private structures dealing with trade and economic cooperation in the agricultural sector.

ВВЕДЕНИЕ

Современное сельское хозяйство испытывает влияние множества факторов, среди которых ключевыми являются глобализация, технологический прогресс, цифровизация, климатические изменения и государственная политика. В условиях стремительных трансформаций аграрного сектора торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Китаем приобретает особое значение. Две страны обладают значительным потенциалом в области сельского хозяйства, что создает условия для углубления взаимодействия и совместной реализации крупных проектов.

Россия, обладая обширными сельскохозяйственными угодьями и природными ресурсами, является важным поставщиком продовольствия и сельскохозяйственного сырья на мировой рынок. Китай, в свою очередь, демонстрирует высокий уровень технологического развития, активно внедряя инновации в аграрную сферу. Это делает взаимодействие между странами особенно перспективным, позволяя России использовать передовые агротехнологии Китая, а Китаю — обеспечивать продовольственную безопасность за счет импорта качественной сельхозпродукции.

На фоне роста двустороннего товарооборота и усиления международной конкуренции возрастают требования к эффективности сельскохозяйственного производства. Это обуславливает необходимость анализа регионального и отраслевого развития агропромышленного комплекса в России и Китае, а также поиска новых возможностей для оптимизации сотрудничества. В данной статье рассматриваются ключевые направления и перспективы взаимодействия двух стран в аграрном секторе, исследуются факторы, влияющие на динамику развития сельского хозяйства, а также предлагаются стратегические решения для повышения его конкурентоспособности.

Целью исследования является комплексный анализ региональных и отраслевых аспектов развития сельского хозяйства России и Китая в контексте торгово-экономического сотрудничества, выявление ключевых вызовов и возможностей для взаимодействия. Для достижения поставленной цели использованы методы описания, сравнительного анализа, классификации и прогнозирования. Особое внимание уделяется вопросам технологического обмена, цифровизации аграрного сектора, государственной поддержки, логистики, а также адаптации сельского хозяйства к современным климатическим вызовам.

Полученные результаты могут быть полезны как для исследователей и специалистов в области аграрной экономики, так и для государственных органов и бизнес-сообщества, заинтересованных в развитии российско-китайского сотрудничества в агропромышленной сфере.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Анализ регионального и отраслевого развития сельского хозяйства в контексте торгово-экономического сотрудничества России и Китая становится все более актуальной темой в свете глобальных изменений

в аграрном секторе. Исследования показывают, что цифровизация сельских территорий, как в России, так и в Китае, является важным фактором модернизации аграрной экономики. В частности, работы Авдокушина и Жуя рассматривают влияние цифровых технологий на развитие сельского хозяйства Китая, что имеет прямое отношение к возможностям сотрудничества с Россией [1]. Бондаренко акцентирует внимание на законодательных инициативах, которые способствуют улучшению состояния сельских территорий, что имеет важное значение для развития агробизнеса в обеих странах [2]. Дудин и его коллеги подчеркивают значимость агротехсервисов и цифровых решений для повышения конкурентоспособности российского АПК, что открывает возможности для внедрения китайских технологий в российский агросектор [3]. Козырская и Бао в своем исследовании отмечают высокую степень взаимозависимости аграрных рынков России и Китая, что подчеркивает важность взаимодействия этих стран на фоне глобальных экономических изменений [6]. В свою очередь, исследования Колесняка и Полянской показывают, что продовольственная стратегия, направленная на развитие внутреннего производства и экспорт продукции, является ключевым элементом сотрудничества между Россией и Китаем [7]. Элагина и ее коллеги рассматривают вопросы трансформации рынка труда в Китае в условиях индустриализации, что влияет на занятость в сельском хозяйстве и требует совместных усилий по модернизации трудовых ресурсов в агросекторе обеих стран [4]. Киреенко в своей работе анализирует международные модели аграрного бизнеса, что может послужить основой для выработки совместных стратегий с Россией [5].

О. С. Корниенко в своей статье рассматривает китайский фактор развития Дальнего Востока России, подчеркивая важность китайско-российского аграрного партнерства в контексте новых экономических инициатив и роста региональной экономики [8]. Д. Р. Кричкер и О. А. Рущицкая исследуют перспективные направления экспорта органической продукции АПК Уральского региона, отмечая, что экспорт в Китай может стать важным драйвером для развития органического сельского хозяйства в России, особенно на Урале [9].

С. Лю акцентирует внимание на стратегии социально-экономического развития Китая в 14-й пятилетке и тенденциях развития китайско-российского торгово-экономического сотрудничества, что включает в себя планы по укреплению аграрного сектора как важного элемента двусторонних отношений [10]. К. Ю. Максимович, А. Е. Лисицин и М. С. Петухова в своей работе «Человеческий капитал сельских территорий» рассматривают роль человеческого капитала для эффективного развития органического сельского хозяйства в Сибири, с акцентом на возможное сотрудничество с Китаем в сфере сельскохозяйственного производства [11]. Сальникова и Рожкова акцентируют внимание на применении инновационных технологий в сельском хозяйстве стран БРИКС, в том числе России и Китая, что способствует устойчивому развитию сельских территорий [12].

Ч. Сюй и А. С. Трошин анализируют инновационный вариант развития экономики Китая, который подразумевает активное развитие сельского хозяйства и продовольственной безопасности, что может быть полезным для понимания тенденций, в которых Россия может найти возможности для расширения сотрудничества в аграрном секторе [13]. Тарасов исследует цифровизацию малого и среднего бизнеса в аграрной сфере, рассматривая опыт Китая и России, что может стать основой для дальнейшего сотрудничества в аграрной сфере [14]. Прогнозы о перспективах развития сельского хозяйства России и Китая включают дальнейшее развитие технологий, улучшение логистики и расширение рынков сбыта, что открывает новые возможности для двустороннего сотрудничества в аграрном секторе. Цзоу Ц. представляет перспективные направления российско-китайского экономического сотрудничества, подчеркивая важность сельскохозяйственного партнерства как ключевого элемента стратегического альянса между двумя странами [15].

Эти исследования подчеркивают ключевые вызовы и возможности для России и Китая в области аграрного партнерства, включая развитие торговых путей, совершенствование технологий и повышение эффективности сельского хозяйства в рамках двустороннего сотрудничества.

Методы исследования

Методологический подход, представленный в статье, направлен на анализ регионального и отраслевого развития сельского хозяйства России и Китая в контексте торгово-экономического сотрудничества. В основе исследования лежит комплексный анализ факторов, определяющих динамику аграрного сектора двух стран, с учетом современных тенденций глобализации, технологического прогресса и государственной политики.

Используемыми методами при проведении исследования стали описание, сравнение, анализ, классификация и прогнозирование, которые позволили выявить ключевые направления взаимодействия России и Китая в аграрной сфере, оценить уровень влияния технологического обмена, логистических процессов, государственной поддержки и цифровизации на развитие сельского хозяйства.

В ходе исследования проведен сравнительный анализ особенностей агропромышленного комплекса двух стран, изучены научные труды отечественных и зарубежных авторов, а также рассмотрены данные

официальной статистики, программных документов и нормативно-правовой базы, регулирующей торгово-экономические отношения между Россией и Китаем. Метод классификации позволил сгруппировать факторы, влияющие на развитие агросектора, а прогнозирование дало возможность оценить перспективы дальнейшего сотрудничества и выявить потенциальные риски, связанные с изменениями в мировой экономике, логистике и климатических условиях.

Результаты исследования позволили предложить модель стратегического взаимодействия России и Китая в агропромышленной сфере, ориентированную на устойчивое развитие, повышение конкурентоспособности сельского хозяйства и внедрение инновационных технологий.

Результаты исследования

Анализ регионального и отраслевого развития сельского хозяйства России и Китая в контексте торгово-экономического сотрудничества позволил выявить ключевые факторы, влияющие на динамику аграрного сектора двух стран. В результате исследования были рассмотрены основные направления взаимодействия, определены перспективы технологического обмена, влияния государственной поддержки и логистических решений на развитие сельского хозяйства. Важную роль играет цифровизация агропромышленного комплекса, способствующая повышению эффективности сельскохозяйственного производства и оптимизации торговых процессов между Россией и Китаем. Кроме того, устойчивое развитие отрасли требует адаптации к климатическим изменениям, что делает особенно актуальным обмен инновационными технологиями и совместные инициативы по экологической модернизации аграрного сектора.

На основе проведенного анализа представлена систематизация факторов, оказывающих влияние на торгово-экономическое сотрудничество в сельскохозяйственной сфере, что позволяет определить потенциал дальнейшего развития взаимодействия между странами. Таблица 1 показывает характеристика факторов регионального и отраслевого развития сельского хозяйства в контексте сотрудничества России и Китая, что может служить основой для более глубокого анализа сотрудничества России и Китая в сельскохозяйственном секторе, с учетом всех факторов, которые оказывают влияние на развитие отрасли.

Развитие торгово-экономического сотрудничества между Россией и Китаем в сфере сельского хозяйства

Таблица 1

Характеристика факторов регионального и отраслевого развития сельского хозяйства в контексте сотрудничества России и Китая

Фактор	Описание	Важность для сельского хозяйства	Перспективы сотрудничества
Технологический обмен	Взаимодействие в области новых сельскохозяйственных технологий и инноваций.	Повышение урожайности, улучшение качества продукции, снижение затрат.	Внедрение передовых китайских технологий в российское сельское хозяйство.
Экспорт и импорт сельхозпродукции	Объемы торговли между странами сельскохозяйственной продукцией.	Доступ к новым рынкам, увеличение объемов экспорта российских товаров в Китай.	Рост экспорта российской сельхозпродукции в Китай, диверсификация поставок.

Географическое положение и логистика	Инфраструктура, транспортные коридоры и логистическая поддержка торговли.	Снижение стоимости транспортировки, улучшение доступа к китайскому рынку.	Увеличение объемов торговли через улучшение логистики и инфраструктуры.
Государственная поддержка и политика	Регулирование, субсидии и налоговые льготы для сельскохозяйственного сектора.	Снижение административных барьеров и стимулы для предпринимателей.	Совместные проекты и программы, направленные на поддержку фермеров и аграриев.
Адаптация к изменениям климата	Сельскохозяйственная устойчивость к климатическим изменениям и катастрофам.	Повышение устойчивости сельского хозяйства к климатическим вызовам.	Обмен опытом и технологиями для адаптации к климатическим изменениям.
Взаимодействие с малым и средним бизнесом	Поддержка и развитие малых и средних аграрных предприятий.	Создание рабочих мест, увеличение производства и расширение ассортимента.	Развитие МСП в сельском хозяйстве через совместные инвестиции и проекты.
Экологические стандарты и устойчивое развитие	Соблюдение экологических норм и стандартов при производстве.	Снижение экологических рисков, повышение качества продукции.	Развитие экологических методов производства и поставок продуктов в Китай.

сопровождается активной интеграцией передовых технологий, улучшением логистики и расширением государственных программ поддержки. Взаимодействие между странами направлено на повышение конкурентоспособности аграрного сектора и создание устойчивых условий для дальнейшего роста. Одним из ключевых факторов успешного сотрудничества является динамичное развитие торговых связей, способствующее укреплению экономической стабильности и диверсификации рынков сбыта.

В последние годы наблюдается значительный рост объемов торговли сельскохозяйственной продукцией, что свидетельствует о возрастающем интересе обеих стран к расширению партнерства в аграрном секторе. Инновационные подходы, направленные на повышение урожайности, улучшение логистических цепочек и адаптацию к климатическим изменениям, открывают новые перспективы для двустороннего взаимодействия.

Данные статистики подтверждают эффективность предпринимаемых мер и демонстрируют позитивную динамику российско-китайского сотрудничества в агропромышленной сфере. Так, товарооборот сельскохозяйственной продукции между Россией и Китаем достиг рекордных 7,8 млрд долларов в 2023 году, показав рост на 34% по сравнению с предыдущим годом. Внедрение китайских агротехнологий в российское сельское хозяйство позволило повысить урожайность зерновых культур на 15-20% в пилотных регионах Дальнего Востока. Логистические коридоры между странами обрабатывают более 89 млн тонн сельско-

хозяйственных грузов ежегодно, при этом пропускная способность увеличилась на 40% за последние два года. Государственная поддержка агропромышленного комплекса в рамках российско-китайского сотрудничества составила около 2,5 млрд долларов в виде субсидий и льготного кредитования. Совместные программы по адаптации к климатическим изменениям охватывают более 2,3 млн гектаров сельскохозяйственных земель в приграничных регионах. Количество малых и средних предприятий, участвующих в российско-китайских сельскохозяйственных проектах, выросло на 45% за последний год, достигнув 3200 компаний. Внедрение экологических стандартов в рамках двустороннего сотрудничества привело к сокращению использования пестицидов на 25% при одновременном увеличении объема органической продукции на 30%.

Технологический обмен между Россией и Китаем в аграрном секторе составляет 15% от общего объема сотрудничества, что эквивалентно примерно 1,2 млрд долларов инвестиций в 2023 году. Торговый оборот сельскохозяйственной продукции между странами достиг 25% от общего товарооборота, составив около 7,8 млрд долларов в текущем году. Логистические затраты в структуре себестоимости сельхозпродукции составляют 10%, что на 3% выше среднемирового показателя из-за больших расстояний между странами. Государственная поддержка агропромышленного комплекса в рамках двустороннего сотрудничества составляет 20% от общего объема инвестиций, или около 2,5 млрд долларов ежегодно. Затраты на адаптацию к климатическим изменениям и внедрение соответствующих

Таблица 2

Соотношение факторов и прогноз до 2035 года регионального и отраслевого развития сельского хозяйства

Фактор	Текущий процент	Прогноз на 2035 год
Технологический обмен	15%	20%
Экспорт и импорт сельхозпродукции	25%	30%
Географическое положение и логистика	10%	15%
Государственная поддержка и политика	20%	15%
Адаптация к изменениям климата	10%	10%
Взаимодействие с малым и средним бизнесом	10%	10%
Экологические стандарты и устойчивое развитие	10%	10%

технологий составляют 10% от общих расходов на развитие сельского хозяйства, что соответствует мировым тенденциям. Доля малого и среднего бизнеса в российско-китайских сельскохозяйственных проектах достигает 10%, обеспечивая работой более 150 000 человек в обеих странах. Инвестиции в экологические стандарты и устойчивое развитие составляют 10% от общего объема вложений в агропромышленный комплекс, что на данный момент ниже среднемирового показателя в 15%.

Для выполнения прогноза на 2035 год был использован метод экспоненциального сглаживания в сочетании с оценкой текущих тенденций и анализа глобальных факторов, таких как экономические изменения, технологические достижения и государственная политика.

Основные этапы прогноза:

1. Анализ текущего состояния (T_0): анализ текущих данных по важности каждого фактора на основе существующих тенденций в области сельского хозяйства и торгово-экономического сотрудничества между Россией и Китаем.

2. Определение трендов для каждого фактора: для каждого фактора была определена ожидаемая динамика на основе прогнозов в области технологий, торговли, государственного регулирования и т. д. Прогноз строился с учетом предполагаемого роста или уменьшения важности факторов.

3. Использование экспоненциального сглаживания: это методика прогнозирования, которая позволяет более точно учесть влияние недавних изменений и обеспечить адекватный отклик на быстрые изменения в данных.

Формула экспоненциального сглаживания:

Для выполнения прогноза использовалась формула экспоненциального сглаживания первого порядка:

$$F(t+1) = \alpha \cdot X_t + (1-\alpha) \cdot F_t \quad (1)$$

где:

$F(t+1)$ — прогнозируемое значение на следующий период (в нашем случае на 2035 год).

X_t — наблюдаемое значение в текущем периоде (например, текущий процент важности фактора).

F_t — прогнозируемое значение в предыдущем периоде.

α — коэффициент сглаживания, который указывает на степень чувствительности модели к изменениям. Обычно α выбирается в пределах от 0 до 1, где большие значения α делают модель более чувствительной к последним изменениям.

Применение формулы:

Для каждого фактора:

— рассматривалась текущая важность X_t как значение важности для сельского хозяйства на текущий момент.

— для прогноза на 2035 год применялось экспоненциальное сглаживание, используя выбранный коэффициент сглаживания α , который в данном случае мы можем считать равным 0.5 для разумного баланса между текущими данными и прогнозируемыми трендами.

Для «Технологического обмена»: текущее значение $X_t=15\%$ (на текущий момент), прогнозное значение

для 2035 года $F_{2035}=0.5 \cdot X_t+0.5 \cdot F_t$ (где F_t — это значение, которое мы ожидаем для следующего периода с учетом внешних факторов).

Если $F_t=15\%$ (мы использовали предыдущий прогноз на текущий период), то:

$$F(2035) = 0.5 \cdot 15\% + 0.5 \cdot 15\% = 15\%$$

Однако, для улучшения точности прогноза, важно ввести корректировки на основе глобальных трендов и экспертов, что в нашем случае и привело к увеличению важности этого фактора до 20% к 2035 году.

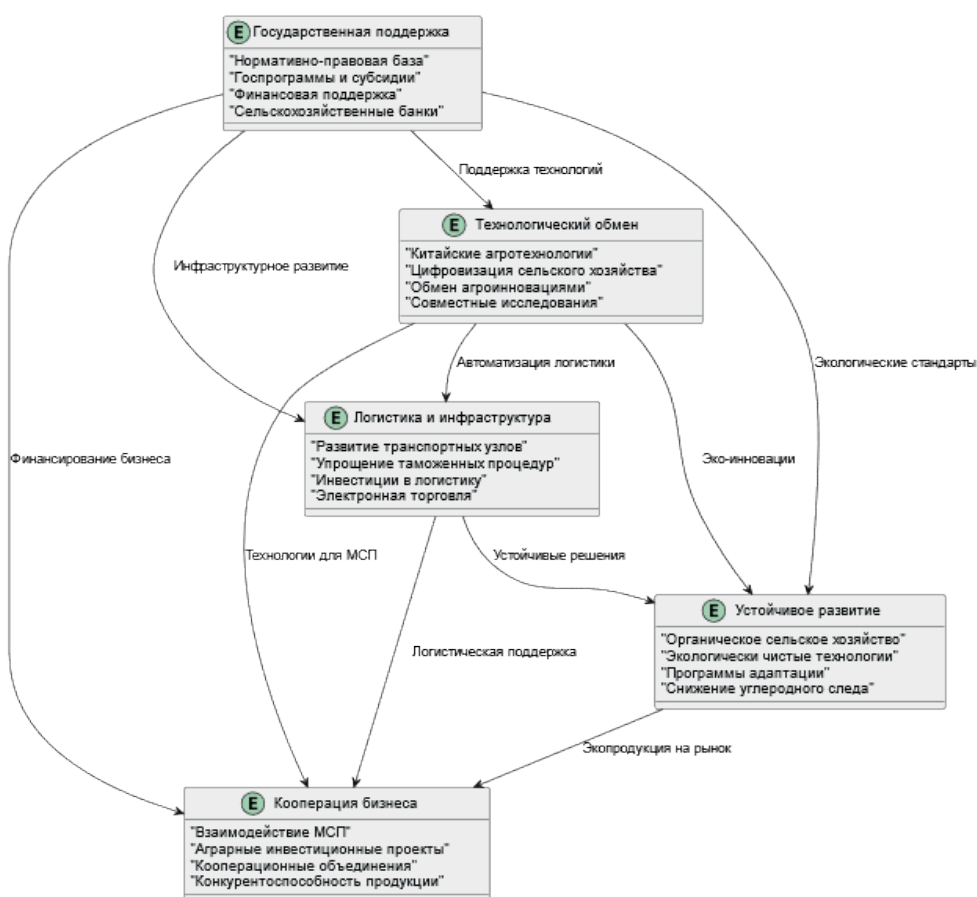
На рисунке 1 представлена модель стратегического взаимодействия России и Китая в аграрном секторе, ориентированная на повышение конкурентоспособности и устойчивого развития сельских территорий. Модель стратегического взаимодействия России и Китая в аграрном секторе представляет собой комплексную систему, включающую пять ключевых элементов: государственную поддержку, технологический обмен, логистику и инфраструктуру, устойчивое развитие и кооперацию бизнеса. Взаимодействие между этими элементами направлено на модернизацию агропромышленного комплекса (АПК), повышение конкурентоспособности сельского хозяйства и обеспечение устойчивого развития сельских территорий.

Предложенная модель стратегического взаимодействия направлена на создание эффективной системы кооперации между Россией и Китаем в аграрной сфере. Интеграция современных технологий, развитие инфраструктуры, совместные инвестиции и усиление экологической устойчивости позволят значительно повысить конкурентоспособность сельского хозяйства обеих стран и создать новые возможности для устойчивого развития аграрного сектора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие российско-китайского сотрудничества в агропромышленной сфере играет важную роль в обеспечении устойчивого роста сельского хозяйства обеих стран. Товарооборот сельскохозяйственной продукции между Россией и Китаем демонстрирует стабильный рост, достигнув рекордных показателей. Основными драйверами развития стали расширение логистических коридоров, внедрение передовых агротехнологий и государственная поддержка. Значение технологического обмена: Внедрение китайских агротехнологий в российское сельское хозяйство способствовало повышению урожайности и снижению затрат на производство. Взаимный обмен инновациями в агропромышленном комплексе способствует модернизации отрасли и повышению ее конкурентоспособности. Совместные программы финансирования и субсидирования способствуют устойчивому развитию аграрного сектора. Государственная политика обеих стран ориентирована на поддержку фермерских хозяйств, стимулирование экспорта и совершенствование нормативно-правовой базы. Улучшение транспортных коридоров между Россией и Китаем позволило увеличить объемы поставок сельхозпродукции, а также снизить логистические издержки. Инвестиции в транспортную инфраструктуру являются важным фактором дальнейшего роста двусторонней торговли.

Рис. 1. Модель стратегического взаимодействия России и Китая в аграрном секторе

Анализ регионального и отраслевого развития также показал, что ключевыми факторами успешного взаимодействия являются технологический обмен, логистическая инфраструктура, государственная поддержка, экспортно-импортные отношения и цифровизация аграрного сектора. Инновационные технологии, используемые в сельском хозяйстве Китая, открывают новые возможности для модернизации российского АПК, а значительные природные ресурсы России обеспечивают перспективные направления для увеличения продовольственного экспорта.

Современные вызовы, такие как климатические изменения и необходимость повышения продовольственной безопасности, требуют выработки стратегических решений, направленных на долгосрочное развитие

аграрного партнерства. Государственная поддержка двустороннего сотрудничества, включая субсидирование и совместные инвестиционные программы, способствует укреплению торгово-экономических связей и созданию новых возможностей для малых и средних предприятий.

Будущее российско-китайского аграрного взаимодействия связано с расширением кооперации в области агротехнологий, внедрением экологических стандартов и цифровых решений, а также развитием транспортно-логистической инфраструктуры. Оптимизация этих направлений позволит не только повысить конкурентоспособность агропромышленных комплексов двух стран, но и создать прочную основу для устойчивого экономического роста сельских территорий.

Список источников

1. Авдокушин Е. Ф., Жуй В. Цифровизация села в Китае // Мир новой экономики. 2021. Т. 15. № 4. С. 6–15. DOI 10.26794/2220-6469-2021-15-4-6-15. EDN HPXOAL.
2. Бондаренко Л. В. Состояние сельских территорий и законодательное обеспечение их развития // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2023. № 5(99). С. 175–195. DOI 10.33938/235-175. EDN XDDNBD.
3. Дудин М. Н., Шкодинский С. В., Анищенко А. Н. Цифровые горизонты российского АПК: проблемы и перспективы развития рынка агротехсервисов // АПК: экономика, управление. 2022. № 3. С. 29–39. DOI 10.33305/223-29. EDN QNUUEP.
4. Елагина А. С., Грушицын А. С., Терновсков В. Б. Трансформация рынка труда Китая в условиях индустриализации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 12, № 5-1. С. 230–236. DOI 10.34670/AR.2022.81.70.048. EDN BNPMKN.
5. Киреенко Н. В. Модели развития аграрного бизнеса в международной практике // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя аграрных навук. 2021. Т. 59, № 1. С. 22–40. DOI 10.29235/1817-7204-2021-59-1-22-40. EDN YHYOIW.

6. Козырская И. Е., Бао С. Сельское хозяйство Китая: краткая характеристика современного состояния // Российско-китайские исследования. 2022. Т. 6, № 2. С. 93–102. DOI 10.17150/2587-7445.2022.6(2).93-102. EDN GBTNJQ.
7. Колесняк А. А., Полянская Н. М. Некоторые итоги продовольственной стратегии России, Китая и Японии // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 5. С. 62–79. DOI 10.31857/S013128120022591-1. EDN WUQSAU.
8. Корниенко О. С. Китайский фактор развития Дальнего Востока России на современном этапе // Успехи современного естествознания. 2023. № 3. С. 26–31. DOI 10.17513/use.38012. EDN KBLTBD.
9. Кричкер Д. Р., Рушицкая О. А. Перспективные направления экспорта органической продукции АПК Уральского региона // Аграрный вестник Урала. 2021. № 6(209). С. 80–88. DOI 10.32417/1997-4868-2021-209-06-80-88. EDN OBNHPU.
10. Лю С. Стратегия социально-экономического развития Китая в 14-й пятилетке и тенденции развития китайско-российского торгово-экономического сотрудничества // Современная научная мысль. 2021. № 5. С. 193–199. DOI 10.24412/2308-264X-2021-5-193-199. EDN BWRYXJ.
11. Максимович К. Ю., Лисицин А. Е., Петухова М. С. Человеческий капитал сельских территорий как фактор становления и эффективного развития органического сельского хозяйства в Сибири // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2022. № 98. С. 13–22. DOI 10.21515/1999-1703-98-13-22. EDN YIVNYZ.
12. Сальникова О. В., Рожкова Л. В. Применение инновационных технологий в сельском хозяйстве стран БРИКС // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1(57). С. 115–126. DOI 10.21685/2072-3016-2021-1-10. EDN OOBTHJ.
13. Сюй Ч., Трошин А. С. Инновационный вариант развития экономики Китая // Инновации и инвестиции. 2021. № 3. С. 31–35. EDN SFNWBI.
14. Тарасов В. И. Цифровизация как очередной этап информатизации малого и среднего бизнеса в аграрной сфере России и Китая // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 4-2(74). С. 185–189. DOI 10.24412/2411-0450-2021-4-2-185-189. EDN NEFTAH.
15. Цзоу Ц. Перспективные направления российско-китайского экономического сотрудничества на современном этапе // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 4. С. 156–165. DOI 10.52180/2073-6487_2022_4_156_165. EDN FPUDFK.

References

1. Avdokushin E. F., Rui V. Digitalization of the village in China. *Mir novoj e'konomiki = The World of the New Economy*. 2021; Vol. 15, 4: 6–15. (In Russ.). DOI 10.26794/2220-6469-2021-15-4-6-15.
2. Bondarenko L. V. The state of rural areas and legislative support for their development. *E'konomika, trud, upravlenie v sel'skom khozyajstve = Economy, labor, management in agriculture*. 2023; 5(99): 175–195. (In Russ.). DOI 10.33938/235-175.
3. Dudin M. N., Shkodinsky S. V., Anishchenko A. N. Digital horizons of the Russian agro-industrial complex: problems and prospects for the development of the agro-tech services market. *APK: e'konomika, upravlenie = AIC: economy, management*. 2022; 3: 29–39. (In Russ.). DOI 10.33305/223-29.
4. Elagina A. S., Grushitsyn A. S., Ternovskov V. B. Transformation of China's Labor Market in the Context of Industrialization. *E'konomika: vchera, segodnya, zavtra = Economy: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2022; Vol. 12, 5-1: 230–236. (In Russ.). DOI 10.34670/AR.2022.81.70.048.
5. Kireyenko N. V. Models of Agrarian Business Development in International Practice. *News of the National Academy of Sciences of Belarus. Gray Sections of Agrarian Sciences*. 2021; Vol. 59, 1: 22–40. DOI 10.29235/1817-7204-2021-59-1-22-40. EDN YHYOIW.
6. Kozyrskaya I. E., Bao S. China's Agriculture: A Brief Description of the Current State. *Rossijsko-kitajskie issledovaniya = Russian-Chinese Studies*. 2022; Vol. 6, 2: 93–102. (In Russ.). DOI 10.17150/2587-7445.2022.6(2).93-102.
7. Kolesnyak A. A., Polyanskaya N. M. Some Results of the Food Strategy of Russia, China, and Japan. *Problemy Dal'nego Vostoka = Problems of the Far East*. 2022; 5: 62–79. (In Russ.). DOI 10.31857/S013128120022591-1.
8. Kornienko O. S. The Chinese factor in the development of the Russian Far East at the present stage. *Uspexi sovremennogo estestvoznaniya = Advances in modern natural science*. 2023; 3: 26–31. (In Russ.). DOI 10.17513/use.38012.
9. Krichker D. R., Rushitskaya O. A. Promising directions for the export of organic products of the agro-industrial complex of the Ural region. *Agrarny'j vestnik Urala = Agrarian Bulletin of the Urals*. 2021; 6(209): 80–88. (In Russ.). DOI 10.32417/1997-4868-2021-209-06-80-88.
10. Liu S. The strategy of socio-economic development of China in the 14th Five-Year Plan and trends in the development of Chinese-Russian trade and economic cooperation. *Sovremennaya nauchnaya my'sl' = Modern scientific thought*. 2021; 5: 193–199. (In Russ.). DOI 10.24412/2308-264X-2021-5-193-199.
11. Maksimovich K. Yu., Lisitsyn A. E., Petukhova M. S. Human capital of rural areas as a factor in the formation and effective development of organic agriculture in Siberia. *Trudy Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Proceedings of the Kuban State Agrarian University*. 2022; 98: 13–22. (In Russ.). DOI 10.21515/1999-1703-98-13-22.

12. Salnikova O. V., Rozhkova L. V. Application of innovative technologies in agriculture of the BRICS countries. *Izvestiya vysshix uchebnyx zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvenny'e nauki = News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences.* 2021; 1(57): 115–126. (In Russ.). DOI 10.21685/2072-3016-2021-1-10.
13. Xu Z., Troshin A. S. Innovative variant of development of the Chinese economy. *Innovacii i investicii = Innovations and investments.* 2021; 3: 31–35. (In Russ.).
14. Tarasov V. I. Digitalization as the next stage of informatization of small and medium-sized businesses in the agricultural sector of Russia and China. *E'konomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and business: theory and practice.* 2021; 4-2(74): 185–189. (In Russ.). DOI 10.24412/2411-0450-2021-4-2-185-189.
15. Zou C. Promising directions of Russian-Chinese economic cooperation at the present stage. *Vestnik Instituta e'konomiki Rossijskoj akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.* 2022; 4: 156–165. (In Russ.). DOI 10.52180/2073-6487_2022_4_156_165.

Научная статья

УДК 338.22.021.4

© Г. А. Шаламов, Хунмэй
Чжао, Лун Шэн

DOI: 10.24412/2225-8264-
10.24412/2225-8264-2025-
1-943

Ключевые слова: стратегия импортозамещения, экспортно-ориентированная стратегия, двухпутная система, экономическое развитие, экспортный контроль, геополитические последствия, китайско-иностранные совместные предприятия, трансформация экономической структуры, промышленная структура

Keywords: import substitution strategy, export-oriented strategy, double-track system, economic development, export control, geopolitical consequences, Sino-foreign joint ventures, transformation of economic structure, industrial structure

¹Шаламов Георгий Александрович — кандидат экономических наук, доцент, Иркутский национальный исследовательский технический университет (Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83)
E-mail: gshalam@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-9229-950X

²Чжао Хунмэй — магистрант, Иркутский национальный исследовательский технический университет (Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83)
E-mail: yl353329597@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6905-622X

³Шэн Лун — магистрант, Иркутский национальный исследовательский технический университет (Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83)
E-mail: 2430951686@qq.com
ORCID: 0000-0002-6108-8099

Поступила в редакцию:
30.01.2025

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В РАМКАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЯ

Шаламов Г. А.¹

Чжао Хунмэй²

Шэн Лун³

Аннотация. Происходящие геополитические события требуют от многих стран поиска новых способов решения экономических проблем в условиях введения санкций и ограничительных пошлин. Китай не останется в стороне, т.к. США может продолжить торговую войну с введением новых импортных пошлин. Поэтому актуальной задачей является изучение стратегии импортозамещения, позволяющей адаптироваться к рыночным изменениям. Целью статьи является анализ и оценка реализации стратегии импортозамещения в Китае с точки зрения обеспечения экономической безопасности страны. В рамках достижения поставленной цели важно решить следующие задачи: изучить трансформационные процессы в промышленности Китая; выявить роль импортозамещения, как процесса, оказывающего влияние на промышленность Китая; оценить объемы импорта и экспорта Китая с основными торговыми партнерами; сформулировать перспективы развития Китая в рамках стратегии импортозамещения. В рамках проведенного исследования использовались системный и логический анализ, метод сравнительного анализа и экспертных оценок, а также аналогии и синтез. Опираясь на полученные выводы, в статье выявлено, что реализуемая Китаем стратегия импортозамещения в условиях двухпутной экономической системы является основой для построения развития высокотехнологичных отраслей при влиянии США. Выявлено, что для Китая необходимо обеспечить определенную защиту отечественной индустрии на ранней стадии и способствовать ее трансформации за счет укрепления механизма китайско-иностранных совместных предприятий. Предложено адаптировать текущую стратегию импортозамещения Китая к современным реалиям за счет политики открытости, использования преимуществ национальной системы, реализации эффективной системы цепочки поставок, способной работать самостоятельно в чрезвычайных ситуациях, а также укрепление международного взаимодействия за счет инициативы «Один пояс — один путь». Стратегия импортозамещения позволит достичь желаемых результатов, касающихся решения проблем на внутреннем и внешнем рынках.

SPECIFICS OF THE IMPLEMENTATION OF THE IMPORT SUBSTITUTION STRATEGY WITHIN THE FRAMEWORK OF CHINA'S ECONOMIC SECURITY

George A. Shalamov

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Irkutsk National Research Technical University

Hongmei Zhang

Master's student, Irkutsk National Research Technical University

Lung Sheng

Master's student, Irkutsk National Research Technical University

Abstract. The ongoing geopolitical events require many countries to find new ways to solve economic problems in the face of sanctions and restrictive duties. China will not stand aside, as the United States may continue the trade war with the introduction of new import duties. Therefore, an urgent task is to study the import substitution strategy, which makes it possible to adapt to market changes. The purpose of the article is to analyze and evaluate the implementation of the import substitution strategy in China from the point of view of ensuring the economic security of the country. In order to achieve this goal, it is important to solve the following tasks: to study the transformation processes in China's industry; to identify the role of import substitution as a process affecting China's industry; to assess China's imports and exports with major trading partners; to formulate China's development prospects within the framework of the import substitution strategy. The study used systematic and logical analysis, the method of comparative analysis and expert assessments, as well as analogy and synthesis. Based on the findings, the article reveals that the implemented strategy of China's import substitution in a two-track economic system is the basis for building the development of high-tech industries under the influence of the United States. It revealed that China to provide some protection for the domestic industry at an early stage and promote its transformation by strengthening the mechanism of Chinese-foreign joint ventures. It proposed to adapt China's current import substitution strategy to modern realities through a policy of openness, taking advantage of the national system, implementing an effective supply chain system capable of operating independently in emergencies, as well as strengthening international cooperation through the Belt and Road initiative. The import substitution strategy will achieve the desired results in solving problems in the domestic and foreign markets.

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении последних четырех десятилетий стремительное экономическое развитие Китая вызвало повышенный интерес среди исследователей. Учитывая сложившуюся мировую экономическую систему, вероятность того, что Китай сможет добиться столь значительных успехов в экономике, изначально казалась крайне низкой.

В 1980-х годах страна продолжала придерживаться плановой модели экономики, где ключевые отрасли оставались под контролем государства. Экономика Китая в тот период отличалась низкой динамичностью и не способствовала прогрессу в сфере технологий и инноваций.

Исторически сложившаяся ситуация усложняла формирование рыночной экономики, включая эффективные механизмы защиты прав собственности и поддержку предпринимательской активности. При этом в Китае никогда не существовало рыночной системы, схожей с теми, что развивались в странах Европы. Подобные факторы часто называют основными причинами того, почему Китаю долгое время не удавалось преодолеть бедность и выйти на траекторию устойчивого роста.

Экономический подъем Китая во многом объясняется реализацией стратегии «двойного подхода», которая одновременно использует внешние и внутренние ресурсы страны. С одной стороны, Китай сумел задействовать свои сравнительные преимущества, активно развивая экспортно-ориентированные обрабатывающие отрасли. С другой стороны, ключевую роль в этом процессе сыграло создание совместных предприятий с иностранным капиталом, что способствовало внедрению инновационных технологий и развитию импортозамещающих производств.

Основная ценность данной стратегии заключается в том, что она позволила избежать кризиса в традиционных секторах экономики на этапе либерализации и открытия внутренних рынков для международной конкуренции. Китайский опыт наглядно демонстрирует, что успешный переход от централизованной экономики к рыночной невозможен без активного участия государства и эффективного использования внутреннего экономического потенциала страны.

Методика исследования

Целью статьи является анализ и оценка реализации стратегии импортозамещения в Китае с точки обеспечения экономической безопасности страны. В рамках достижения поставленной цели важно решить следующие задачи:

- изучить трансформационные процессы в промышленности Китая;
- выявить роль импортозамещения, как процесса, оказывающего влияние на промышленность Китая;
- оценить объемы импорта и экспорта Китая с основными торговыми партнерами
- сформулировать перспективы развития Китая в рамках стратегии импортозамещения.

В рамках проведенного исследования использовались системный и логический анализ, метод сравни-

тельного анализа и экспертных оценок, а также аналогии и синтеза.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках плановой экономики Китай смог добиться определенных успехов в реализации стратегии импортозамещения. Интересно, что данная политика часто рекомендована Всемирным банком как базовая стратегия для экономического развития стран с переходной экономикой.

Многие экономисты предлагали различные теории, объясняющие феномен быстрого экономического роста Китая. Одной из наиболее известных является концепция «роста из плана», разработанная американским экономистом Барри Нотоном. В 1990-е годы эта теория получила широкую поддержку среди специалистов. Согласно Нотону, основной причиной экономического прорыва Китая стало успешное реформирование плановой системы, что позволило запустить процессы модернизации и повышения эффективности.

Большинство экспертов выступают за радикальные меры по переходу от централизованного управления к рыночной экономике. Однако Китай выбрал иной путь реформ, ориентированный на постепенную либерализацию. Экономические реформы начались с поддержки деятельности за пределами жестких государственных квот, что позволило «экономике вне плана» получить дополнительный стимул. Постепенно доля плановой экономики сокращалась, что привело к формированию параллельных рыночных и централизованных механизмов управления, обеспечивающих плавный переход к рыночной системе.

На протяжении трех десятилетий профессор Линь Ифу развивает и дополняет теорию сравнительных преимуществ, превратив ее в основу так называемой «новой структурной экономики». В работе «Чудо Китая: стратегия развития и экономические реформы», выпущенной в 1994 году, Линь Ифу вместе с соавторами использует концепцию сравнительных преимуществ для объяснения факторов, обеспечивших успешное экономическое развитие Китая [10]. По их мнению, отказ от традиционной индустриальной стратегии, основанной на приоритетном развитии тяжелой промышленности, и переход к более гибкому подходу сыграли ключевую роль в экономическом прорыве страны.

Особое внимание в данной концепции уделяется необходимости взаимодействия эффективного рыночного механизма и ответственного государственного управления. Хотя базовые положения стратегии развития остались неизменными, акцент сместился на решение проблемы оптимального распределения ролей между правительством и рынком. В современных условиях перед государственной промышленной политикой и действиями властей выдвигаются более высокие требования по обеспечению устойчивого и сбалансированного роста экономики.

Когда речь заходит о взаимоотношениях между правительством и рынком, эти связи часто оказываются значительно сложнее, чем предполагается. Трансформация в рамках концепции новой структурной экономики затрудняет объяснение того, как страны, не име-

ющие изначально развитой рыночной системы, сумели выйти на траекторию стремительного экономического роста и догнать ведущие промышленные державы.

В своей книге «Экономика двухпутной системы» Чжан Цзюнь подробно описывает процесс экономических реформ в Китае, осуществленных в период с 1978 по 1992 годы [18]. Автор доказывает, что благодаря внедрению двухпутной стратегии перехода от плановой экономики к рыночной, Китай сумел избежать глубокой рецессии, подобной той, которую пережила Россия в ходе экономических преобразований.

Согласно подходу новой структурной экономики, наличие эффективного рынка является необходимым условием для адекватного определения стоимости факторов производства. Именно через эту оценку определяется, в каких отраслях конкретная страна может развивать свои сравнительные преимущества. Однако для большинства слаборазвитых государств построение эффективного рынка остается крайне сложной задачей.

У Гуанбин в своей книге «Переходная экономика» сравнивает китайскую систему экономического управления с корпоративной структурой типа М-типа (мультидивизиональная структура). По его мнению, эта модель способствует децентрализации и стимулирует межрегиональную конкуренцию [15]. Именно такая децентрализованная система позволяет Китаю активно использовать рыночные механизмы для стимулирования экономического роста. В отличие от Китая, Россия придерживается более централизованной модели управления, что ограничивает гибкость и снижает эффективность экономической политики в условиях межгосударственной конкуренции.

В книге «Экономическая система Китая», опубликованной в 2009 году экономистом Чжаном Учаном, подробно анализируются фискальные и налоговые отношения между различными уровнями власти, которые способствуют усилению региональной конкуренции [17]. Несмотря на отсутствие системы частной собственности, распределение налоговых поступлений между провинциями вынуждает местные власти выделять все больше земельных ресурсов для поддержки индустриализации. Этот процесс становится важным фактором ускоренного экономического роста Китая.

Чжоу Лянь в своих работах обращает внимание на так называемый «механизм гонки за ВВП», где продвижение по карьерной лестнице местных чиновников напрямую связано с темпами экономического развития в регионах. Таким образом, политические стимулы становятся одним из двигателей экономического роста в стране.

Также заслуживает внимания работа профессора Чжу Тяня из Китайско-Европейской международной школы бизнеса под названием «Логика догоняющего развития: культура, система и подъем Китая» [22]. В своей книге автор выдвигает гипотезу, что успех китайской экономики заключается не просто в достижении роста, а в том, что темпы этого роста значительно опережают большинство стран мира. Основным фактором долгосрочного ускоренного развития Китая он называет высокую норму сбережений и значительные инвестиции в человеческий капитал, что, по его мнению, во

многом связано с влиянием конфуцианских ценностей. Именно приверженность трудолюбию, образованию и коллективным интересам, характерная для конфуцианской культуры, создала условия для формирования устойчивой базы экономического роста.

Быстрый экономический рост Китая сопровождался высокой степенью торговой зависимости, что стало важным фактором его экономического успеха. Участие в глобальных торговых процессах через стимулирование экспорта сыграло ключевую роль в продвижении китайской экономики. Поэтому анализ стратегий импортозамещения и экспортно-ориентированного развития позволяет глубже понять, каким образом Китай достиг впечатляющих экономических результатов.

После Второй мировой войны большинство стран с развивающейся экономикой выбирали политику импортозамещения как способ ускоренной индустриализации. Однако, когда эта стратегия не оправдывала ожиданий, многие государства Восточной Азии сменили курс и перешли к экспортно-ориентированным моделям [14]. В отличие от них Китай не отказался полностью от импортозамещения, но наиболее заметных успехов добился именно благодаря стратегии, направленной на развитие экспорта.

Попытки стимулировать экспортный сектор в Китае предпринимались еще в 1979 году, когда рассматривался план создания специальных экономических зон в прибрежных провинциях Гуандун и Фуцзянь. Основная цель этих зон заключалась в развитии экспортной торговли. Тем не менее в тот период страна продолжала придерживаться политики импортозамещения, и большая часть экономической активности по-прежнему регулировалась плановой системой и осуществлялась в рамках государственного сектора. Таким образом, на ранних этапах реформ Китай сочетал обе стратегии, постепенно смещая акцент в сторону экспортно-ориентированной модели, что позволило добиться значительных экономических достижений.

В 1987 году Дэн Сяопин пришел к пониманию, что Китай сталкивается с острой нехваткой иностранной валюты, что создает серьезные препятствия для экономического роста. Этот вопрос обсуждался на уровне Государственного совета, поскольку валюта была необходима для закупки передового технологического оборудования за рубежом. Дефицит иностранной валюты неизбежно тормозил индустриализацию страны, что требовало поиска новых решений [19].

В тот период, несмотря на стремительное развитие предприятий, китайская обрабатывающая промышленность оставалась технологически отсталой и закрытой для внешнего мира. На основе исследований, проведенных в прибрежных регионах, Государственный совет в 1987 году сделал вывод, что для преодоления валютного дефицита Китай должен сосредоточиться на развитии экспортно-ориентированных стратегий в прибрежных районах [12]. Это решение стало поворотным моментом в изменении экономического курса страны.

Таким образом, необходимость преодоления нехватки иностранной валюты привела к значительным изменениям в экономической политике Китая. Многие

прибрежные города начали активно внедрять стратегии, ориентированные на экспорт, что ускорило переход к более открытой и интегрированной в мировую экономику модели развития. Этот шаг стал важным этапом трансформации китайской экономики, способствуя ее дальнейшему росту и модернизации.

Экспортно-ориентированная стратегия развития прибрежных районов, также называемая стратегией интеграции в международные экономические процессы, была нацелена на стимулирование участия Китая в глобальной торговле. Данная стратегия предполагает активное использование местных ресурсов для привлечения иностранных инвесторов, с акцентом на развитие перерабатывающей промышленности и экспортных отраслей. Основное внимание уделяется таким видам деятельности, как переработка и сборка импортированных материалов и полуфабрикатов для их последующего вывоза за границу, что создает значительный экономический эффект как внутри страны, так и за ее пределами [24].

Ключевые направления этой стратегии включают:

- развитие трудоемких отраслей, обеспечивающих занятость населения;

- привлечение прямых иностранных инвестиций для поддержки промышленного роста.

Для максимального использования экономического потенциала правительство Китая разработало ряд мер, направленных на успешную реализацию стратегии. Во-первых, были предложены пилотные проекты по открытию внешнеэкономических зон в таких регионах, как Гуандун, Южный треугольник Фуцзянь и остров Хайнань. Во-вторых, было принято решение о расширении открытых прибрежных экономических зон. В-третьих, началась реформа системы внешней торговли, направленная на упрощение экспортно-импортных операций. В-четвертых, правительство предприняло шаги по улучшению инвестиционного климата с целью привлечения большего объема иностранного капитала [18]. Данная модель позволила прибрежным районам Китая превратиться в важные центры международной торговли и производства, что ускорило процесс экономического роста и укрепило позиции страны в мировой экономике.

Многочисленные исследования подтверждают, что стратегии импортозамещения и экспортно-ориентированного развития способны положительно влиять на экономический рост развивающихся стран. Однако для успешной реализации стратегии необходимы два ключевых условия.

Первое условие состоит в осуществимости. Экспортно-ориентированная стратегия считается более реалистичной и достижимой по сравнению с импортозамещением, поскольку требует менее развитой экономической системы. Экспортно-перерабатывающие предприятия могут работать на локальном уровне, минимально завися от общей экономической инфраструктуры. Особенно это было актуально для Китая в 1980-х годах, когда большая часть экономической деятельности все еще регулировалась плановой системой и государственным сектором. Поскольку рыночная экономика еще не была создана, реформы системы требовали

времени, а реализация стратегии импортозамещения требовала значительно больших затрат и ресурсов [16].

Второе условие заключается в применимости. Экспортно-ориентированная стратегия является более адаптивной и вызывает меньше конфликтов с другими секторами экономики. Она также проще в политической реализации, поскольку не требует радикальных изменений в структуре управления и не затрагивает основные интересы ключевых групп. Таким образом, экспортная модель имеет более высокие шансы на успех даже в условиях слабого институционального развития экономики.

Эти два условия делают экспортно-ориентированную стратегию эффективным инструментом роста даже для стран с низким уровнем экономической институционализации [23].

Стоит подчеркнуть то, что, хотя стратегии, ориентированные на экспорт, часто используются для объяснения успеха экономики Восточной Азии, в том числе Китая, эти подходы имеют свои ограничения. Китай является гораздо более крупной экономикой, чем так называемые «четыре тигра» Восточной Азии, и его масштабы значительно превосходят их. Более того, на ранних этапах реформ и открытости Китай продолжал сохранять контроль над государственным экономическим сектором, который был под жестким планированием [5]. Это означает, что, несмотря на использование экспортно-ориентированных стратегий в прибрежных районах, в целом китайская экономика оставалась ориентированной на капиталоемкие, но технологически отсталые отрасли, которые не обладали достаточными ресурсами для саморазвития и все еще зависели от государственных субсидий, что ограничивало их конкурентоспособность.

Таким образом, хотя стратегическое развитие перерабатывающих экспортных отраслей в прибрежных районах способствовало накоплению иностранной валюты и увеличению импорта капитальных товаров и технологий, использование только этих методов не могло привести к значительным изменениям в капитальной инфраструктуре Китая. В долгосрочной перспективе зависимость от иностранных валют для финансирования таких преобразований могла привести к замещению китайского импорта капиталом, что, в свою очередь, стало бы проблемой для более устойчивого экономического роста.

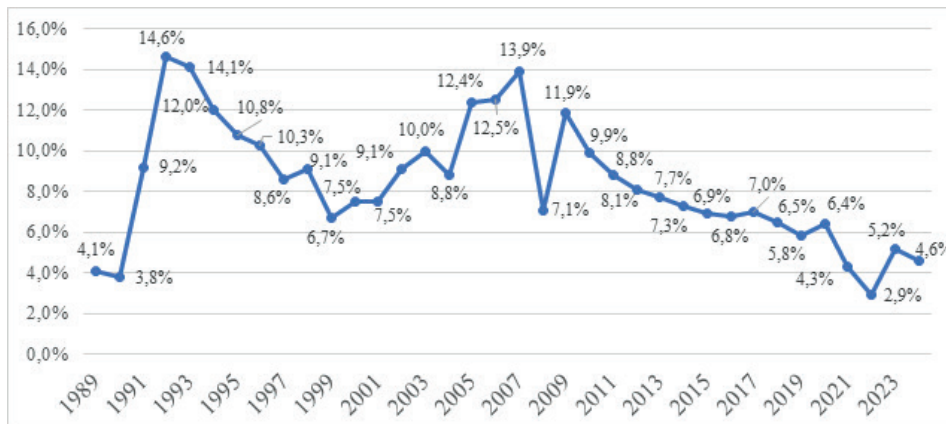
Преобразование государственных предприятий в китайско-иностранное совместные предприятия также имело свои последствия, в том числе значительное сокращение числа рабочих мест [1]. В соответствии с трудовыми нормативами местные компании могли сохранить свой статус юридического лица и использовать прибыль или аренду от совместных предприятий для развития другого производства, а также для перераспределения избыточной рабочей силы.

Начиная с 1988 года, Китай внедрил стратегию экономического развития, ориентированную на экспорт, в прибрежных городах, активно развивая перерабатывающие и экспортные предприятия, которые работали на основе аутсорсинга обработки материалов и производственных процессов. В то же время для поддержки

отечественных отраслей импортозамещения была принята стратегия трансформации, которая акцентировала внимание на китайско-иностранных совместных предприятиях, предоставляя местным государственным компаниям возможность извлекать выгоду из сотрудничества с зарубежными фирмами.

После начала 2000-х годов продукция китайско-иностранных совместных предприятий в основном шла на экспорт. В течение длительного времени продукция таких предприятий преимущественно продавалась на внутреннем рынке [8]. Эта модель, на наш взгляд, сыграла ключевую роль в ускорении темпов экономического роста Китая, что можно наблюдать на рисунке 1.

Рис. 1. Темпы экономического роста Китая за период 1989-2024 гг., %

Согласно рисунку, мы видим, что после экономического кризиса в 2008-2009 гг. наблюдается затяжное снижение темпов. Из-за высоких тарифов и защиты внутреннего рынка, которые Китай поддерживал в течение долгого времени, создание совместных предприятий с местными компаниями стало едва ли не единственным способом для иностранных брендов вывести свою продукцию на китайский рынок.

Попытки Китая стимулировать экспорт для преодоления экономического спада вызвали недовольство у ряда стран, обеспокоенных сохранением своей производственной базы. Однако с другой стороны торгового баланса наблюдалось менее заметное замедление глобального импорта.

Несмотря на значительный рост импорта высокотехнологичной электроники и накопление стратегических запасов в 2023 году, общий объем импорта сократился на 150 млрд. долл., или на 6%, и в 2024 году восстановление было лишь незначительным. Это замедление совпало с замедлением роста экспорта по

сравнению с рекордными показателями, достигнутыми во время пандемии COVID-19 и в постпандемийный период, хотя экспорт все же продемонстрировал устойчивость в текущем году [6]. На графике 2 показан ежегодный объем импорта и экспорта Китая.

Замедление экономического роста Китая напрямую связано с падением импорта, что в свою очередь побуждает страну сосредоточиться на стратегии импортозамещения, особенно на фоне возможных ухудшений взаимоотношений с США. Прямые иностранные инвестиции в Китай снижаются, в то время как китайские компании активно увеличивают свои вложения в другие государства. Кроме того, китайское правительство

оказывает финансовую поддержку убыточным производителям, чьи трудности в рыночной экономике могут быть использованы для стимулирования роста добавленной стоимости в стране.

Реализация стратегии импортозамещения проявляется в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, данные по импорту показывают, что, хотя Китай продолжает закупать значительные объемы сырьевых товаров и сельскохозяйственной продукции, импорт высокотехнологичных промежуточных товаров, таких как полупроводники, микросхемы, станки и ЖК-дисплеи, а также высокотехнологичных конечных товаров, таких как автомобили и электроника, значительно сократился [5].

Основной причиной изменений в структуре импорта является политика США, направленная на сокращение экономических связей с Китаем. После того как США наложили запрет на экспорт высокотехнологичных конечных товаров, промежуточных товаров и передовых технологий в Китай, страна была вынуж-

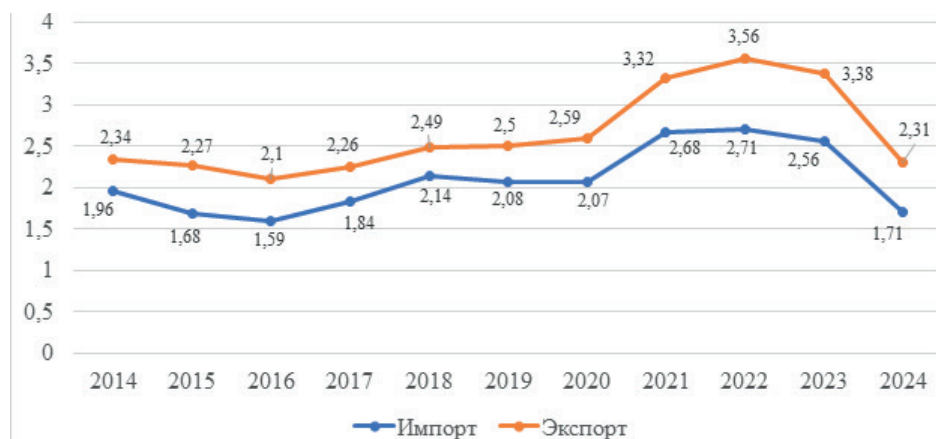

Рис. 2. Годовой объем импорта и экспорта Китая, трлн. юаней

дена разработать собственные технологии и наладить производство высокотехнологичных товаров внутри страны.

Еще одной характерной чертой стратегии импортозамещения Китая является увеличение импорта сырьевых товаров, таких как сельскохозяйственная продукция, медная руда и концентраты, при этом снижение импорта переработанных товаров, включая изделия из меди, сталь, пластмассы и резиновые изделия. Это свидетельствует о том, что Китай сосредоточился на развитии собственных мощностей по переработке сы-

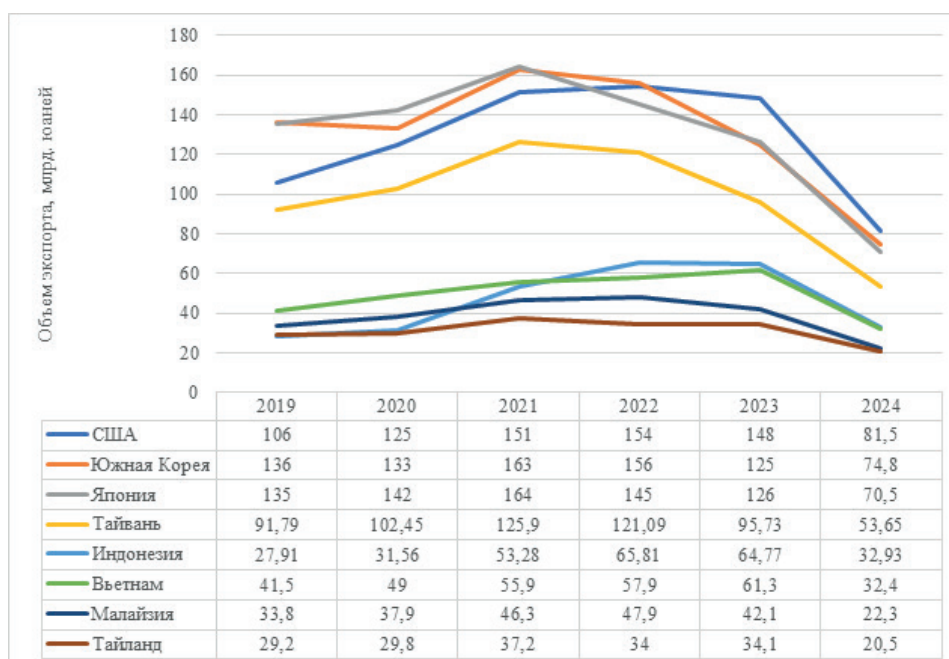
рья внутри страны, вместо того чтобы продолжать закупать переработанные товары. На рисунке 3 показаны изменения в темпах роста импорта Китая по различным секторам и в стоимостном выражении.

Особое внимание следует уделить импорту сырой нефти. Китай продолжает поддерживать высокий уровень импорта нефти, который составил 14,7% от общего объема. В то же время страна активно экспортирует нефтепродукты, доля которых на внешнем рынке достигает 42,6% по объему. Геополитическая ситуация, связанная с возможными конфликтами между Китаем

Рис. 3. Рост импорта Китая по секторам и в стоимостном выражении, %

Рис. 4. Объемы экспорта с основными торговыми партнерами Китая, млрд. юаней

и США, побуждает Китай расширять свои стратегические запасы энергии в условиях неопределенности.

Это оказывает серьезное влияние как на мировую экономику, так и на геополитическую ситуацию, особенно в свете растущей зависимости мировой экономики от Китая. Иностранные правительства активно ищут способы защиты от возможных последствий расширения китайского экспорта. Австралия и Южная Корея, например, столкнулись с вынужденным торговым давлением со стороны Китая, что делает их зависимыми от китайского рынка. Если продажи в Китай не восстановятся, а торговые излишки будут продолжаться расти, эти страны окажутся под большим влиянием Китая.

Страны, такие как США, Япония, Южная Корея,

Тайвань и государства АСЕАН, испытывают снижение спроса на неэлектронные промышленные товары. В частности, экспорт США в Китай значительно сократился в 2023 году, а также продолжил падение в июле 2024 года, несмотря на растущий спрос на сложную электронику, которая еще не попадает под экспортный контроль США. Снижение наблюдается и в других странах, например, экспорт Южной Кореи в Китай сократился на 20% в 2023 году. На рисунке 4 показано изменение объемов экспорта с основными торговыми партнерами Китая.

С конца 2023 года более активная экономика США оказала давление на Китай, вытеснив его с позиции крупнейшего экспортного рынка для большинства крупных азиатских стран. В декабре 2023 года Южная

Корея впервые за 20 лет направила больше товаров в США, чем в Китай. Для Тайваня аналогичная ситуация возникла с марта 2021 года, когда экспорт в США резко увеличился. Точно такая же тенденция наблюдается и в странах АСЕАН. Этот сдвиг может предоставить США шанс укрепить свои экономические связи с азиатскими партнерами, заменив Китай. Однако, если Дональд Трамп вернется к президентству в 2025 году и вновь предложит ввести пошлины на все импортируемые товары, это шанс может быть упущен.

Китай также увеличил экспорт высокотехнологичных товаров, особенно в таких сферах, как производство электромобилей. Китайская доля в мировом рынке электромобилей значительно возросла, даже несмотря на слабый внешний спрос. Это свидетельствует о росте присутствия отечественных технологий в китайском экспорте. Структура китайского экспорта по секторам и объемам представлена на рисунке 5.

Рис. 5. Структура экспорта Китая по секторам и объемам, %

В 2022 году спрос Китая на импорт достиг рекордных 3,13 трлн долларов, когда мировая экономика восстанавливалась после пандемии COVID-19. Однако после краха пузыря на рынке недвижимости, слабых корпоративных инвестиций и падения доверия потребителей, спрос на широкий ассортимент товаров, от древесины до косметики, значительно снизился. Прогнозы восстановления рынка недвижимости остаются неопределенными на многие годы, а усилия Китая по стимулированию внутреннего спроса пока не увенчались успехом. Если экономический рост Китая будет оставаться медленным, это продолжит оказывать влияние на мировую экономику.

Китай также столкнулся с вызовами, которые могут ограничить его импортный спрос. Одним из основных факторов стали опасения по поводу национальной безопасности, особенно на фоне ухудшения отношений с США. После того как США ужесточили ограничения на поставки технологий в Китай, китайское руководство сосредоточилось на ограничении зависимости от иностранных ресурсов в ключевых цепочках поставок.

Приоритетами остаются полупроводники, а также оборудование и материалы, необходимые для их производства. В ответ на усиливающиеся ограничения США, Китай предпринимает шаги по импорту как можно большего количества таких товаров, пока доступ не станет еще более ограниченным. В то же время страна инвестирует сотни миллиардов долларов в со-

здание собственных мощностей для производства этой технологии, локализуя поставки материалов и других необходимых ресурсов. Однако это может привести к дальнейшему снижению импорта, особенно для производителей менее сложных полупроводников, как те, что находятся на Тайване, поскольку китайские заводы по производству чипов будут запускаться на полную мощность.

Геополитическая напряженность между США и Китаем продолжает усиливаться, что увеличивает риск того, что Китай использует свой быстрый рост в производстве традиционных полупроводников как средство давления на другие страны, угрожая ограничением поставок ключевых чипов. Уже сейчас Китай продемонстрировал свою способность удерживать важные ресурсы, необходимые для производства полупроводников, с помощью экспортного контроля над галлием, германием и связанными с ними материалами. С мо-

мента введения ограничений на экспорт галлия и германия в январе 2023 года, торговля этими веществами восстанавливается для большинства стран, но экспорт в США и Нидерланды остался на нулевом уровне, а поставки в Японию снизились. Эти три страны являются лидерами в контроле за поставками чипов, направленными на ограничение Китая.

Для решения этой проблемы, политики США в первую очередь стремятся уменьшить зависимость компаний от Китая, например, побуждая их избегать контрактов с китайскими фабриками или инвестиций в китайское производство устаревших чипов. Во-вторых, они пытаются ускорить процесс сокращения текущей зависимости от Китая в производстве таких чипов.

Влияние импортозамещения уже ощущается на спрос в некоторых менее развитых отраслях. Например, нефтехимические компании в Тихоокеанском регионе, которые традиционно поставляли свою продукцию в Китай, теперь сталкиваются с уменьшением заказов, поскольку китайские производители значительно увеличили свои производственные мощности за последние годы. С 2019 года импорт нефтехимического сырья в Китай значительно сократился.

Преобразование Китая в одного из ведущих производителей комплектующих и промежуточных товаров привело к застою в экспорте сырья для китайских сборочных предприятий. Хотя Южная Корея и Тайвань

продолжают поставлять сложные компоненты, включая те, что содержат полупроводники, многие другие отрасли, особенно в странах АСЕАН, ощутили негативное воздействие.

Для развивающихся стран, которые производят менее сложную продукцию, в том числе в трудоемких секторах, ситуация стала еще более тяжелой. Чтобы снизить уровень безработицы в условиях экономического спада, местные власти Китая начали субсидировать производство на устаревших фабриках, которые уже не могут конкурировать с более дешевыми товарами из других стран. Это сокращение возможностей для экспорта в Китай создает проблемы для развивающихся стран, которые теперь сталкиваются с усиленной конкуренцией со стороны китайской продукции. Это может оказать существенное влияние на экономики, стремящиеся повторить путь Китая по созданию производственных мощностей.

Другим важным фактором, снижающим объем импорта, стало значительное сокращение прямых иностранных инвестиций в Китай, которые снизились более чем на 28% за первые пять месяцев 2024 года. Множество иностранных компаний начали выводить свои активы из страны. Это частично объясняется поисками более выгодных условий производства в других странах, в том числе для того, чтобы избежать пошлин США. Вдобавок, на снижение интереса к Китаю оказывают влияние геополитическая напряженность и ухудшающиеся условия для ведения бизнеса. Например, бывший министр торговли Южной Кореи Хан Ку Ё заявил, что китайские санкции против корейских компаний после развертывания системы противоракетной обороны США в 2016 году подорвали доверие к Китаю как к надежному деловому партнеру, что ускорило процесс диверсификации корейских бизнесов как меры защиты от рисков.

Многие китайские производители начинают перемещать свои производственные мощности за рубеж, что отражает тенденцию роста китайских исходящих инвестиций. Этот процесс, в свою очередь, повлияет на экспорт в Китай, так как поставщики из других стран следуют за своими клиентами, открывая новые фабрики за пределами Китая. Иронично, что это может привести к более быстрому снижению импорта, что также отразится на торговых данных Китая, поскольку товары, произведенные иностранными компаниями в Китае для местного рынка, официально учитываются как «импорт».

Основная часть китайских поставок продолжает перемещаться за границу в связи с решением их клиентов перенести производство в другие страны. Это приводит к тому, что конкуренты остаются на месте, не имея аналогичных действий в своих странах.

После категории «Электроника и электронные компоненты» в структуре импорта Китая следует нефть и железная руда, которые вместе составляют почти 30% от всех зарубежных закупок в 2023 году. Эти товары, наряду с зерном и другими сырьевыми ресурсами, поддерживают экономику Китая. При этом страны, такие как Россия, Бразилия, Малайзия и Замбия, извлекают выгоду от этого процесса. В последние годы Китай ак-

тивно накапливает стратегические ресурсы, приобретая около 90% мировых запасов меди, почти четверть запасов нефти и более половины мировых запасов пшеницы и кукурузы [14].

Тем не менее, в последние годы эти закупки замедлились, и многие страны сталкиваются с падением как цен, так и спроса со стороны Китая. Некоторые из крупнейших производителей сырья в Африке испытывают на себе эти изменения. В 2023 году общий экспорт из Африки в Китай, в основном связанный с добывающими отраслями, снизился на 6,7%. Например, Демократическая Республика Конго, основной поставщик кобальта и меди, зафиксировала снижение продаж почти на 14%. Более того, Китай стал перераспределять свои закупки сырой нефти, предпочитая поставщиков из Персидского залива и Юго-Восточной Азии. В результате, экспорт нефти из Нигерии в Китай сократился на 61%, а из Анголы — на 20% [14]. Эти страны сильно зависят от доходов от нефти для погашения внешнего долга, в том числе и перед Китаем.

Для Китая важно обеспечить защиту отечественного производства на начальных этапах и способствовать его модернизации через китайско-иностранное совместные предприятия. Учитывая, что менее 40 лет назад страна находилась в условиях плановой экономики и имеет опыт внедрения стратегии импортозамещения, это представляется ключевым и эффективным подходом. В отличие от стратегии, ориентированной на экспорт, которая постепенно изменяет экономическую структуру за счет развития перерабатывающего сектора, стратегия импортозамещения в случае с Китаем, как крупной страной, необходима для преодоления таких проблем, как структурные дисбалансы и низкие технологические показатели на начальных этапах. Без правильной трансформации промышленности Китай не сможет обеспечить быстрый рост экономики, а также стабильное развитие производственных мощностей и технологий.

При адаптации стратегии импортозамещения к современным условиям Китая необходимо учитывать несколько ключевых аспектов:

1. Важно сохранять открытость и продвигать стратегию импортозамещения через сотрудничество с иностранными партнерами. Внутренний рынок должен быть открыт для зарубежных компаний, в то время как местные предприятия должны ясно обозначить, что им не требуется продукция, которая больше не отвечает их потребностям. Такой подход может привести к излишнему протекционизму, что в свою очередь может спровоцировать негативные реакции со стороны других стран. При реализации этой политики исключительно через административные меры могут возникнуть проблемы с рациональностью использования ресурсов и дипломатические сложности.

2. Следует максимально раскрыть преимущества национальной системы, поддерживая фундаментальные научные исследования и увеличивая инвестиции в высокотехнологичный сектор, чтобы создать условия для дальнейшего инновационного роста.

3. Китай должен развить эффективную и устойчивую цепочку поставок, которая будет способна функ-

ционировать в условиях экстренных ситуаций, минимизируя риски.

4. Для укрепления своих позиций в условиях глобальной конкуренции, особенно в контексте противостояния с США, важно расширять международные связи в рамках инициативы «Один пояс — один путь». Укрепление сотрудничества с развивающимися странами станет важным фактором для внедрения китайскими компаниями инновационных решений и расширения их влияния на мировой рынок.

Выводы

Китай достиг значительных успехов в экономическом развитии, превратившись из одной из беднейших стран мира во вторую по величине экономику. Влияние стратегий импортозамещения и экспортной ориентации сыграло важную роль в поиске новых путей для развития, и, как крупная держава, Китай не отказался

от своей политики импортозамещения и продолжает следовать ей на текущем этапе.

Реализация экспортно-ориентированной стратегии, ориентированной на переработку сырья в прибрежных районах, помогла снизить зависимость от иностранной валюты. Экономический рост Китая напоминает успехи стран Восточной Азии, однако, как крупная страна, Китай также занимает важную роль в сфере импортозамещающей промышленности и сохраняет элементы плановой экономики.

Несомненно, успех китайского экономического развития во многом зависит от его интеграции в мировую экономику, сочетая элементы планирования и рыночной экономики. В условиях текущих геополитических напряжений, стратегия импортозамещения может стать ключевым фактором для дальнейшего роста Китая и предоставить ему ряд конкурентных преимуществ.

Список источников

1. Бровкина Н. Е., Мелихова Д. А., Левченко Т. В. Экономический рост Китая и особенности его финансового рынка // Финансовые рынки и банки. 2021. № 2. С. 63–67.
2. Брутон Х. Переосмысление импортозамещения // Журнал экономической литературы. 1998. № 36 (2). С. 903–936.
3. Григорьев Л. М., Жаронкина Д. В. Экономика Китая: тридцать лет обгоняющего развития // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 1. С. 1–38. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-08.
4. Гужон Р., Кляйнханс Я. П., Гормли Л. Тонкий лед: пути США к регулированию устаревших чипов китайского производства // Report Rhodium Group. 2024. URL: <https://rhg.com/research/thin-ice-us-pathways-to-regulating-china-sourced-legacy-chips/>
5. Джереми М. Ослабление двигателя роста Китая приводит к снижению импорта // Атлантический совет. Геоэкономический центр. 2024. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/econographics/chinas-sputtering-engine-of-growth-leads-its-imports-to-downshift/>
6. Донг Ц., Ся Л. Структурные изменения в международной торговле Китая: «принудительная» индустриализация, направленная на замещение импорта // BBVA. 2023. С. 1–6.
7. Ито А. Импортозамещающие стратегии цифровизации? Анализ «мифа» о протекционизме Китая // Политика продвижения инноваций и институциональная реформа в Китае. 2024. С. 11–25. DOI: 10.1007/978-981-97-3136-7_2
8. Китай — Темпы роста ВВП // Trading Economics. 2024. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/china/gdp-growth-annual>.
9. Левченко Т. А. Экономическое развитие Китая: основные тенденции и цели 14-й пятилетки // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2022. № 4. С. 109–116. DOI: <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2022-4-109-116>.
10. Линь И. Чудо Китая: стратегия развития и экономическая реформа. Издательство «Гежи», 2012. 342 с.
11. Наваз, Ф., Абу Салим К., Каяни У. Стратегия «Сделано в Китае 2025»: восприятие и оговорки относительно государственной капиталистической экономической модели Китая // Обзор корпоративной и деловой стратегии. 2024. № 5 (1). С. 432–439. DOI: <https://doi.org/10.22495/cbsrv5i1s1art16>
12. Никонова Т. В., Андриянова О. М., Цзиньтин В. Анализ модели экономического роста Китая // Вестник Витебского государственного технологического университета. 2022. № 1 (42). С. 197–204. DOI: <https://doi.org/10.24412/2079-7958-2022-1-197-204>.
13. Нотон Б. Вырастающая из плана: китайская экономическая реформа за период 1978-1993 / Нью-Йорк: Издательство Кембриджского университета, 1995. — 379 с. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511664335>.
14. Син Л., Цзян Ш., Инь С., Лю Ф. Эффект замещения азиатских экономик на промышленные и логистические цепочки Китая: с точки зрения глобальной производственной сети // Коммуникации в области гуманитарных и социальных наук. 2024. № 11. С. 1304–1310.
15. У Г. Переходная экономика. Издательство Пекинского университета, 2008. 297 с.
16. Чернышева А. М., Зобов А. М., Дегтерева Е. А. Трансформация экспортоориентированной политики импортозамещения: опыт России и Китая // Вестник Академии знаний. 2023. № 54 (1). С. 259–265.
17. Чжан У. Экономическая система Китая. Издательство СИТИК, 2009. 205 с.
18. Чжан Ц. «Двухпутная» экономика: экономическая реформа Китая (1978-1992 гг.). Издательство Гэжи Шанхай Книжный магазин Саньянь Шанхайское народное издательство, 2016. 297 с.
19. Чжан Ц. Как «двухвекторная стратегия» способствует экономическому развитию Китая? // Институт развития Фуданя. Общественные науки. 2024. № 10. URL: <https://fddi.fudan.edu.cn/c8/cf/c19046a706767/page.htm>
20. Чжан Ц. Чтобы сохранить потенциал экономического развития, Китаю следует стратегически перейти от стимулирования экспорта к стимулированию импорта // Деловые новости Китая. 2023. URL: <https://www.yicai.com/news/101870431.html>

21. Чжао В. Анализ: более высокие тарифы Китая мало способствовали импортозамещению // Caixin. Global. 2024. URL: <https://www.caixinglobal.com/2024-11-13/analysis-chinas-higher-tariffs-did-little-for-import-substitution-102257131.html>
22. Чжу Т. Логика догоняющего развития: культура, институты и подъем Китая / Пекин да сюэ чу бан ше, 2024 — 246 с.
23. Шериф Р., Гасанов Ф. Подводные камни протекционизма: импортозамещение против экспортно-ориентированной промышленной политики // Международный валютный фонд. 2024. URL: <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/001/2024/086/article-A001-en.xml?ArticleTabs=fulltext>
24. Яо Я. Открытость — лучший способ осуществить «импортозамещение» // Китайская сеть социальных наук. 2021. URL: https://www.cssn.cn/glx/glx_gsgl/202208/t20220822_5479729.shtml

References

1. Brovkina N. E., Melikhova D. A., Levchenko T. V. The economic growth of China and the features of its financial market. *Finansovy'e ry'nki i banki = Financial markets and banks*. 2021; 2: 63-67. (In Russ.).
2. Bruton H. Rethinking import substitution. *Journal of Economic Literature*. 1998; 36 (2): 903-936.
3. Grigoriev L.M., Zharonkina D.V. China's economy: thirty years of overtaking development. *Vestnik mezhdunarodny'x organizacij = Bulletin of International Organizations*. 2024; 19 (1): 1-38. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-08. (In Russ.).
4. Goujon R., Kleinshans J.P., Gorm L. The subtle leader: ways to regulate the Chinese manufacturing market. *The Rhodium Group Report*. 2024. URL: <https://rhg.com/research/thin-ice-us-pathways-to-regulating-china-sourced-legacy-chips/>
5. Jeremy M. Weakening of China's growth engine leads to lower imports. *Atlantic Council. Geo-economic Center*. 2024. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/econographics/chinas-sputtering-engine-of-growth-leads-its-imports-to-downshift/>
6. Dong, S. L. Structural changes in China's international trade: «oriented» integration aimed at changing the image. *BBB*. 2023: 1-6.
7. Ito A. Import-substituting digitalization strategies? Analysis of the «myth» of Chinese protectionism. *Policy of innovation promotion and institutional reform in China*. 2024: 11-25. DOI: 10.1007/978-981-97-3136-7_2
8. China — The Economy of Russia / Economics of Trade. 2024. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/china/gdp-growth-annual>.
9. Levchenko T.A. China's economic development: main trends and goals of the 14th five-year plan. *Vestnik Astraxanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: E'konomika = Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics*. 2022; 4: 109-116. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2022-4-109-116>.
10. Lin I. The Miracle of China: Development strategy and economic reform. Gezhi Publishing House; 2012: 342 p.
11. Nawaz, F., Abu Salim, K., Kayani, U. The «Made in China 2025» Strategy: Perceptions and reservations about China's state Capitalist Economic model. *Review of Corporate and Business Strategy*. 2024; 5 (1): 432-439. DOI: <https://doi.org/10.22495/cbsrv5i1siart16>
12. Nikonova T.V., Andrianova O.M., Jintin V. Analysis of China's economic growth model. *Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of the Vitebsk State Technological University*. 2022; 1 (42): 197-204. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/2079-7958-2022-1-197-204>.
13. Naughton B. Growing out of the Plan: Chinese Economic Reform in the period 1978-1993. New York: Cambridge University Press; 1995: 379. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511664335>
14. Xing L., Jiang S., Yin S., Liu F. The substitution effect of Asian economies on China's industrial and logistics chains: from the point of view of the global production network. *Communications in the field of humanities and social sciences*. 2024; 11: 1304-1310.
15. U. G. Transitional Economy. Beijing University Press, 2008: 297 p.
16. Chernysheva A.M., Zobov A.M., Degtereva E.A. Transformation of export-oriented import substitution policy: the experience of Russia and China. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2023; 54 (1): 259-265. (In Russ.).
17. Zhang W. The Economic system of China. CITIC Publishing House, 2009: 205.
18. Zhang T. The «Two-track» Economy: China's Economic Reform (1978-1992). Gezhi Publishing House Shanghai Sanlian Bookstore Shanghai People's Publishing House, 2016: 297.
19. Zhang T. How does the «two-vector strategy» contribute to China's economic development?. Fudan Development Institute. Social sciences. 2024; 10. URL: <https://fdi.fudan.edu.cn/c8/cf/c19046a706767/page.htm>
20. Zhang T. To maintain its economic development potential, China should strategically shift from stimulating exports to stimulating imports. *China Business News*. 2023. URL: <https://www.yicai.com/news/101870431.html>
21. Zhao V. Analysis: most of the Vysotsky Tatars are Chinese-small in number. Caixin. Global. 2024. URL: <https://www.caixinglobal.com/2024-11-13/analysis-chinas-higher-tariffs-did-little-for-import-substitution-102257131.html>
22. Zhu T. The logic of catching up development: culture, institutions and the rise of China. Beijing da xue chu ban she. 2024: 246.
23. Sheriff R., Hasanov F. The pitfalls of protectionism: import substitution versus export-oriented industrial policy. International Monetary Fund. 2024. URL: <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/001/2024/086/article-A001-en.xml?ArticleTabs=fulltext>
24. Yao Ya. Openness is the best way to implement «import substitution». Chinese Network of Social Sciences. 2021. URL: https://www.cssn.cn/glx/glx_gsgl/202208/t20220822_5479729.shtml

Раздел III. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 347.451 © А. В. Васильева

DOI: 10.24412/2225-8264-10.24412/2225-8264-2025-1-945

Ключевые слова: маркетплейс, розничная торговля, дистанционная торговля, агрегатор информации о товарах (услугах), права потребителя, Aliexpress.com, «АлиЭкспресс»

Keywords: marketplace, retail, distance trading, aggregator of information about goods (services), consumer rights, Aliexpress.com

ПРАВА ПОТРЕБИТЕЛЯ ПРИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ОНЛАЙН-ПОКУПКАХ (НА ПРИМЕРЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВОЙ ПЛОЩАДКИ «ALIBABA.COM» («ALIEXPRESS.COM»))

Васильева А. В.¹

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос реализации прав потребителей в рамках розничной торговли на международных электронных площадках на примере Alibaba.com (Aliexpress.com). Предметом изучения выступает современное состояние гражданского законодательства в области защиты прав потребителей на международных площадках (в том числе при совершении трансграничных покупок).

Отмечается, защита прав потребителей в трансграничной розничной торговле обладает определенными особенностями, а сами такие сделки несут для потребителя дополнительные риски. Рассматриваются особенности взаимодействия площадки, продавца и покупателя на площадке Alibaba.com (Aliexpress.com) и судебная практика по отдельным спорам в связи с таким взаимодействием. Констатируется, что на настоящий момент практика торговли через данную площадку не в полной мере соответствует нормам законодательства РФ.

¹Васильева Александра Вадимовна — кандидат исторических наук, доцент факультета очного обучения, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий (Россия, г. Омск, ул. 24 Северная, д. 196, корп. 1)
E-mail: sferichesky.kon@yandex.ru.

CONSUMER RIGHTS WHEN CROSS-BORDER ONLINE PURCHASES (BASED ON THE EXAMPLE OF THE ELECTRONIC TRADE PLATFORM «ALIBABA.COM» («ALIEXPRESS.COM»))

Alexandra V. Vasilyeva

Candidate of Historical Sciences, Siberian Institute of Business and Information Technologies

Abstract. The article examines the issue of implementing consumer rights in the context of retail trade on international electronic platforms (using Alibaba.com (Aliexpress.com) as an example). The subject of the study is the current state of civil legislation in the field of consumer protection on international platforms (including when making cross-border purchases). It is noted that consumer protection in cross-border retail trade has certain features, and such transactions themselves carry additional risks for the consumer. The article examines the features of interaction between the platform, seller and buyer on the Alibaba.com (Aliexpress.com) platform and judicial practice in individual disputes related to such interaction. It is stated that at present the practice of trading through this platform does not fully comply with the norms of Russian legislation.

Поступила в редакцию:
2.02.2025

Практика по защите (как в судебном, так и во внесудебном порядке) прав потребителей и разрешению возникших потребительских споров в электронной коммерции (прежде всего на маркетплейсах) при купле-продаже на территории Российской Федерации уже достаточно развита. Формируется более или менее единое пространство, в котором существуют единообразные представления о порядке разрешения споров по основным вопросам защиты прав при заключении договоров купли-продажи дистанционным образом и в процессе исполнения таких договоров. Любой российский потребитель, решая совершить покупку онлайн, более или менее понимает, какими правами обладает и как будет проходить сделка. Это единообразное поле было сформировано, с одной стороны, решениями российских судов, с другой — собственным опытом российских маркетплейсов и заимствованием организационных приемов зарубежных торговых площадок.

Хотя исторически первым маркетплейсом современного типа был «Amazon», однако на развитие маркетплейсов в РФ в более значительной степени повлиял «АлиЭкспресс» (российское подразделение «Alibaba.com», далее — синонимы), который был первым популярным и доступным для российских потребителей зарубежным маркетплейсом. Он по-прежнему остается одним из лидеров рынка электронной коммерции в России и в некотором роде до сих пор «задает тон» в организации розничной торговли через сеть «Интернет».

Кроме того, большинство покупок на «АлиЭкспресс» являются трансграничными, то есть такими сделками, при которых «перевод денежных средств, при осуществлении которого плательщик либо получатель средств находится за пределами Российской Федерации, и перевод денежных средств, при осуществлении которого плательщика или получателя средств обслуживает иностранный банк» [1, п. 13 ст. 3]. Понятно, что такие сделки организационно более сложные, и это порождает дополнительные ситуации нарушения прав потребителя [2].

Однако способы разрешения возникающих споров в рамках трансграничной торговли куда более неоднозначны. Это связано с несколькими обстоятельствами:

1) требования к форме и порядку совершения трансграничных сделок розничной купли-продажи могут отличаться в законодательствах разных государств; национальные законодательства разных государств не единообразны отличаются той или иной степенью уникальности подходов к разрешению однотипных споров; международное законодательство не всегда имеет четко выраженные позиции по таким спорам;

2) трансграничная торговля может осуществляться разными способами: товар пересекает границы государств после заключения сделки либо находится на складе в РФ и при этом принадлежит зарубежному продавцу.

3) позиции национальных судов по таким спорам могут быть противоречивы; подведомственность и подсудность споров могут оцениваться по-разному.

Кроме того, сами по себе потребительские споры

в сфере онлайн-торговли могут быть разделены на группы споров в отношении потребительских свойств товаров (передан не тот товар или товар с заводскими изъянами) и в отношении нарушений, связанных с доставкой товаров (нарушение сроков, порядка доставки, повреждения в процессе доставки и т.д.).

На сегодняшний день международное законодательство четко определяет понятие «потребитель» и устанавливает за ним определенные права, которые возникают в результате заключения сделок на приобретение товаров и услуг у лиц, обладающих статусом предпринимателей или эквивалентными статусами в соответствии с национальными правовыми системами. Это законодательство направлено на защиту интересов потребителей, которые могут быть уязвимы в процессе покупки, учитывая асимметрию информации и силы между ними и продавцами. Одним из ключевых документов в этой области является «Руководство по защите прав потребителей» [3], разработанное Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Это руководство основано на «Руководящих принципах ООН для защиты интересов потребителей» [4], которые были приняты в 1985 году и с тех пор служат основой для формирования национальной политики в области защиты прав потребителей. Руководство ЮНКТАД представляет собой своего рода международное справочное пособие, которое направлено на развитие потенциала стран для эффективной защиты интересов потребителей [3, Предисловие]. «Руководство» предлагает наиболее общее понятие «потребителя», под которым понимается исключительно физическое лицо, которое, «независимо от его гражданства, действует в первую очередь в целях удовлетворения личных, семейных или домашних нужд» [там же]. В нем же обозначено, что основной причиной закрепления за потребителем особых прав является фактическое неравенство переговорных возможностей между ним и продавцом товара при заключении потребительских сделок в ситуациях, когда со стороны продавца покупателю в готовом виде предлагаются все условия договора и не допускается вносить в них свои коррективы [3, с. 4]. Следует признать, что это неравенство особенно заметно при обезличенном взаимодействии: то есть тогда, когда договор купли-продажи осуществляется через электронные платформы, на которых покупатель не взаимодействует с продавцом напрямую (в том числе чаще всего на его вопросы и жалобы отвечает не сам продавец, а представитель площадки) и не может повлиять на конкретное содержание и фактический порядок исполнения этого договора.

В целом в «Руководящих принципах» закреплены вполне универсальные, привычные потребителю РФ права на безопасность и качество товара; на информацию и о товаре, и порядке защиты своих прав; право на свободный выбор товара. Отдельно ими установлено, что потребители имеют право на доступ к информации, необходимой для обоснованного и разумного выбора товара, поэтому информация о товаре должна соответствовать индивидуальным запросам и потребностям. Отдельно отмечается, что одним из прав с появлением онлайн-торговли является обеспечение защиты потре-

бителей в сфере электронной торговли на уровне не ниже того, который обеспечивается применительно к другим формам торговли» является обеспечение защиты потребителей в сфере электронной торговли на уровне не ниже того, который обеспечивается применительно к другим формам торговли [4, п. j ст. 5].

Учитывая статус этого правового акта как международного, потребитель вполне вправе ожидать от продавцов другого государства при трансграничной купле-продаже, что тот будет признавать за ним эти права и способствовать их соблюдению.

Рассмотрим, как регулируются отношения по поводу соблюдения прав потребителей самой площадкой электронной торговли «Alibaba.com» в добровольном порядке (то есть силами самой площадки), и каких позиций придерживаются российские суды.

СТАТУС ALIBABA.COM (ALIEXPRESS.COM) КАК ИНФОРМАЦИОННОГО ПОСРЕДНИКА

В российской судебной практике в большинстве споров признается, что маркетплейс обладает статусом информационного посредника — то есть он сам не производит и не вводит в гражданский оборот продукцию [5].

Эта же позиция заявлена и в «Пользовательском соглашении о разрешении споров в отношении товаров, реализуемых на Платформе aliexpress.ru» [6, п. 7.1]: Aliexpress.com не представляет ни продавцов, ни покупателей по конкретным сделкам, поэтому не контролирует и не несет ответственность за качество, безопасность, законность или доступность продуктов или услуг, предлагаемых для продажи на этой платформе.

Российские суды также признают за этим маркетплейсом статус информационного посредника [7]. В рамках потребительских споров суды придерживаются той же позиции: «суд приходит к выводу о том, что АлиЭкспресс Сингапур оказывает посредническую услугу технического характера — предоставляет продавцам возможность размещать информацию (объявления), а покупателям — возможность доступа к объявлениям. То есть эта услуга ограничивается созданием для продавца и потенциального покупателя информационной среды, в которой у продавца и потенциального покупателя возникает возможность реализации товара путем заключения прямого договора купли-продажи товаров между собой» [8]. Таким образом, сформулировано определение основной услуги, оказываемой площадкой — *это создание информационного пространства, в рамках которого у продавца и покупателя возникает возможность заключать договоры купли-продажи напрямую.*

Хотя сам по себе «Aliexpress.com» не выступает ответчиком по потребительским спорам, это не означает, что он полностью снимает с себя обязанность создания условий для соблюдения прав потребителей.

МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОДАВЦА И ПОКУПАТЕЛЯ НА ПЛАТФОРМЕ ALIEXPRESS.COM

Кроме общих логистических моделей взаимодействия продавца и маркетплейса (FBO (для Aliexpress.com, соответственно, FBA), FBS и DBS), которые реа-

лизуются платформой, конкретные модели реализуются в зависимости от того, кто выступает продавцом и где территориально располагается производств (склад) продавца.

В частности, долгое время продавцы из России не могли воспользоваться услугой хранения товара на складских помещениях маркетплейса (FBA), поскольку на территории РФ их просто не было. Однако с появлением локального отделения (площадка располагается по адресу www.tmall.ru и называется «Интернет-магазин Tmall») эта опция стала доступна и и продавцам из РФ. Однако модель FBS (Fulfillment by Seller) по-прежнему является стандартной и достаточно популярной среди продавцов на «Alibaba» и «AliExpress». В этой модели товары хранятся у продавца, который отвечает за упаковку и отправку после получения заказа. Это позволяет продавцам иметь больший контроль над процессом доставки и запасы товаров. При этом на территории Китая товар доставляется собственной системой доставки и множеством разных частных перевозочных компаний, на территории России продавцу (в том числе китайскому) доступны два основных способа доставки: с помощью «Почты России» до почтового отделения или логистической компанией-партнером «Aliexpress» — «Cainiao Smart Logistics Network Limited» («Цайняо») до постамата. В некоторых случаях продавцы товаров заключают дополнительные соглашения с иными грузоперевозчиками, то есть избирают модель DBS, при которой сами организуют доставку заказанных товаров. Выбор способа доставки в таком случае зависит от предпочтений покупателя и предлагаемых вариантов при оформлении заказа. Немаловажным фактором выбора является стоимость доставки.

УСТАНОВЛЕНИЕ ГРАНИЦ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В РАМКАХ ТОРГОВЛИ НА ALIEXPRESS.COM

Рассмотрим степень признания платформой Aliexpress.com основных потребительских прав и конкретные инструменты, которые были ею внедрены для их защиты.

Информация о продавце и товаре. Учитывая общее пространство платформы, количество продавцов и товаров на ней, Aliexpress.com уведомляет, что, несмотря на усилия платформы по обеспечению безопасности, пользователи должны проявлять осторожность и использовать здравый смысл при взаимодействии с другими пользователями и самими товарами. Это включает в себя проверку информации о продавце, чтение отзывов и оценок, а также осмотрительность при совершении платежей [6, п. 7.2]. Тем не менее, пунктом 7.5 «Пользовательского соглашения» Aliexpress.com закрепляет за собой право запрашивать у пользователей необходимую юридическую информацию о продавце и конкретных товарах, а при непредоставлении — блокировать профиль и карточки товаров.

В целом платформа довольно подробно перечисляет неблагоприятные последствия для покупателей, за риски возникновения которых ответственность не несет: «непредставление продукции и услуг, мошеннические схемы, неудовлетворительное качество товара, несо-

ответствие техническим характеристикам, дефектные или опасные продукты, незаконные продукты, задержка или невыполнение доставки или оплаты, неверные расчеты стоимости, нарушение гарантии, нарушение контракта, транспортные инциденты» и т. д. [6, п. 7.3].

Суды в спорах, касающихся недостоверной информации о товарах, продаваемых через «Алиэкспресс», в целом согласны с этой позицией: «Владелец агрегатора не несет ответственность за убытки, причиненные потребителю вследствие предоставления ему недостоверной или неполной информации о товаре (услуге), в случае, если владелец агрегатора не изменяет информацию о товаре (услуге), предоставленную продавцом (исполнителем) и содержащуюся в предложении о заключении договора купли-продажи (договора возмездного оказания услуг)» [9].

Передача товара покупателю и сроки доставки товара. Поскольку платформа неоднократно подчеркивает, что не является стороной договора купли-продажи, то, в соответствии с принципом работы площадки, покупатель заключает договор розничной купли-продажи с продавцом товара в момент, когда делает на сайте заказ. При этом сам Aliexpress.com считает обязательства продавца перед покупателем возникшими с момента, когда товар был оплачен. Напротив, российское законодательство предлагает правило, по которому «обязательства продавца при дистанционной торговле возникают с момента получения им сообщения потребителя о намерении заключить такой договор» (однако в оферте продавца разрешено определять этот момент иначе) [10, п. 13]. По всей видимости, Aliexpress.com исходит из позиции учета не только интересов покупателя, но и продавца: при трансграничной торговле стоимость пересылки товара и его обратной пересылки в случае, если покупатель «передумает», может стоить дороже самого пересылаемого товара.

Вытекающая из этой позиции площадки норма, прямо противоречащая российскому законодательству и позиции российских судов, закреплена в п. 7.7 «Пользовательского соглашения» [6]. Она предполагает право продавца отказаться от сделки в одностороннем порядке, если товара нет на складе или он не может быть доставлен в место, указанное покупателем. Площадка определяет, что обязательства продавца по передаче товара возникают с момента оплаты покупателем заказа только в том случае если в течение времени сборки покупатель не получил информацию о невозможности отправки. Соответствующая пометка появляется в личном кабинете покупателя, а на его счет возвращается уплаченная сумма [там же].

Как уже говорилось выше, в российском законодательстве установлено, что обязательства продавца по передаче товара покупателю возникают либо от момента, когда покупатель сделал заказ, либо от момента, когда он оплатил товар. При этом односторонний отказ от исполнения обязательства не допускается (п. 1 ст. 310 ГК РФ). В подобных ситуациях суды однозначно встают на сторону покупателя, даже если продавец тут же возвратил уплаченную сумму: «Сам по себе возврат уплаченных за товар денежных средств не является

основанием, предусмотренным законом, для отказа от исполнения обязательства» [11]. Также суды признают такое условие в пользовательских соглашениях и иных правилах пользования маркетплейсов недействительным: «заключение договора ведёт к необходимости его исполнения» (ст.ст. 309, 310 Гражданского кодекса Российской Федерации) [12].

В отношении AliExpress российские суды в целом придерживаются тех же позиций, в том числе и в ситуациях, когда покупатель приобрел определенное количество единиц однотипного товара, но доставлена ему была только часть [13].

Что касается права покупателя в любой момент до получения товара отказаться от него, а после получения товара надлежащего качества вернуть его продавцу в течение семи дней (ст. 26.1 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», далее — ЗоЗПП), то фактически площадка за покупателем такого права не закрепляет, оставляя эту возможность на усмотрение конкретных продавцов. В таком случае на странице товара будет размещена пометка о том, что товар можно вернуть в течение определенного срока. Отмена заказа до момента фактического получения товара только в том случае, если продавец не успел его отправить. Если отмена произошла позже, чем через 30 минут после оформления заказа, «продавец получает запрос покупателя об отмене заказа в Личном кабинете Продавца и должен подтвердить или отклонить его в течение 48 часов с момента получения». Кроме того, «стоимость Доставки Товара из отменного Заказа подлежит удержанию и не возвращается покупателю» [14, п. 3.1.2].

Возврат товара ненадлежащего качества возможен только в случае, если при возникновении спора продавец согласится с тем, что товар обладает недостатками. При этом возврат товара даже в этом случае может быть возложен на покупателя и за его счет (опять же по усмотрению продавца или по решению «Арбитража АлиЭкспресс» покупателю могут предложить оплатить обратную отправку товара ненадлежащего качества без дальнейшего возмещения этой суммы).

Разрешение споров инструментами Aliexpress в добровольном порядке. В целях соблюдения прав потребителя и упрощения процедуры их защиты на маркетплейсе функционирует так называемый «Арбитраж АлиЭкспресс», который помогает продавцам и покупателям урегулировать претензии и разногласия в отношении заключения, выполнения или прекращения заказов, размещенных на платформе при поставке на территорию РФ [14, п. 1.9.]. В объяснении процедуры такого арбитража «Aliexpress» указывает, что вправе привлечь третьих лиц к разрешению спора, что должно повысить объективность при разрешении конфликтов.

Основными методами защиты прав потребителя силами платформы при обнаружении недостатков товара являются полный или частичный возврат стоимости товара покупателю [там же, п. 3.3.3.] Нужно отметить, что российское законодательство предлагает более широкий спектр возможных требований потребителя в указанной ситуации: кроме возврата денежных средств он может потребовать ремонт товара, его заме-

ну на аналогичный, в том числе другой марки с доплатой или возвратом разницы в цене и т.д. (ст. 18 ЗоЗПП). Однако возможности выбора этих вариантов площадка AliExpress покупателю не предлагает.

Таким образом, мы видим, что особенности трансграничной торговли в розницу через маркетплейсы определяют некоторые специфические черты работы таких электронных площадок. Хотя международные стандарты в области защиты прав предполагают, что в электронной торговле потребитель должен обладать

тем же объемом прав, что и в стандартных договорах розничной торговли, следует констатировать, что трансграничные маркетплейсы ограничивают покупателей в их правах с учетом интересов продавцов, а также уменьшают для них количество способов защиты своих прав во внесудебном порядке. Тем не менее, очевидные выгоды пользования маркетплейса AliExpress делают эту площадку одним из популярных мест розничной электронной торговли для покупателей из России.

Список источников

1. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «О национальной платежной системе». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения: 31.01.2025).
2. Яо Биюй. Сделка, заключаемая с использованием онлайн-платформ, как правовое явление в Российской Федерации и Китайской Народной Республике // Юрист. 2022. № 4. С. 28–33.
3. Руководство по защите прав потребителей Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД). URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditccplp2017d1_ru.pdf (дата обращения: 31.01.2025).
4. Руководящие принципы Организации объединенных наций для защиты интересов потребителей. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditccplpmisc2016d1_ru.pdf (дата обращения: 31.01.2025).
5. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26 мая 2020 г. № C01-131/2020 по делу № А40-133459/2019. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/7500131d-7c5b-427d-82cd-65fdc6319bf5> (дата обращения: 31.01.2025).
6. Пользовательское соглашение (в редакции от 23 декабря 2024 г.). URL: https://business.aliexpress.ru/legal-docs/article/aer_ru_membership_agreement (дата обращения: 31.01.2025).
7. Определение Верховного суда РФ от 5 июля 2022 г. по делу № А40-77522/2021. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/zaEwvjCfOVQ8/> (дата обращения: 31.01.2025).
8. Решение Ленинского районного суда г. Ульяновска (Ульяновская область) № 2-2714/2023 2-2714/2023~М-2160/2023 от 21 июня 2023 г. по делу № 2-2714/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Uc8DAR0Wpygm/> (дата обращения: 31.01.2025).
9. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции по делу №8Г-20413/2023 [88-21868/2023] от 26.09.2023. URL: http://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=4898836&case_uid=64fde40b-bf2d-427c-b067-2916d6b760e2&delo_id=2800001&new=2800001 (дата обращения: 31.01.2025).
10. Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2463 (ред. от 17.05.2024) «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373622/ (дата обращения: 31.01.2025).
11. Определение Верховного Суда РФ по делу № 7-КГ23-4-К2 от 5 сентября 2023 г. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2289832 (дата обращения: 31.01.2025).
12. Определение Верховного Суда РФ № 16-КГ23-6-К4 от 6 июня 2023 г. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/11704772> (дата обращения: 31.01.2025).
13. Решение Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону по делу № 2-4717/2023 от 18 декабря 2023 г. URL: <https://судебныерешения.рф/79995729> (дата обращения: 31.01.2025).
14. Пользовательское соглашение о разрешении споров в отношении товаров, реализуемых на платформе AliExpress.ru. URL: <https://business.aliexpress.ru/legal-docs/article/aer-dispute-policy> (дата обращения: 31.01.2025).

References

1. Federal Law of June 27, 2011 No. 161-FZ (as amended on November 23, 2024) «On the National Payment System». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/.
2. Yao Biyu. A transaction concluded using online platforms as a legal phenomenon in the Russian Federation and the People's Republic of China. *Jurist = Lawyer*. 2022; 4: 28-33. (In Russ.).
3. Consumer Protection Guidelines of the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditccplp2017d1_ru.pdf (accessed on January 31, 2025).
4. United Nations Guidelines for Consumer Protection. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/ditccplpmisc2016d1_ru.pdf.

5. Resolution of the Intellectual Property Court of 26 May 2020 No. C01-131/2020 in case No. A40-133459/2019. Available at: <https://kad.arbitr.ru/Card/7500131d-7c5b-427d-82cd-65fdc6319bf5>.
6. User Agreement (as amended on 23 December 2024). URL: https://business.aliexpress.ru/legal-docs/article/aer_ru_membership_agreement.
7. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of July 5, 2022 in case No. A40-77522/2021. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/zaEwvjCfOVQ8/>.
8. Decision of the Leninsky District Court of Ulyanovsk (Ulyanovsk Region) No. 2-2714/2023 2-2714/2023~M-2160/2023 of June 21, 2023 in case No. 2-2714/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Uc8DAR0Wpygm/>.
9. Determination of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction in case No. 8G-20413/2023 [88-21868/2023] dated 26.09.2023. URL: http://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=4898836&case_uid=64fde40b-bf2d-427c-b067-2916d6b760e2&delo_id=2800001&new=2800001.
10. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 31, 2020 No. 2463 (as amended on May 17, 2024) «On approval of the Rules for the sale of goods under a retail sale and purchase agreement, a list of durable goods that are not subject to the consumer's requirement for the free provision of a product with the same basic consumer properties for the period of repair or replacement of such a product, and a list of non-food products of proper quality that are not subject to exchange, as well as on amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation.» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373622/ (date of access: January 31, 2025).
11. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation in case No. 7-KG23-4-K2 dated September 5, 2023. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2289832.
12. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 16-KG23-6-K4 dated June 6, 2023. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/11704772>.
13. Decision of the Voroshilovsky District Court of Rostov-on-Don in case No. 2-4717/2023 dated December 18, 2023. URL: <https://субедныерешения.пф/79995729>.
14. User Agreement on Dispute Resolution Regarding Products Sold on the AliExpress.ru Platform. URL: <https://business.aliexpress.ru/legal-docs/article/aer-dispute-policy>.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА БИЗНЕСА И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Статья оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р. 7.0.7-2021.

Обязательными элементами оформления являются:

- название рубрики или раздела издания;
- тип статьи;
- индекс Универсальной десятичной классификации (УДК);
- заглавие статьи (строчными буквами);
- подзаголовочные данные статьи (при наличии);
- сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; наименование организации, где работает автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.); адрес организации, где работает автор (город и страна); электронный адрес автора (e-mail); открытый идентификатор ученого (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) и иные идентификаторы (при наличии).
- аннотация (резюме);
- ключевые слова (словосочетания) — отделяются запятыми, точка в конце не ставится.

Данные предоставляются на **русском и английском** языках.

Авторский оригинал нужно представить в виде текстового файла в редакторе MS Word с расширением *.doc, *.docx.

Основные требования к содержанию статей.

Вводная часть должна характеризоваться наличием четко сформулированной цели предпринятого автором исследования, обоснования научной новизны и значимости проведенной работы. Также во вступительной части статьи автору следует привести содержательный анализ имеющейся современной литературы (монографии, статьи, методические пособия и т. д., изданные, как правило, в последние 3-5 лет) по научному профилю выполненного исследования. Вводная часть должна включать и авторское видение уже проведенных другими учеными научных изысканий, достоинств и недостатков указанных трудов с выходом на тематику конкретного (проведенного автором и отраженного в статье) исследования и, соответственно, с обоснованием вытекающей из представленного анализа современных научных работ научной новизны подготовленной автором статьи.

Заключительная часть должна представлять собой развернутое, хорошо аргументированное обоснование значимости проведенного и отраженного в работе научного исследования. Автору необходимо указать, какой именно вклад в развитие теоретической и прикладной науки вносит выполненная им работа.

Библиографический список должен включать ссылки на ключевые профильные фундаментальные исследования крупнейших отечественных и зарубежных ученых, а также на труды, отражающие современное состояние науки по тематике выполненного исследования.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

ПАРАМЕТРЫ СТАТЬИ	ТРЕБОВАНИЯ
Объем статьи	18–20 000 печ. знаков с пробелами
Поля	сверху и снизу — по 2,5; слева и справа — по 2 см.
Межстрочный интервал	Одинарный
Абзацный отступ	1 см (автоматический)
Размер шрифта	Times New Roman 14 пт
Отступы, пробелы между словами	Автоматические
Кавычки	« »
Проценты	в виде 2%
Инициалы	в виде И. О. Фамилия
Формулы	Должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Equation 2.0, 3.0, предоставлены в виде изображения в формате gif, jpeg
Тип статьи	Указание «Научная статья» — в верхнем левом углу
УДК, авторский знак	УДК, в верхнем левом углу с указанием «© И.О. Фамилия»
Название статьи	— строчными буквами полужирным шрифтом; — выравнивание по центру

Аннотация	<p>Объем аннотации — 100-150 слов, печатается через строку после названия статьи, выделяется курсивом.</p> <p>Аннотация — точное изложение содержания статьи, включающее основные фактические сведения и выводы, без дополнительной интерпретации или критических замечаний автора статьи. Текст аннотации не должен содержать информацию, которой нет в статье. Она должна отличаться лаконичностью, убедительностью формулировок, отсутствием второстепенной информации. Включение в аннотацию схем, таблиц, графиков и рисунков не допускается. Текст аннотации должен начинаться фразой, в которой сформулирована главная тема статьи. В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научного стиля, избегать сложных грамматических конструкций, применять стандартизованную терминологию. Сокращения и аббревиатуры в тексте аннотации не допускаются. Следует избегать употребления малораспространённых терминов.</p> <p>В аннотации необходимо соблюдать единство терминологии со статьёй. В тексте аннотации следует употреблять значимые слова из текста статьи для обеспечения автоматизированного поиска.</p> <p>Аннотация может включать следующие аспекты содержания статьи:</p> <ul style="list-style-type: none"> — предмет, тему, цель работы; — метод или методологию проведения работы; — результаты работы; — область применения результатов; — выводы. <p>Методы в аннотации только называются. Результаты работы описывают предельно точно и информативно. При этом отдаётся предпочтение новым результатам и выводам, которые, по мнению автора статьи, имеют практическое значение. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, описанными в статье.</p>
Ключевые слова	Объем ключевых слов — суммарно 10-12 единиц (включая слова в составных терминах).
Таблицы и иллюстрации	Таблицы и иллюстрации должны быть пронумерованы («Таблица 1», «Рис. 1»), озаглавлены (таблицы должны иметь заглавие, а иллюстрации — подрисуночные подписи) и помещены в тексте статьи сразу после указания на них. В основном тексте обязательно должны содержаться ссылки на таблицы и рисунки. Таблицы в формате MSWord. Схемы, иллюстрации — изображения в формате jpeg, разрешения не ниже 300 dpi, а не сгруппированные объекты!
Ссылки на литературу	<p>Цифры, заключенные в квадратные скобки: [1]</p> <p>Ссылка приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и после запятой номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой. Пример: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57]</p>
Список источников Образец 3	<p>Список источников составляется по порядку цитирования. Постраничные сноски не применяются. Ниже основного текста печатается по центру жирным шрифтом заглавие «Список источников» и помещается пронумерованный перечень источников.</p> <p>Порядковый номер источника в библиографическом списке выставляется вручную, автоматическая нумерация исключается.</p> <p>Все цитируемые тексты, в том числе электронные и Интернет-источники, должны иметь ссылки и указание в Списке источников.</p> <p>Запись для пристатейных списков, содержащих сведения об использованных или рекомендуемых источниках, составляют по ГОСТ Р. 7.0.5. (Атлас новых профессий 3.0 / Под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М.: Интеллектуальная Литература, 2020. 456 с.).</p> <p>Следование ГОСТу строго обязательно.</p> <p>Необходимыми элементами описания являются: указания места издания (М), года издания (2020), общего количества страниц источника (456 с.) или конкретных страниц цитаты (С. 23). Описание электронного источника должно производиться согласно указанному ГОСТу. Нормативно-правовые акты должны указываться в начале списка по мере в иерархическом порядке. Образец оформления списка источников см. ниже.</p> <p>Библиографические описания тщательно выверяются автором.</p>
References Образец 4	<p>К статье должен прилагаться СПИСОК ИСТОЧНИКОВ В ЛАТИНИЦЕ (References).</p> <p>Список источников в латинице составляется по следующим правилам.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Не допускается смешивать русский и английский текст в одной ссылке. 2. Не допускается сокращений списка литературы на русском при переносе английских ссылок в References. 3. Зарубежные ссылки нужно повторять и в списке на русском языке, и в списке на латинице. 4. Библиографическое описание статьи журнала на латинице составляется по следующей схеме: авторы; заглавие статьи на английском языке; название русскоязычного источника (транслитерация) через «=» название источника на английском, выделенное курсивом; выходные данные либо только цифровые на английском языке.

Образец 1
Начало статьи

Научная статья
УДК 000 © И. О. Фамилия
И. О. Фамилия

Сведения об авторе: Фамилия Имя Отчество — ученая степень, ученое звание; наименование организации, где работает автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.), адрес организации, где работает автор (город и страна); электронный адрес автора (e-mail); открытый идентификатор ученого (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) и иные идентификаторы (при наличии)

Название статьи

Аннотация. В статье рассмотрено (предлагается, анализируется и т.п.)... Целью работы является... К используемым методам относятся... Результатом разработанной методики является... Полученные результаты могут быть применены... Автор статьи пришел к следующим выводам...

Ключевые слова: ключевые слова...

Образец 2
Данные на английском языке

Article title

First Name M. (Middle Name) Last Name

Position, name of the University

Abstract. In the article (etc.)... The aim is... The methods used... The result of the developed technique is... The obtained results can be applied... The author came to the following conclusions...

Keywords: keywords...

Образец 3
Оформление списка источников

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Закон Омской области от 13.07.2004 г. № 527-ОЗ «Об инновационной деятельности на территории Омской области» // Правовая справочно-информационная система «Гарант».
3. Джонсон М. У., Маршал Г. У. Управление отделом продаж. Планирование. Организация. Контроль. М.: ИД «Вильямс», 2007. 640 с.
4. Антонова Н. В., Патоша О. И. Восприятие брендов и стратегии потребительского поведения. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 208 с.
5. Сорокин Д. Е., Сухарев О. С. Структурно-инвестиционные задачи развития экономики России // Экономика. На-логи. Право. 2013. № 2 (3). С. 4–15.
6. Филимонова А. Р. Современные информационные технологии на государственной и муниципальной службе // Государ-ство, право, политика и экономика в условиях цифровой трансформации: материалы I Всероссийской (национальной) на-учн.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов (Ростов-на-Дону, 16 марта 2022 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2022. С. 27.
7. Бреусова А. Г. Сибирь в региональной политике // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2009. № 2. С. 81–86.
8. В республике создается особая экономическая зона [Электронный ресурс] // Правительство Республики Башкортостан. URL: http://pravitelstvorb.ru/ru/press-office/news.php?ELEMENT_ID=20146 (дата обращения: 12.12.2022).

Образец 4
Оформление References

References

1. Tietje C., Baetens F. The impact of investor-state-dispute settlement (ISDS) in the Transatlantic trade and investment partnership: Study prepared for the Minister for Foreign Trade and Development Cooperation, Ministry of Foreign Affairs, The Netherlands. 2014. URL: <https://ecipe.org/wp-content/uploads/2015/02/the-impact-of-investor-state-dispute-settlement-isds-in-the-tip.pdf>.
2. Sorokin D. E., Sukharev O. S. Structural and investment objectives of the development of the Russian economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics. Taxes. Law*. 2013; 2 (3): 4-15. (In Russ.).
3. Candela R., Geloso V. Coase and transaction costs reconsidered: The case of the English lighthouse system. *European Journal of Law and Economics*. 2019;48(3):331-349. DOI: 10.1007/s10657-019-09635-4.
4. Hindelang S., Krajewski M., eds. Shifting paradigms in international investment law: More balanced, less isolated, increasingly diversified. Oxford: Oxford University Press; 2015. 432 p.